
ЛИТЕРАТУРА
Я ПОЗНАЮ МИР

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

Литература

МОСКВА
1997

ББК 26.89(О).
Я 11

Автор-составитель *Н.В. Чудакова*
Художники *Е.В. Гальдяева, А.В. Кардашук*
Под общей редакцией *О.Г. Хинн*

Я познаю мир: Дет. энцикл.: Литература /
Я 11 Авт.-сост. Н.В. Чудакова; Худож. Е.В. Гальдяева, А.В. Кардашук; Под общ. ред. О.Г. Хинн.— М.: Издательство АСТ-ЛТД, 1997—448с.

ISBN 5-15-000359-X

Новый том познакомит вас с замечательными авторами, русскими и зарубежными, и с их не менее замечательными произведениями, отрывки из которых приведены в рубрике «Листая страницы». Книга расскажет об основных литературных жанрах, а также поможет читателям разгадать тайны загадочных псевдонимов и открыть для себя волшебный мир поэзии и прозы.

ББК 26.89(О)

ISBN 5-15-000359-X

К ЧИТАТЕЛЮ

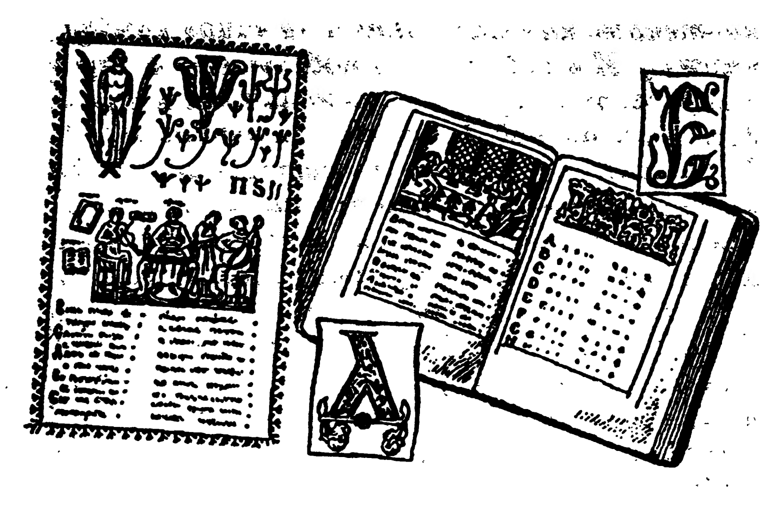
Перед Вами — очередной том из серии «Я познаю мир». На этот раз — о книгах. Точнее — о тех, кто их пишет. Вы узнáете о писателях и поэтах, которые в разное время создавали произведения для детей. Правда, иногда бывает трудно сказать определенно, «детская» это книга или «взрослая». Порой взрослые и дети с одинаковым интересом читают одни и те же книги.

«Нельзя объять необъятное», — считал один литературный герой. Пришлось согласиться с ним и из целого океана, именуемого Литературой, взять для нашей книги лишь небольшой ручеек. Вы встретитесь с авторами, чье творчество изучают в школе, а также узнáете о тех писателях, которые не вошли в школьную программу, но известны многим поколениям читателей своими увлекательными книгами.

При работе над этим томом автору-составителю приходилось обращаться в самые разные библиотеки: и в совсем маленькую — школы №24 подмосковной Балашихи, где биб-

лиотекарь, кажется, знает «в лицо» каждую книжку. И в библиотеку побольше — в клубе микрорайона. Пришлось покопаться и в фондах центральной детской библиотеки города Балашихи — именно ее сотрудники были главными помощниками при написании этой книги. А на самые трудные вопросы отвечали и предоставили автору самые редкие издания в главной библиотеке страны — Российской Государственной. И хотя время для библиотек сейчас очень трудное — ни один вопрос не остался без ответа, и нужная книга всегда находилась. Спасибо за это всем работникам библиотек!

Итак, дорогой читатель, вперед — в мир Литературы!

АЗБУКА

Слово **азбука** составлено из первых славянских букв — *аз* и *буки*. Оно имеет несколько значений. Во-первых, это совокупность букв, принятых в данной письменности и расположенных в определенном порядке (то же, что и *алфавит*). Во-вторых, — система условных знаков (например, *нотная азбука* или *азбука Морзе*). А еще «Азбука» (или «Букварь») — учебник русской грамоты. Самая первая русская печатная азбука была составлена и издана **Иваном Федоровым** во Львове в 1574 году — через десять лет после того, как на Руси появилась первая печатная книга. Какими были книги до изобретения печатного станка, вы можете узнать из томов «История» и «Культура», входящих в серию «Я познаю мир».

Первый печатный учебник русской грамоты состоял из двух частей. Бо́льшая была по-

священа изучению букв и слогов, меньшая содержала тексты, которые должны были читать ученики, уже знающие грамоту. Знакомила книга и с цифрами.

К сожалению, ученым известен лишь один дошедший до наших дней учебник Ивана Федорова. Его в 1927 году нашел в Риме у букиниста (торговца старыми книгами) выдающийся театральный и художественный деятель С. П. Дягилев. Сейчас эта книга хранится в библиотеке Гарвардского университета в США.

Примерно с середины XVII века входит в употребление слово «букварь», и постепенно так начинают именовать книгу, которую раньше называли «азбукой». Букварем называют и первый учебник российских школьников — тот самый, по которому вы начали в школе изучение русской грамоты. По доброй традиции этот учебник выдается каждому ученику бесплатно и остается в семье на память о первых школьных днях.

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ (1791—1859)

Гимназист младшего класса Казанской гимназии Сережа Аксаков, открыв однажды вечером книгу «Детское училище», прочел сказку «Красавица и зверь». Мальчик сразу вспомнил сказку, которую в имении деда рассказывала ему ключница Пелагея. Начиналась ее сказка так:

«...Собрался купец за море, в тридевятое

царство, в тридесятое государство, и говорит дочерям:

— Коли вы будете жить честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, какие сами захотите.

Старшая дочь попросила золотой венец из каменьев самоцветных, чтобы было от них светло в темную ночь, как среди дня белого.

— Привези мне туалет из хрусталю восточного, цельного, беспорочного, чтоб, глядясь в него, я не старилась и красота моя девичья прибавлялася, — попросила средняя дочь.

А когда настал черед младшей дочери, она поклонилась отцу в ноги и попросила привезти ей...»

Конечно, многие узнали сказку «Аленький цветочек». Возможно, кто-то вспомнит похожую историю из мульт-

фильма У. Диснея «Красавица и чудовище», другие — русскую народную сказку «Финист — ясный сокол». И все будут правы, даже те, кто вспомнит повествование древнего римлянина Апулея об Амуре и Психее. Потому что в основе этих на первый взгляд таких разных произведений — одно: любовь, которая побеждает колдовские чары. И пока будет такая любовь жить среди людей — будут люди рассказывать о ней сказки.

Сказку ключницы Пелагеи об аленьком цветочке прекрасный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков помнил всю жизнь, а записал только за год до смерти, будучи уже пожилым человеком. Он напечатал эту сказку в качестве приложения к **автобиографической** (то есть описывающей жизнь автора) книге «Детские годы Багрова-внука».

Те, кто знаком с творчеством Аксакова, считают, что главным героем его произведений является русская природа. Ей посвящены «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Записки об ужении рыбы», она присутствует в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука»... Писатель видел природу каким-то особым, проникновенным взглядом художника, «сердце которого открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня...»

Вслед за Аксаковым пошли в мир природы Л.Н. Толстой и И.С. Тургенев, М.М. Пришвин и В.В. Бианки, К.Г. Паустовский и И.В. Соколов-Микитов. А с ними — тысячи, миллионы читателей их замечательных книг.

Ал. АЛТАЕВ
(1872—1959)

В семье актера В.Д. Рокотова родилась дочь Маргарита. Отец — между прочим, потомок знаменитого живописца Ф.П. Рокотова — скитался с семьей по России. Дочь переписывала роли для актеров его любительской труппы. Потом она училась в Петербурге на педагогических курсах и в рисовальной школе. Но влекла ее литература — девушке было семнадцать лет, когда напечатали первое ее произведение.

В 1893 году Маргарита Рокотова вышла замуж и стала Ямщиковой. Через год у нее родилась дочь Людмила...

«А почему рассказ о Маргарите Ямщиковой помещен в статью об Ал. Алтаеве?» — спросит читатель. А потому, что **Ал. Алтаев — псевдоним** (вымышленное имя) писательницы **Маргариты Владимировны Ямщиковой**. Именно этим псевдонимом подписано большинство ее книг. Ею созданы **биографии** (жизнеописания) выдающихся людей — Рафаэля и Леонардо, Микеланджело и Брюллова, Глинки и Бетховена, Тургенева и Лермонтова... Писала она исторические романы и **мемуары** (воспоминания) о людях искусства, с которыми ей довелось встречаться.

Часто на титульном листе книги рядом с именем «Ал. Алтаев» можно встретить еще одно — «Арт. Феличе». Это тоже псевдоним. Людмила, дочь писательницы, выросла и стала соавтором своей матери.

Восемь лет подряд по четвергам М.В. Ямщикова встречалась с сыном скульптора П. К. Клодта, который рассказывал ей о своем отце. Так постепенно собралось повествование «Клодтовские четверги». В свое время П.К. Клодт работал над памятником И.А. Крылову. Вот рассказ об этом.

Не помню точно, сколько времени он работал над моделью, но статуя была окончена в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Рисунок модели, который нужно было представить для утверждения государю и академическому совету, ему делал Агин, блестящий рисовальщик, как раньше аничковских лошадей делал Карл Павлович Брюллов. Поэтому Агин чуть не дневал и ночевал тогда у нас, зарисовывая с натуры набранных отцом животных. Эти животные жили у нас как члены семьи. И чего-чего только не было в обширных мастерских отца! Они наполнялись сплошным ревом, воем, блеяньем, писком. Из царской охоты прислали волка; из Новгородской губернии, от дяди, — медведя с двумя медвежатами; художник Боголюбов подарил маленькую, забавную макаку с острова Мадеры. Отец добавил эти персонажи журавлем, ослом, лисицей и овцой с ягнятами...

— А медведь? — спросила я. — Вы хотели рассказать про шалости медведя.

— Пожалуй, это была самая забавная штука из всех, которые проделал наш мишка. Зимними сумерками отец кончил лепить и закрыл работу мокрыми тряпками. Арсений запер на ночь некоторых из обитателей «зверинца»; другие и сами убрались на покой; заснул на подстилке рядом с собаками Воля (волк — *Ред.*), спала на мягком тюфячке и обезьянка, и только один косолапый, как-то позабытый, притаился за ящиками и ждал, когда Арсений уйдет из мастерской. Едва шаги старика стихли, мишка вылез из засады, осторожно забрался на громадный стол, тянувшийся под окнами, вдоль стены, и стал размышлять. В окна мастерской, поднимавшиеся невысоко над тротуаром, смотрела лунная ночь. Снег искрился; виднелась бесконечная гладь Невы. Вспомнил ли медведь прогулки на свободе в родных лесах, захотел ли выкинуть новую проказу, но он встал на задние лапы, попробовал достать большую, широкую форточку, убедился, что она не заперта, и, открыв ее, вылез на улицу...

Ночь была звездная, а Нева искрилась серебром. На снегу реки чернели вехи — крошечные елочки мостков. В синем свете морозной ночи черной глыбой на просторе Невы выделялся мишка. В это время по мосткам шел, возвращаясь с работы, один из маляров, живших недалеко от академии. Он принял медведя издалека за собаку и ласково к себе поманил. Но когда мишка поднялся на задние лапы и доверчиво пошел за парнем, тот ясно разглядел медведя. Его ноги точно приросли ко льду. Дрожа всем телом, он рванулся и пустился бежать от страшного зверя... А мишка, думая, что маляр с ним играет, весело побежал сзади. Чем больше припускал шагу маляр, тем быстрее бежал медведь. В нашем доме он привык к теплу, ласке, людским голосам и, очутившись на свободе, успел и озябнуть, и соскучиться по друзьям-людям и теперь был рад ласковому зову парня. Маляр стремглав влетел в квартиру артели; бледный, дрожащий, с выпученными глазами, бросился он на лавку и закричал, задыхаясь: «Ребята... за мной... медведь...» Вслед за ним мохнатым комом ввалился мишка, весь в снегу, с веселым, радостным ревом... Маляры, часто работавшие в академии, хорошо знали отцовский зверинец и, увидев Топтыгина, расхохотались: «Да ведь это клодтовский Михайло Иваныч! А тебе и невдомек, спужался, глупый! Вот что значит — новый, только что из деревни, — баронова мишку и не знает!» И они наперебой стали угощать медведя: кто сахаром, кто патокой... А мы в это время теряли голову в поисках, и ка-

кова была радость, когда маляры привели к нам мишку обратно!..

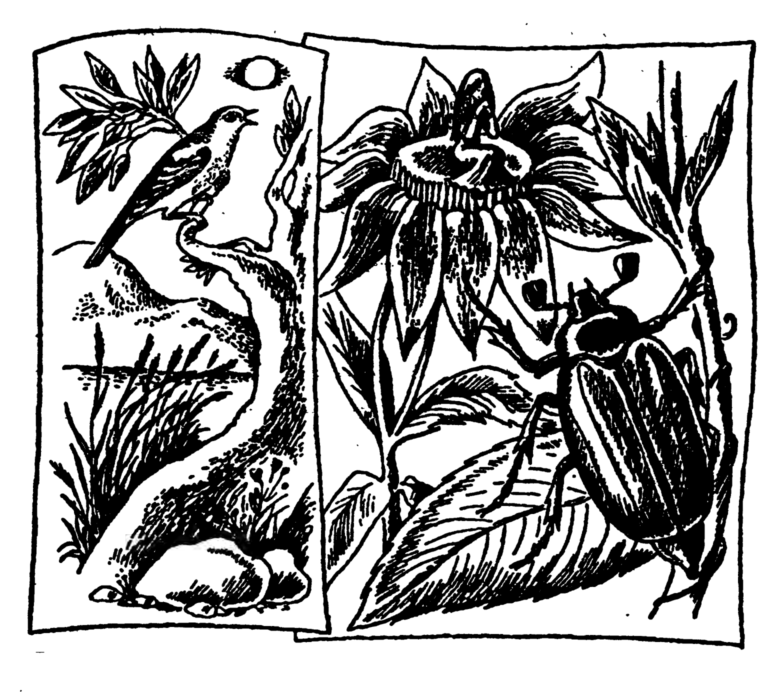
Из книги Ал. Алтаева «Памятные встречи»

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН (1805—1875)

Когда наш герой появился на свет в маленьком датском городке Оденсе, гадалка предсказала, что ему суждено прославить свою родину. Так оно и вышло — но значительно позднее. А пока до мировой славы было еще очень далеко...

В детстве он мечтал стать актером, сочинял пьесы для театра, мастерил кукол. Сам Андерсен вспоминал об этом так: «Ежедневно я шил куклам новые наряды, а чтобы добыть для этого пестрых тряпок, ходил по магазинам и выпрашивал образчики материй и пестрых лент. Фантазия моя была до того поглощена кукольными нарядами, что я часто останавливался на улице и рассматривал богатых барынь, разряженных в шелк и бархат, представляя себе, сколько королевских мантий, шлейфов и рыцарских костюмов мог бы выкроить из этих одежд. Мысленно я уже видел эти наряды у себя под ножницами...»

Потом его обуяла жажда странствий. Двадцать девять раз покидал он пределы родной страны, отправляясь в путешествия. Теперь он был известен не только в родном Оденсе. Рассказывают, что, будучи в Шотландии, он забыл в гостинице трость. Хозяин привязал к

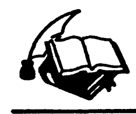
ней записку с адресом: «Датскому писателю Гансу Христиану Андерсену». И, представьте себе, на почте приняли трость и доставили рассеянному хозяину.

Автобиографию (описание собственной жизни) Андерсен назвал «Сказка моей жизни». Пожалуй, точнее не скажешь. Но не только жизнь самого писателя была сказкой. Любое существо, любой предмет или явление рассказывали ему свою историю, а он пересказывал ее своим читателям. Г. Х. Андерсен много взял из устного народного творчества, но еще больше придумал сам. В его книгах мы встречаемся со *Штопальной иглой*, *Репейником*, *Навозным жуком*, *Воротничком* и даже с *Тетушкой зубной болью*. Мы печалимся вместе

с *Элизой* о ее *братьях-лебедях*, смеемся над *Голым королем* и сочувствуем *Свинопасу*, который и не свинопас вовсе, а принц.

Одна из любимых героинь писателя — *Русалочка* — стала символом датской столицы и уже много лет сидит на берегу моря и смотрит вдаль...

Ганс Христиан Андерсен был в жизни очень одиноким человеком. Он не обзавелся семьей, друзей у него тоже было немного. Зато очень много читателей — и совсем юных, и взрослых. А день его рождения — 2 апреля — отмечается ежегодно как *Международный день детской книги*.

Листая страницы...

КАПЛЯ ВОДЫ

Вы, конечно, видали увеличительное стекло — круглое, выпуклое, через которое все вещи кажутся во сто раз больше, чем они на самом деле? Если через него поглядеть на каплю воды, взятую где-нибудь из пруда, то увидишь целые тысячи диковинных зверюшек, которых вообще никогда не видно в воде, хотя они там, конечно, есть. Смотришь на каплю такой воды, а перед тобой, ни дать ни взять, целая тарелка живых креветок, которые прыгают, копошатся, хлопочут, откусывая друг у друга то переднюю ножку, то заднюю, то тут уголок, то там кончик, и при этом радуются и веселятся по-своему!

Жил-был один старик, которого все звали Копун Хлопотун, — такое уж у него было имя. Он вечно копался и хлопотал над всякою вещью, желая извлечь из нее все, что только вообще можно. А нельзя было достигнуть этого простым путем — прибегал к колдовству.

Вот сидит он раз да смотрит через увеличительное стекло на каплю воды, взятой прямо из лужи. Батюшки мои, как эти зверюшки копошились и хлопотали тут! Их были тысячи, и все они прыгали, скакали, кусались, щипались и пожирали друг друга!

— Но ведь это отвратительно! — вскричал старый Копун Хлопотун. — Нельзя ли их как-нибудь умиротворить, ввести у них порядок, чтобы всякий знал свое место и свои права?

Думал-думал старик, а все ничего придумать не мог. Пришлось прибегнуть к колдовству.

— Надо их окрасить, чтобы они больше бросались в глаза! — сказал он и чуть капнул на них какою-то жидкостью вроде красного вина; но это было не вино, а ведьмина кровь самого первого сорта. Все диковинные зверюшки вдруг приняли красноватый оттенок, и каплю воды можно было теперь принять за целый город, кишевший голыми дикарями.

— Что у тебя тут? — спросил старика другой колдун, без имени, — этим-то он как раз и отличался.

— А вот угадай! — отозвался Копун Хлопотун. — Угадаешь — я подарю тебе эту штуку. Но угадать не так-то легко, если не знаешь, в чем дело!

Колдун без имени поглядел в увеличительное стекло. Право, перед ним был целый город,

кишевший людьми, но все они бегали нагишом! Ужас что такое! А еще ужаснее было то, что они немилосердно толкались, щипались, кусались и рвали друг друга в клочья! Кто был внизу — непременно выбивался наверх, кто был наверху — попадал вниз.

— Гляди, гляди! Вон у того нога длиннее моей! Долой ее! А вот у этого крошечная шишка за ухом, крошечная, невинная шишка, но ему от нее больно, так пусть будет еще больнее!

И они кусали беднягу, рвали на части и пожирали за то, что у него была крошечная шишка. Смотрят, кто-нибудь сидит себе смирно, как красная девица, никого не трогает, лишь бы и его не трогали, так нет, давай его тормошить, таскать, теребить, пока от него не останется и следа!

— Ужасно забавно! — сказал колдун без имени.

— Ну, а что это такое, по-твоему? Можешь угадать? — спросил Копун Хлопотун.

— Тут и угадывать нечего! Сразу видно! — отвечал тот. — Это Копенгаген или другой какой-нибудь большой город, они все ведь похожи один на другой!.. Это большой город!

— Это капля воды из лужи! — промолвил Копун Хлопотун.

Из книги Г. Х. Андерсена
«Сказки и истории»

АННОТАЦИЯ

Есть в латинском языке слово *annotatio* — замечание. Откройте любую современную

книгу: как правило, на обороте *титульного* (заглавного) листа вы увидите рядом с *выходными данными* (сведениями о месте и времени издания, количестве страниц и т.п.) **аннотацию.** Это краткое изложение содержания книги, помогающее читателю или покупателю лучше ориентироваться в океане современных печатных изданий.

Вот аннотация одной из книг: «Прекрасный мир королей и шутов, романтические истории о рыцарях и викингах, приключения и путешествия ждут вас на страницах этой книги». Не правда ли, сразу захотелось познакомиться с этой книгой?..

За чем же дело стало? Отправляемся в библиотеку и просим книгу «Пэк с холмов», выпущенную издательством АСТ в 1996 году. Написал ее прекрасный английский писатель **Редьярд Киплинг**, перевела с английского И. Г. Гурова, а оформил художник А. В. Кардашук.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АПУХТИН (1840—1893)

Не так давно на реке Фонтанке в Петербурге соорудили памятник чижику-пыжику из знакомой многим песенки «*Чижик-пыжик, где ты был...*». Но мало кому известно, что эта песенка сначала была дразнилкой: чижиками называли воспитанников Петербургского училища правоведения, где учился и **Алексей Апухтин**, сын орловского дворянина.

Первые стихи Апухтина были напечатаны, когда их четырнадцатилетний автор еще учил-

ся на правоведа. В 1859 г. при содействии И. С. Тургенева стихотворения молодого поэта появились в журнале «Современник». Затем был почти двадцатилетний перерыв, хотя стихи Апухтина были известны любителям поэзии и возбуждали огромный интерес. Писал Алексей Апухтин лирические стихи — о любви, о природе. Писал эпиграммы (короткие сатирические стихи) и пародии (юмористические подражания другим авторам). Но настоящая известность пришла к поэту в зрелые годы. Прославиться ему помог друг и однокашник, великий русский композитор Петр Ильич Чайковский, который тоже был «чижиком» — воспитанником училища правоведения. Чайковский положил на музыку многие стихи

Апухтина. Романсы Чайковского и других композиторов, автором слов которых является Алексей Николаевич Апухтин, до сих пор исполняются русскими певцами.

ПРОСЕЛОК

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по степям, по нивам,
Все бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется нá небе румяном —
Вся она росою блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Все молчит, все дремлет — в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое,
Да куда ни глянешь освеженным взором,
Отовсюду веет тишью и простором.
На гору ль въезжаешь — за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленьи.
Вот и деревенька, барский дом повыше...
Покосились набок сломанные крыши.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой
Липа да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина...
Бедная картина! Милая картина!

А. Н. Апухтин

ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ (1872—1930)

В 1899 году молодой офицер **Владимир Арсеньев** прибыл на Дальний Восток. Край этот в то время почти не был исследован. Населяли его в основном охотники и искатели *женьшеня* — корня жизни. Считалось, что этот корень, найти который в тайге труднее, чем золото, излечивает очень многие болезни. Потому и пробирались таежными тропами купцы, которые за бесценок скупали у местных жителей и женьшень, и шкурки таежных зверей — «мягкое золото». Купцы богатели, а те, кто помогал им копить богатство, жили в нищете.

Арсеньев полюбил дикую дальневосточную природу, подружился с таежным следопытом Дерсу Узала, который стал его проводником в уссурийской тайге. Об их совместном путешествии и приключениях вы можете узнать из интересной книги **«Дерсу Узала»**.

Исследователь Дальнего Востока, этнограф и писатель, Владимир Клавдиевич Арсеньев

написал много книг о своем любимом крае — Дальнем Востоке. Но одна задуманная им книга, к сожалению, так и осталась ненаписанной. Сильный, выносливый, отчаянно храбрый писатель-путешественник хотел написать «учебник» для начинающих путешественников.

Что делать, если ты заблудился? Как не погибнуть от голода? Как действовать во время лесного пожара или наводнения?.. На все эти вопросы собирался дать ответы своим читателям Арсеньев, используя собственный богатый опыт.

Ему не удалось осуществить этот замысел. Книги о том, как выжить в трудных походных условиях, написали другие — возможно, вдохновленные прекрасными произведениями Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Листая страницы...

ЛЕСНОЙ ЛАКОМКА

Однажды мы шли по тропе сквозь тайгу. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки — не то вой, не то визг, не то ворчанье. Мой проводник придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

Мы тихонько пошли вперед и скоро увидели виновника шума.

Молодой медведь возился у большой липы. Она росла вплотную около скалы.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал из дупла мед. Он стоял на задних лапах и тянулся к улью. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг улья вились пчелы и жалили медведя в голову. Он тер морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле, но затем вновь принимался за ту же работу. Смотреть на его уловки было очень смешно.

Наконец он утомился, сел на землю и, раскрыв рот, уставился на дерево, видимо, что-то соображая. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на ее вершину.

Взобравшись наверх, медведь протиснулся между скалой и деревом и, упершись лапами в камни, начал сильно давить на дерево спиной.

Дерево немного подалось. Но, видимо, спине было больно. Тогда медведь переменил положение и, упершись спиной в скалу, стал давить на дерево лапами. Липа затрещала и рухнула на землю. Этого только и надо было медведю.

Теперь оставалось разломать дупло и добыть соты.

— Его шибко хитрый, — сказал мой проводник, — надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай. — И он крикнул медведю: — Тебе как можно чужой мед воровать!..

Медведь, увидев нас, побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай, — сказал охотник и выстрелил в воздух.

Услышав выстрел, мои товарищи пришли узнать, в чем дело.

Для добычи меда мы оставили двух стрелков, а сами пошли дальше. Надо было сперва дать пчелам успокоиться, а затем уморить их дымом и собрать мед. Если бы этого не сделали мы, то все равно весь мед съел бы медведь.

Через час охотники за пчелами догнали нас и принесли с собой целое ведро хорошего меда.

Из книги В. К. Арсеньева
«Встречи в тайге»

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ
(р. 1924)

Однажды читательница задала известному русскому писателю **Виктору Петровичу Астафьеву** вопрос: «Как возникают **сюжеты** (то есть событие или ряд событий) ваших произведений — случайно или вы их ищете в жизни?» Писатель ответил: «Сюжет — не грибы, и искать его для меня, например, дело бесполезное. Чаще всего сюжет, если можно так выразиться, сам меня находит. Мои сюжеты чаще

всего приходят из воспоминаний, то есть из тех времен, когда я писателем не был и не знал, что им буду, и «сюжетов» искать не мог...»

Виктору Астафьеву есть что вспомнить о собственной жизни. Детство его было очень трудным. Мать утонула в Енисее, когда мальчику было всего семь лет, и «поднимали» его бабушка с дедом в далеком красноярском селе. Все было в жизни Вити: болезни, голод, обиды, но были и радости. Радостями он обязан в первую очередь бабушке, которая, порой выбиваясь из сил, старалась, чтобы ее сиротинушке-внуку жилось «не хуже других».

Пришлось будущему писателю испытать и горькую долю беспризорника, и пожить в детском доме. Здесь, кстати, он впервые «опробовал перо» — его сочинение было признано лучшим в школе.

На войну Виктор Астафьев попал девятнадцатилетним юношей — в 1943 году. Был дважды ранен, контужен. После войны сменил много разных профессий, пока не напечатал в 1951 году в газете «Чусовской рабочий» свой

первый рассказ. Рассказ назывался «Гражданский человек». Так Виктор Астафьев стал писателем.

Один из критиков сказал, что главное в книгах Виктора Петровича Астафьева — «размышление о нашей жизни, о назначении человека на земле и в обществе... о народном русском характере». И добавил, что по натуре своей он — *«поэт человечности»*.

Листая страницы...

«Последний поклон» — автобиографические рассказы о детстве писателя.

...По сено у нас ездят далеко. Покосов возле села нет. Наше село средь увалов и скал стоит. Покосы на Фокинской речке, на Малой и Большой Слизневке. А наш покос на Манской речке. Манская речка впадает в реку Ману, Мана — в Енисей. Мы летом были с Алешкой (двоюродный брат героя, глухонемой. — *Ред.*) на покосе, ловили хариусов на речке, гребли сено, купались. Зимой мы на покосе никогда не были. Далеко и морозно. Какой он, покос, зимою? Кто там живет? Зайцы живут, лисы живут. И медведи живут. Они караулят наше сено и не пускают к нему диких коз. Если козы съедят зарод (заготовленное сено. — *Ред.*), что тогда останется корове? Но медведь их не пускает к зароду. Да и увезем мы сено. Сложим на сани в большой-большой воз, до неба, и увезем.

Я буду сидеть на самом высоком возу, и Алешка тоже. А дедушка и Кольча-младший (дядя героя. — *Ред.*) будут идти сзади, курить, на лошадей покрикивать.

Мы едем по сено. Едем, едем, едем...

— Бр-р-рам! — повалился я с воза, подскочил, во что-то головой торнулся, аж искры из глаз брызнули. Но надо мной должно быть небо, как же так?

Я поднял голову — а вместо неба — щелястый потолок, вместо саней — горячая русская печка, и никакого воза, никакого сена. Бабушка в кути уронила пустую подойницу, я с перепугу треснулся башкой об потолок. Бабушка клянет кошку — всегда у нее кошка во всем виновата.

Я с печки долой, заглянул в горницу — кровать Кольчи-младшего закинута одеялом. Я на полати — деда нету. Глянул на вешалку — дох нету. И понял все. И запел. Бабушка занималась своими делами, гремела кринками, не слышала.

Я поддал громче — никакого толку. Тогда я кинулся на печку, ткнул сердито Алешку кулаком. Он с минуту пялился на меня.

— Ме-ме-ме! — показал я ему язык и еще свистнул: мол, наших нету, уехали.

И Алешка тоже ударился в голос. Ревел он протяжно, басовито: «Бу-бу-бу-у!»

— Ий-я вот вам поору! — наконец не выдержала бабушка. — Ишь чего удумали! По сено ехать! Сопли-то к полозьям приморозите, кто отдирать будет?

— А зачем тогда сулили-и-и?

Алешка поддерживает меня, тянет: «Бу-у-у!» Бабушка снова не обращает на нас внимания, а тут и слезы на исходе...

Из книги В.П. Астафьева «Последний поклон»

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ АФАНАСЬЕВ (1826—1871)

«Сказки Афанасьева» — так чаще всего называют этот сборник, хотя на самом деле он озаглавлен «Народные русские сказки». Составил его **Александр Николаевич Афанасьев** — историк, литературовед, знаток устного народного творчества.

Родился он в Богучаре Воронежской губернии. Сначала пошел по стопам отца — судейского чиновника — и поступил на юридический факультет Московского университета. Увлекся историей и **этнографией** (наука, изучающая происхождение и обычаи разных народов).

Стояла когда-то в Москве Сухаревская башня, а у ее подножия шумел знаменитый толкучий рынок. Любил Афанасьев покопаться в развалах старых книг и рукописей. Постепенно у него собралась прекрасная библиотека.

После окончания университета Александр Николаевич служил в архиве Русского географического общества, редактировал журнал «Библиографические записки». Но главным трудом его жизни стало трехтомное собрание сказок. Сам Афанасьев не был собирателем

сказок — лично им записанных произведений народного творчества в сборнике не более десятка. Он использовал материалы, уже собранные другими учеными. Например, писатель и лексикограф (ученый, изучающий словарный состав языка) **В. И. Даль** передал ему 150 сказок. Всего же их в сборнике около 640.

С 1855 года начало выходить первое издание афанасьевского собрания сказок, печаталось оно «выпусками» (небольшими книжками), к 1863 году к читателям пришло восемь выпусков. А второе издание в четырех томах (три тома сказок и том примечаний) вышло в свет уже после смерти составителя — в 1873 году.

Во втором издании сказки *классифицированы* (расположены в определенном порядке): о животных, волшебные, бытовые сказки. Афанасьевская классификация сказок была принята учеными, стала международной и применяется до сих пор.

Сборник «Народные русские сказки» — одно из главных сокровищ нашей культуры. Сказки из этого сборника переведены на многие языки и пользуются мировой известностью.

В заключение скажем, что сам составитель отобрал из своего собрания 88 сказок специально для детей. Они также неоднократно издавались и в нашей стране, и за рубежом.

Вот сказка из афанасьевского сборника. Не напомнит ли она вам другую сказку, написанную великим писателем? Проверьте себя!

ЖАДНАЯ СТАРУХА

Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево:

— Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю.

— Ну, сделай, чтобы я богат был.

— Ладно, ступай домой, всего у тебя вдоволь будет.

Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец — в три дня не сосчитать!

— Ах, старик, откуда все это? — спрашивает старуха.

— Да вот, жена, я такое дерево нашел — что ни пожелай, то и сделает.

Пожили с месяц. Приелось старухе богатое житье, говорит старику:

— Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя, и меня на работу погонит; а придерется, так и палками накажет. Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был.

Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить.

— Что тебе надо? — спрашивает дерево.

— Сделай, чтобы я бурмистром был.

— Хорошо, ступай с Богом!

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают:

— Где ты, — закричали, — старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!

А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику:

— Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтоб сделало тебя барином, а меня барыней.

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает:

— Что тебе надо, старичок?

— Сделай меня барином, а старуху барыней.

— Хорошо, ступай с Богом!

Пожила старуха в барстве, захотелось ей большего, говорит старику:

— Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей — иное дело, все бы нам завидовали.

Погнала старика снова к дереву: взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево:

— Что тебе надобно?

— Сделай меня полковником, а старуху полковницей.

— Хорошо, ступай с Богом!

Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха:

— Велико ли дело — полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя генералом, а меня генеральшею.

Пошел старик к дереву, хочет топором рубить.

— Что тебе надобно? — спрашивает дерево.

— Сделай меня генералом, а старуху генеральшею.

— Хорошо, иди с Богом!

Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наску-

чило старухе быть генеральшею, говорит она старику:

— Велико ли дело — генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею.

Пришел старик к дереву, хочет топором рубить.

— Что тебе надобно? — спрашивает дерево.

— Сделай меня царем, а старуху царицею.

— Хорошо, иди с Богом!

Воротился старик домой, а за ним уж послы приехали:

— Государь-де помер, тебя на его место выбрали.

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему:

— Велико ли дело — царь! Бог захочет, смерть нашлет, и запрячут тебя в сырую землю. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами.

Пошел старик к дереву. Как услыхало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило:

— Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей.

В ту же минуту старик обратился медведем, а старуха — медведицей и побежали в лес.

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА (1889—1966)

Родившуюся в Одессе **Аню Горенко** в годовалом возрасте привезли в Царское Село. В автобиографии, написанной в конце жизни, Анна Андреевна рассказывала: «Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...» Сейчас уже нет ни выгона, ни ипподрома, а вокзал восстановлен из руин после Великой Отечественной войны.

Читать девочка училась по **«Азбуке» Льва Толстого**. В пять лет, слушая, как учительница занимается со старшими детьми, заговорила по-французски. Стихи она начала писать в одиннадцать.

Дом, где жила семья Горенко, стоял на окраине Царского Села, а Мариинская гимназия, где Анна училась, — в самом центре города. Ежедневный путь в школу и из школы пролегал по улицам, засаженным липами. Липа и по сей день — главное дерево Царского Села.

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.

Так Анна Андреевна вспоминала свою встречу с поэтом (а тогда — гимназистом) **Николаем Гумилевым**, своим будущим мужем.

«Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфироносного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»)», — вспоминала Ахматова. Но Царское Село — это прежде всего Пушкин. Анна Андреевна серьезно изучала его жизнь и творчество, писала литературоведческие статьи. Одно из первых ее напечатанных стихотворений тоже посвящено великому поэту:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов...

В 1905 году родители Анны расстались, мать увезла детей из Царского Села.

...Анна Горенко под псевдонимом Ахматова стала всемирно известным поэтом. Классическая строгость ее стихов, их ясность, редкое чувство гармонии ставят Ахматову в число выдающихся мастеров поэзии XX века. Ее стихи

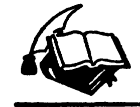

переведены на все основные языки. Она и сама много работала над переводами. Ахматова была избрана почетным доктором литературы Оксфордского университета. Ей присудили международную поэтическую премию. Но эти награды и признание пришли к ней, к сожалению, в последние годы жизни...

А в 1921 году в Царском Селе она записала такие строки:

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть...

Лира — один из древнейших музыкальных инструментов, со времен древнегреческого Орфея считается обязательной принадлежностью поэта...

Листая страницы...

В Царскосельском Екатерининском парке есть прекрасная статуя-фонтан «Молочница» («Девушка с кувшином»). Вот как писал о ней А. С. Пушкин:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей, вечно печальна сидит.

А вот как вспоминала о статуе в 1916 году в Севастополе Анна Ахматова:

Уже клёновые листы
На пруд слетают лебединый,
И окровавленны кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

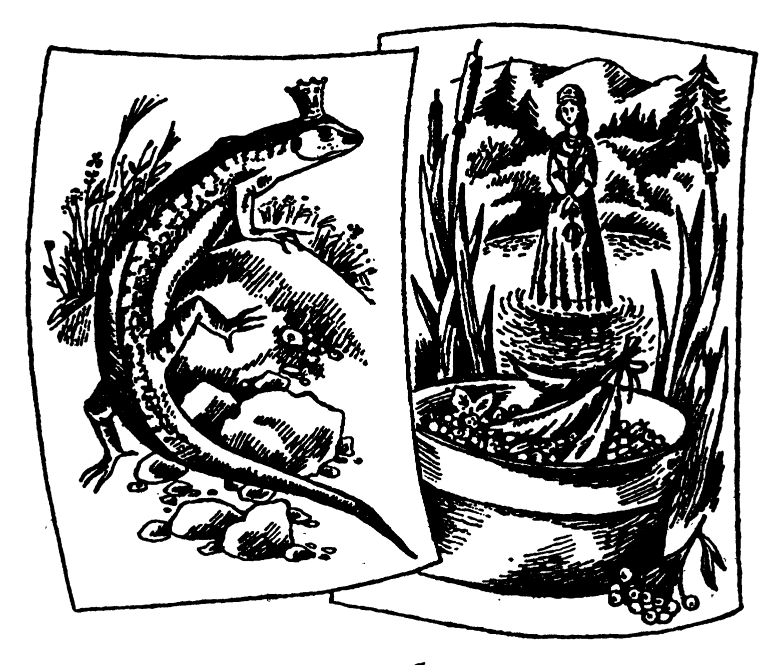

Оба стихотворения озаглавлены одинаково — *«Царскосельская статуя»*.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ (1879—1950)

Этот человек стал писателем в более чем зрелом возрасте. Когда был опубликован первый сказ Бажова — «Дорогое имечко», — автору исполнилось пятьдесят семь лет. За плечами была долгая жизнь, богатая событиями.

Родился **Павел Петрович Бажов** в семье мастера, работавшего на горном заводе под Екатеринбургом. Мальчику повезло с учителем словесности. Тот сам любил русскую лите-

ратуру и передал эту любовь своим ученикам. Десятилетний Бажов знал наизусть весь школьный сборник стихов Н. А. Некрасова.

Павел Бажов мог стать священником — он окончил Пермскую духовную семинарию. Но стал учителем русского языка, преподавал сначала в Екатеринбурге, потом в Камышлове.

Мирное течение жизни нарушила революция. В гражда́нскую войну Бажов воевал в Красной Армии, был в плену у белых, а после побега — в отряде красных партизан. После войны занялся журналистикой.

Смолоду интересовался Бажов уральским **фольклором** (устным народным творчеством), изучал народную мудрость. Ему были знакомы «тайные сказы» — устные предания, в ко-

торых сказка причудливо переплеталась с реальной жизнью. Свои литературные произведения Бажов тоже назвал **сказами**. В сказах этих действуют обыкновенные земные люди — такие, как *Данила-мастер, старик Кокованя, девочка Даренка.* А рядом с ними — сказочные *Медной горы Хозяйка, Великий Полоз, Огневушка-Поскакушка.* Рассказывает Бажов своим читателям о нелегком труде на горных заводах, о радости творчества, о бережном отношении к природе.

Перед Великой Отечественной войной, в 1939 году, была напечатана книга сказов Бажова **«Малахитовая шкатулка»**. Она сразу стала одной из самых популярных книг своего времени. Даже в суровые годы войны она стояла на втором месте по «читаемости». Как вы думаете, почему? Вспомните *«Серебряное копытце»*, где старик и девочка любуются радужной россыпью самоцветов на снегу. Такой же радугой народной мудрости горят и бажовские сказы, а сам писатель говорил: «Русский человек без радуги не живет».

Листая страницы...

ГОЛУБАЯ ЗМЕЙКА

Росли в нашем заводе два парнишечка, по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозвища придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята

дружно жили. Под стать подобрались. Умишком вровень, силенкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было. У Ланка отец рудобоем был. У Лейка на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарились. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться.

Одно у них не сходилось. Ланко свое прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его этак ласково зовут — Шапочка. Не раз у матери припрашивал.

— Ты бы, мамонька, сшила мне новую шапку! Слышишь — люди меня Шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейко первый в драку лез, коли кто обзовет Ланка Пужанком:

— Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядком да ладком. Рассорки, понятно, случались, да не надолго. Промигаться не успеют, опять вместе.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут. Мало ли в ту пору у ребят всякого дела: в бабки поиграть, в городки, шариком, порыбачить тоже, покупаться, за ягодами, за грибами сбегать, все горочки облазить, пенечки на одной ноге обскакать. Утянутся из дома с утра — ищи их! Только этих ребят не больно искали. Как вечером прибегут домой, так на них поварчивали:

— Пришел, наше шатало! Корми-ко его!

Зимой по-другому приходилось. Зима, известно, всякому зверю хвост подожмет и людей не обойдет. Ланка с Лейком зима по избам загоняла. Одежонка, видишь, слабая, обувка жиденькая — недалеко в них ускочишь. Только и хватало тепла из избы в избу перебежать.

Чтоб большим под руку не подвертываться, забьются оба на полати да там и посиживают. Двоим-то все-таки веселее. Когда и поиграют, когда про лето вспоминают, когда просто слушают, о чем большие говорят.

Вот раз сидят этак-то, а к лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься. Близко не пускают, а Марьюшка по-свойски еще подзатыльников надавала.

— Уходи на свое место!

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вроде и невелик, а парни все же браковали ее из-за этого. Ну, она и сердилась...

Если вы захотите узнать, чем закончилась эта история, — читайте «Уральские сказы» Бажова.

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ БАРАТЫНСКИЙ (1800—1844)

Родился замечательный русский поэт **Евгений Баратынский** (иногда пишут Боратынский) в знатной, но небогатой дворянской семье. Раннее детство он провел в родительском имении неподалеку от Тамбова. В пять лет освоил русскую грамоту, а к шести годам бегло говорил по-французски и по-итальянски.

Родители привили сыну любовь к литературе, он рано стал сочинять сам. В 1812 году мальчика отправили учиться в столицу, в Пажеский корпус. Оттуда он писал матери: «Сейчас я занимаюсь в минуты отдыха переводом и сочинением маленьких историй, и, сказать вам правду, я больше всего люблю поэзию. Я очень бы хотел быть автором».

После четырех лет учебы за мальчишеские проступки Евгения исключили из корпуса, и пришлось ему начинать службу не офицером, а рядовым одного из полков.

Стихи юного поэта стали печатать, он познакомился и подружился с другими русскими поэтами — Дельвигом, Пушкиным, Рылеевым, Жуковским. **А. С. Пушкин** считал, что Баратынский «принадлежит к числу отличных наших поэтов», называл его «поэтом мысли». «Поверять воображение рассудком» — таков был поэтический девиз Баратынского. Кроме стихотворений, он создал и несколько поэм: «Пиры», «Эда», «Бал».

В 1820 году Баратынского произвели в унтер-офицеры и отправили служить в Финляндию (она входила тогда в состав России). Поэт полюбил природу и народ этого северного края и посвятил ему несколько своих стихов.

Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нем гранит пирамидальный...

Из стихов Е. А.Баратынского
о Финляндии.

АГНИЯ ЛЬВОВНА БАРТО
(1906—1981)

Вопрос о школе, где учат писать стихи, задал однажды известной писательнице **Агнии Барто** мальчик-первоклассник. Она ответила:

«Сколько живу, а школы такой не встречала. Училась я в самой обыкновенной московской школе. Там же и стихи писать начала. Еще в младших классах. Серьезные это были стихи — о влюбленных принцах! И лишь потом, когда стала постарше, написала для школьной стенгазеты веселые стихи о своих подружках. Они читали и громко смеялись, словно я не о них, а о ком-то другом сочинила эти эпиграммы...»

Вообще-то Агния Барто собиралась стать балериной, даже училась в хореографическом училище, но желание писать детские книги оказалось сильнее. Первая книжка молодого автора вышла в свет в 1925 году. Пожалуй, не было еще на свете бабушек и дедушек читателей этой книги, а стихи о том, как «уронили мишку на пол», «идет бычок, качается», уже были...

Знаменитая кинокомедия **«Подкидыш»** — история потерявшейся девочки — была снята по сценарию Агнии Барто и актрисы Рины Зеленой.

Несколько лет в передачах радиостанции «Маяк» звучал негромкий, спокойный женский голос — Агния Львовна вела передачу «Найти человека». Ей удалось соединить 927 семей, разметанных по белу свету войной. Потом появилась книга «Найти человека» и фильм с таким же названием. Это еще одна,

очень важная, страница творчества Агнии Барто.

Но вернемся к стихам для детей. Однажды какой-то мальчик, позвонив писательнице по телефону, сказал с обидой:

— Зачем вы про меня написали? Это все неправда!

— Почему ты решил, что это про тебя?

— Так в классе все говорят.

— А тебе сколько лет?

— Десять.

— А я эти стихи написала пятнадцать лет назад, когда тебя и на свете не было...

Годы идут. Нет уже с нами Агнии Львовны Барто. Но не случалось ли вам узнавать в ее героях себя?..

Листая страницы...

У А. Л. Барто есть несколько стихотворений про девочку Таню. Вот одно из них.

ПОМОЩНИЦА

У Танюши дел немало,
У Танюши много дел,
Утром брату помогала —
Он с утра конфеты ел.

Вот у Тани сколько дела:
Таня ела, чай пила,
Села — с мамой посидела,
Встала — к бабушке пошла.

Перед сном сказала маме:
— Вы меня разденьте сами.
Я устала, не могу,
Я вам завтра помогу.

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БАРУЗДИН (р. 1926)

Когда началась война, **Сергею Баруздину** было всего четырнадцать — на фронт его не взяли. Но бороться за победу над врагом можно было не только на фронте. Он оставил школу, пошел подсобным рабочим в одну из московских типографий. А после смены, как многие его ровесники, дежурил на крыше, обезвреживая вражеские зажигалки (бомбы, которые вызывали пожары), копал траншеи...

В семнадцать его все-таки взяли в армию — рядовым артиллерийской разведки. К медали «За оборону Москвы» прибавились новые боевые награды. Он брал Берлин, освобождал Прагу. В восемнадцать лет вернулся домой бывалым воином. А вот экзамены за курс средней школы пришлось ему сдавать не в семнадцать, как это обычно бывает, а в двадцать семь лет, и виной тому — война.

Война — тяжелейшее испытание для человека, и Сергей Баруздин помнит о ней до сих пор:

Пока я жив, пока дышу.
Я ту войну в душе ношу.

Война — главная, но не единственная тема творчества писателя. Он очень любит природу и написал прекрасную книгу для детей «Рас-

сказы о животных». С одним из рассказов мы и предлагаем вам познакомиться.

Листая страницы...

СЛОЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В годы войны был у меня товарищ. Мы шутя называли его Звероводом. Это потому, что по профессии он зоотехник, работал раньше в зверосовхозе. Ну, а на фронте, в нашем артиллерийском дивизионе, он был разведчиком. Очень гордился наш Зверовод своей военной профессией. И верно, лихим разведчиком он был!

Мы стояли на окраине большого немецкого города, когда нашего Зверовода неожиданно вызвал к себе командир дивизиона.

— Вы были до войны зоотехником? — с ходу спросил он.

— Так точно!

— И работали в зверосовхозе?

— Так точно! Выращивал соболей и серебристых лисиц.

— Отлично! — сказал командир. — Берите мою машину и немедленно отправляйтесь к коменданту города. Он вас ждет.

Ничего не понимая, Зверовод спросил:

— А разрешите узнать, товарищ майор, зачем?

— Там узнаете, — сказал майор, сдерживая улыбку. — Торопитесь!

Прибыл Зверовод к коменданту города — молодому подполковнику.

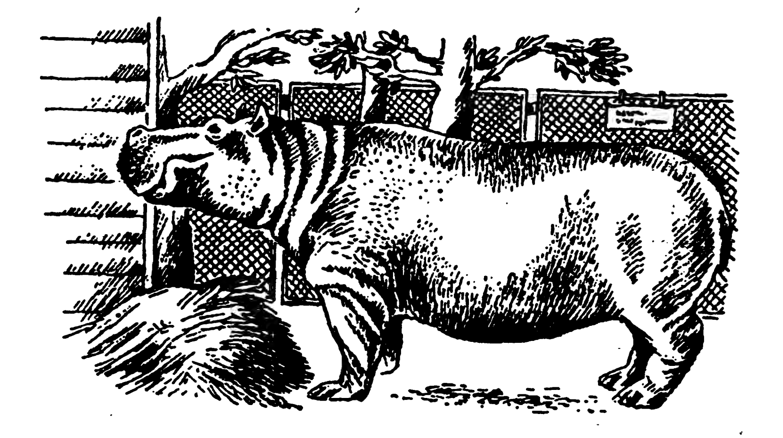
Комендант задал ему те же самые вопросы, а потом сказал:

— Очень хорошо. Есть сложное поручение. Немедленно отправляйтесь в зверинец и берите бразды правления в свои руки. Я подписываю приказ о вашем назначении комендантом зверинца. Даю в ваше распоряжение роту солдат. Обеспечьте животных едой, накормите всех до одного, а то они кричат там с голоду. Немцы их уже дня четыре не кормили. И еще одно, самое сложное. Там есть бегемот. Его ранило осколком в спину. Надо немедленно оказать ему помощь!

— Но простите! — взмолился Зверовод. — Я же зоотехником был, с лисами дело имел, но никогда...

— Я до войны тоже никогда не был комендантом города, — перебил его подполковник. — Музыку преподавал в школе. А сейчас приходится. Выполняйте! И в случае чего беспокойте меня. Смотрите, чтобы ни одна зверюга не пропала!

Хочешь не хочешь, а приказ пришлось выполнять. Явился Зверовод на место новой службы и ужаснулся. Хоть и небольшой зверинец, а хлопот в нем полон рот. Тигр, два медведя, обезьяны, птицы — все ревут и галдят наперебой: еду просят. В бассейне голодные тюлени мечутся. Испуганные олени и горные козлы по дорожкам зверинца бегают. А тут еще бегемот! Плавает бедняга в воде, вздымая волны, и от боли орет так, что хоть уши затыкай.

Принялся Зверовод за работу. Сначала самое сложное сделали: накинули на бегемота канат, зацепили, подтащили его к решетке и тут связали. Теперь можно и рану промыть, залить ее йодом и наложить швы. Рана не очень серьезная, а кожа у бегемота толстая — заживет!

Пока часть солдат возилась с бегемотом, другая — ловила разбежавшихся животных да корм для них доставала. Приближался вечер. Насытившиеся звери немного успокоились.

Настал час нашего отъезда. Зверовод, обрадованный тем, что справился с порученным заданием, прибежал к коменданту города.

— Разрешите, товарищ подполковник, ехать со своими? — попросил он.

— Нет! Так дело не пойдет, — сказал комендант. — Оставайтесь на месте до тех пор, пока мы не найдем сведущих в «зверином» деле людей. Я уже послал запрос. А потом вы догоните своих.

— Да понимаете, — взмолился Зверовод, — стыдно мне! Этот бегемот за мной неотступно ходит, ну как поросенок какой! Ребята смеются. Ведь я разведчик все же, а тут — бегемот...

— Ничего, — улыбнулся комендант, — придется потерпеть! Выполняйте!

Так мы и уехали без нашего Зверовода. А догнал он нас лишь через две недели — возле Эльбы.

Первым делом явился к командиру дивизиона:

— Разрешите доложить, товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Зверинец в полном порядке. Потерь нет. Бегемот здоров!

— Благодарю за службу! — весело сказал командир.

— Служу Советскому Союзу! — ответил наш товарищ.

С того дня так и стали мы звать нашего Зверовода комендантом бегемота.

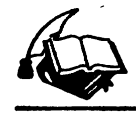
Из книги С. А. Баруздина
«Рассказы о животных»

БАСНЯ

Наши читатели, несомненно, знакомы с *Вороной* и *Лисицей*, *Кукушкой* и *Петухом*, *Лебедем*, *Раком* и *Щукой*. Это персонажи **басен И. А. Крылова**. Но басни писал не только Крылов. Короткие рассказы, часто смешные и обязательно содержащие какое-либо *поучение*, *совет* или *насмешку* над дурными поступками, дошли до нас из глубокой древности. Родоначальником басни считают **Эзопа**, жившего в Греции в VI веке до нашей эры. Именно в про-

изведениях Эзопа животные говорят, думают, действуют, как люди. Автор высмеивает человеческие пороки, приписывая их животным. Такой литературный прием называется **аллегория** (иносказание), а еще его — по имени «изобретателя» — называют **эзоповым языком**.

Широко известны басни **Жана де Лафонтена**, жившего во Франции в XVII веке. Сегодня писатели тоже сочиняют басни, где эзоповым языком повествуют о недостатках своих современников. Многие читатели хорошо знают басни **С. В. Михалкова**.

Листая страницы...

Басни **Эзопа** дошли до нас в прозаическом изложении. Среди них многие покажутся вам знакомыми. Например, такая:

«Голодная Лисица заметила свесившуюся с лозы гроздь винограда и хотела было достать ее, но не могла. Ушла она и говорит: «Он еще не дозрел».

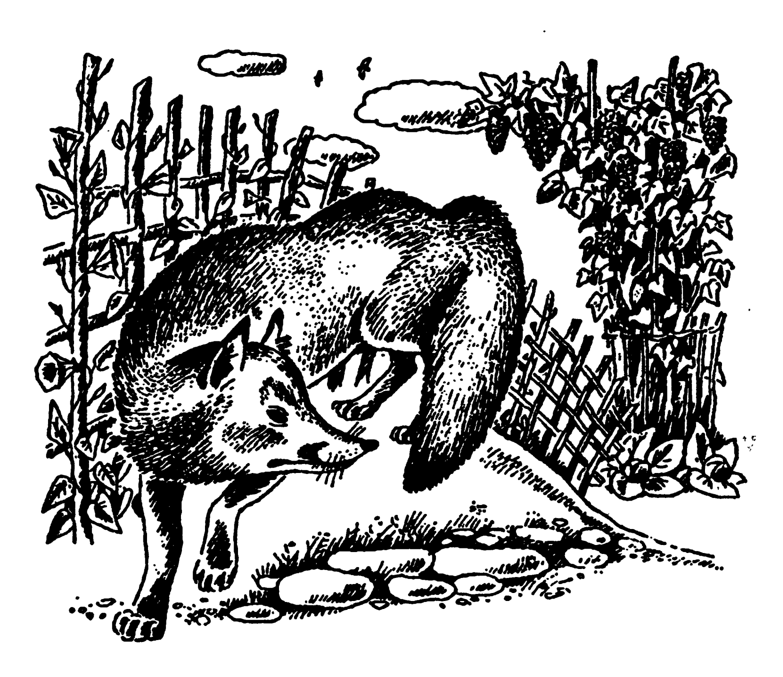
Иной не может доделать что-либо из-за недостатка сил, а винит в этом случай».

Позднее этим басням придавали стихотворную форму: *Федр* — в Древнем Риме, *Бабрий* — в Греции, *Лафонтен* — во Франции, *Лессинг* — в Германии...

А вот что получилось у русского писателя *Ивана Андреевича Крылова*:

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

БЕЛЛЕТРИСТИКА

Именно так — «изящная словесность» — переводится на русский язык французский термин *belles lettres*. В широком смысле это вся художественная литература. Но чаще слово **беллетристика** употребляется для обозначения художественной прозы в отличие от **поэзии и драматургии** (произведений для театра). *Беллетрист* — автор рассказов, повестей, романов, но не стихов или пьес. Иногда беллетристикой называют «легкое» чтение, противопоставляя его «серьезной» литературе.

АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ БЕЛЯЕВ (1884—1942)

Этого человека по праву можно назвать одним из основоположников **научной фантастики**. Его волновали проблемы науки и техники будущего: освоение Вселенной, биология, медицина...

Александр Романович Беляев был разносторонне одаренным человеком. Он учился одновременно на юридическом факультете университета и в консерватории по классу скрипки.

Болезнь позвоночника заставила его сменить несколько профессий (артист, воспитатель детского дома, библиотекарь) и в конце концов приковала к постели. Последние годы жизни он провел в Пушкине, пригороде Ленинграда. Когда началась Великая Отечест-

венная война, Александр Романович не смог выехать и остался в занятом немцами городе.

Фашисты старались уничтожить прекрасные дворцы и парки этого чудесного города с замечательной историей — разрушали здания, вырубали деревья, не щадили и людей.

Несколько месяцев жители слышали звуки скрипки, доносившиеся из окон дома неподалеку от центра города. Это играл писатель, которого все прекрасно знали и любили. Потом пришла первая военная зима — очень суровая. Она стала последней для Александра Беляева — и скрипка его замолчала...

Давно нет писателя, но читают его книги — «Человек-амфибия», «Остров погибших кораблей», «Голова профессора Доуэля» и многие другие. Роман А. Р. Беляева «Прыжок в ничто», посвященный межпланетным сообщениям, был исправлен по замечаниям выдающегося ученого, основоположника современной космонавтики К. Э. Циолковского. Второе издание романа, а также научно-фантастический роман «Звезда КЭЦ» (названный, кстати,

после смерти ученого в его честь) Беляев посвятил памяти Циолковского.

Листая страницы...

По Буэнос-Айресу распространялись слухи о появлении в прибрежных водах «морского дьявола».

...Полиция рыскала по Ла-Платскому заливу и побережью две недели, задержала несколько индейцев как злостных распространителей ложных слухов, сеющих тревогу, но «дьявол» был неуловим.

Начальник полиции опубликовал официальное сообщение о том, что никакого «дьявола» не существует, что все это лишь выдумки невежественных людей, которые уже задержаны и понесут должное наказание, и убеждал рыбаков не доверять слухам и взяться за лов рыбы.

На время это помогло. Однако шутки «дьявола» не прекращались.

Однажды ночью рыбаки, находившиеся довольно далеко от берега, были разбужены блеянием козленка, который каким-то чудом появился на их баркасе. У других рыбаков оказались изрезанными вытащенные сети.

Обрадованные новым появлением «дьявола» журналисты ждали теперь разъяснения ученых.

Ученые не заставили себя долго ждать.

Одни считали, что в океане не может существовать неизвестное науке морское чудовище,

совершающее поступки, на которые способен только человек. «Иное дело, — писали ученые, — если бы такое существо появилось в малоисследованных глубинах океана». Но ученые все же не могли допустить, чтобы такое существо могло поступить разумно. Ученые вместе с начальником морской полиции считали, что все это — проделки какого-нибудь озорника.

Но не все ученые думали так...

Из первой главы
романа А.Р. Беляева
«Человек-амфибия»

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ БЕРЕСТОВ
(р. 1928)

«Как хорошо уметь читать...» — это строчка из широко известного стихотворения «Читалочка». Прелесть самостоятельного чтения **Валентин Дмитриевич Берестов** понял довольно рано: «Когда мне было четыре года, в моей жизни произошло чрезвычайно важное событие: я научился читать. Это было очень кстати... С тех самых пор я навсегда полюбил детскую литературу и детских писателей...»

Во время войны, в эвакуации, юный Берестов познакомился с поэтами К.И. Чуковским, С.Я. Маршаком, А.А. Ахматовой. Но до появления детского поэта Валентина Берестова было еще далеко. Отец — учитель истории — привил сыну любовь к своей науке, и тот поступил на исторический факультет Московского университета, стал археологом.

Археолог Берестов принимал участие в раскопках древнего Хорезма, писал очерки, повести. А потом родилась дочка — и появились стихи для детей.

Сегодня трудно найти ребенка, незнакомого со стихами Валентина Дмитриевича Берестова. Он часто встречается со своими юными читателями, учит их понимать поэзию и даже сочинять стихи.

А вы не пробовали сочинять стихи?..

Листая страницы...

Валентин Берестов не только сочиняет сам, но и переводит на русский язык сочинения других авторов.

Вот один из его переводов.

ПОДСНЕЖНИКИ

Однажды Гугуцэ нашел семь копеек. Ни больше ни меньше. Опустил он монетки в самый глубокий карман, три дня туда не залезал: вдруг рядом с прежними новые монетки заведутся? Но в кармане, кроме гвоздя, ничего нового не обнаружилось. Сестренка сказала, что в ее кармашке деньги сами не заводятся. Насчет папиного кармана брат с сестрой ничего сказать не могли: его не было дома.

Приближался день, какой бывает раз в году. Когда все мужчины всем женщинам делают подарки. Гугуцэ первым из мужчин свое-

го села явился в магазин. По дороге он надумал купить маме машину. Возить маму на базар будет, конечно, он, Гугуцэ.

Потирая руки, вошел мальчик в магазин. Но не нашел он, чего хотел. В машинах, которые там продавались, не помещался даже сам Гугуцэ, не говоря уже о маме.

Видя такое дело, купил Гугуцэ пуговицу. Теперь у него оставалось три копейки. Надо бы к пуговице платье прикупить. И не какое-нибудь, а голубое. Но голубого платья в продаже не было. Может, взять вон те туфли на высоких каблуках? Гугуцэ чуть не попросил их у продавщицы, да не знал, какой размер ему купить.

Пошел он домой, стал дожидаться вечера, когда мама спать ляжет. А чтобы она быстрее уснула, Гугуцэ стал рассказывать ей сказку про царевну. Мама уснула на середине, и другая половина сказки осталась в голове у Гугуцэ. Что ж, пусть царевна подождет своего Фэт-Фрумоса до следующего раза. Гугуцэ было не до них. На цыпочках вышел он из спальни и вернулся с ниткою в руках. Приложил он

нитку к маминой ноге, и тут у мамы рука шевельнулась. Взял Гугуцэ мамину руку в ладошку, начал ее покачивать:

Ночь тиха, постель мягка,
Баю-баюшки, рука.

От этой песенки рука сразу уснула. Смерил Гугуцэ мамины ступни, лег в постель, а нитку под подушку спрятал.

Утром Гугуцэ первым делом побежал в магазин. Ко всем туфлям нитку приложил, выбрал самые лучшие. Но, узнав, сколько они стоят, почесал за правым ухом, вынул три копейки, пересчитал, почесал за левым ухом, поставил туфли на прилавок и пошел прочь.

Будь вы в тех краях, вы бы увидели, как вышел Гугуцэ из села, как шагал он по дороге, как скрылась за холмом его остроконечная шапка и долго не показывалась. А потом вы бы увидели, как он обратно спускался с холма, неся охапку подснежников. Ботинки у него разленились, ногам идти мешали, шапка так устала, что качалась на голове. Но Гугуцэ был куда сильнее, чем несчастные ботинки и шапка. Он принес подснежники прямо в магазин. Самый большой букет подарил продавщице, остальные всем, кто был в магазине.

Люди первый раз в этом году увидели подснежники. Все очень хвалили Гугуцэ, а продавщица даже погладила его шапку, хотя шапка была совершенно ни при чем. Тут Гугуцэ на глазах у продавщицы вынул три копейки, три раза пересчитал их, посмотрел на туфли, вздохнул. Но продавщица ни о чем не догадалась.

Солнце садилось, собирались белые облака, а у Гугуцэ не было подарка для мамы.

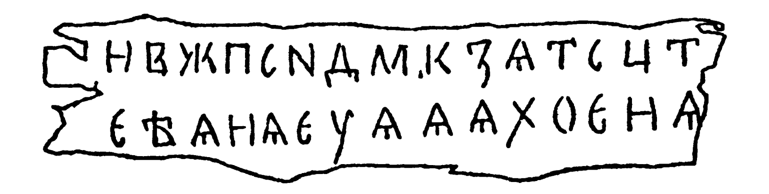
«Ничего, — успокаивал он себя. — Утром встану чуть свет, наберу подснежников».

Но под вечер закружились за окном такие большие снежные хлопья, каких Гугуцэ еще и не видывал. Небо потемнело, холмы побелели, а мальчик уснул. Мама нашла его, спящего, у окна. В руке он держал три копейки и пуговицу. Чудесную пуговицу. Как раз такую, какая была маме очень нужна.

Сказка С. Вангели
в переводе с молдавского В. Д. Берестова

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

В 1951 году во время археологических раскопок в Новгороде ученые стали находить необычные документы: кусочки бересты (березовой коры) с самыми разными записями, процарапанными или продавленными с помощью острых предметов. Находкам дали название **берестяные грамоты**. Обнаружено их за время раскопок более семисот, а написаны они были в XI—XV веках. До открытия берестяных грамот считалось, что читать и писать в то время на Руси могли только служители церкви и самые знатные и богатые люди. Но многие из

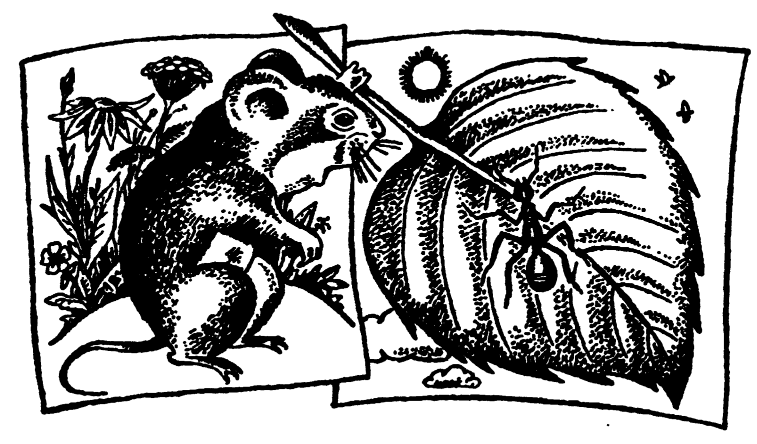

берестяных грамот писаны простыми людьми — ремесленниками, крестьянами. В руки ученых попали ученические упражнения и детские рисунки с надписями, отрывки литературных произведений. И что особенно удивительно — найдено множество записей, сделанных женской рукой.

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ (1894—1959)

Человек — творение природы. Любовь к природе — естественное чувство нормального человека. Но бывают люди с какой-то особенной любовью: в их присутствии лучше растут самые капризные растения, их не боятся самые пугливые животные. Кажется, сама природа только и ждет момента, чтобы раскрыть им свои тайны. Таким человеком был писатель и ученый **Виталий Валентинович Бианки**.

Родился он в семье *ученого-орнитолога* (знатока птиц), хранителя коллекций Зоологического музея в Петербурге. Мама будущего писателя так умела обращаться с растениями, что под ее руками расцветал любой зачахший кустик. Родители передали сыну свою любовь к природе, указали ему жизненную дорогу: Виталий Бианки поступил на естественнонаучное отделение Санкт-Петербургского университета. Бианки вынужден был сделать перерыв в учебе: грянула Первая мировая война, и многие студенты были призваны в армию.

Окончив университет уже после революции, Виталий Валентинович побывал с экспедициями в самых разных уголках страны и везде изучал природу, накапливал впечатления. Природа и стала главным героем его произведений, которые сам писатель называл «сказки-не́сказки». Герои Бианки живут своей обычной, «природной» жизнью, но при этом говорят «человечьим языком». Такое сочетание сказки с реальностью помогает читателям лучше понять жизнь *Природы*.

В 1927 году была впервые напечатана «Лесная газета на каждый год», и до 1949 года автор дополнял и переписывал эту книгу, которая превратилась в своеобразную энциклопедию жизни леса и его обитателей.

Если вы еще не знакомы с *Муравьишкой*, который спешил домой, маленьким мышонком *Пиком* и другими героями Виталия Бианки — откройте книгу, познакомьтесь!

ЗАЯЦ НА ДЕРЕВЕ

А с зайцем случилось вот что.

Заяц жил на островке среди широкой реки. По ночам он глодал кору с молодых осин, а днем прятался в кусты, чтобы не попасться на глаза лисе или людям.

Это был еще молодой, не очень умный заяц.

Он и внимания не обращал, что река кругом его островка с треском сбрасывала лед.

В тот день заяц спокойно спал у себя под кустом. Солнце пригревало его, и косой не заметил, как вода в реке стала быстро прибывать. Он проснулся только тогда, когда почувствовал, что шкурка его подмокла снизу.

Вскочил — а вокруг него уже вода.

Началось наводнение. Замочив только лапки, заяц удрал на середину островка: там было еще сухо.

Но вода в реке прибывала быстро. Островок становился все меньше и меньше. Заяц метался с одного конца на другой. Он видел, что скоро весь островок исчезнет под водой, но не решался броситься в холодные, быстрые волны: он не мог бы переплыть разбушевавшуюся реку.

Так прошел весь день и вся ночь.

На следующее утро из воды торчал только крошечный кусочек острова. На нем росло толстое корявое дерево. Перепуганный заяц бегал кругом его ствола.

А на третий день вода поднялась уже до самого дерева. Заяц стал прыгать на дерево, но каждый раз обрывался и шлепался в воду.

Наконец ему удалось вскочить на толстый нижний сук. Заяц примостился на нем и стал терпеливо дожидаться конца наводнения: вода в реке больше уже не прибывала.

С голоду помереть он не боялся: кора старого дерева была хоть очень жесткая и горькая, но все-таки в пищу пригодная.

Гораздо страшней был ветер. Он качал дерево так сильно, что заяц еле держался на суку. Он был точно матрос на мачте корабля: сук под ним раскачивался, как рея, а внизу бежала глубокая холодная вода.

По широкой реке под ним плыли дере-

вья, бревна, сучья, солома... Три дня просидел заяц на дереве.

Наконец вода спала, и он спрыгнул на землю.

Так ему и жить теперь среди реки на острове — до жаркого лета. Летом река обмелеет, и он доберется до берега.

Из книги В. В. Бианки
«Лесная газета»

БИБЛИЯ

Греческое слово **Библия** означает *книги*. Это древний литературный памятник. Он создавался, как считают ученые, с XII века до нашей эры по II век нашей эры — целых четырнадцать столетий!..

Состоит Библия из двух частей: **Ветхого завета**, написанного на древнееврейском языке еще до появления христианской религии, и более позднего **Нового завета** — он написан по-гречески в начале существования **христианства**. Позднее Библия была переведена на многие языки народов мира.

Библия — трудная книга для современного русского читателя, потому что долгое время в нашей стране беспощадно уничтожали все, что было связано с религией, — заодно был уничтожен огромный пласт культуры.

В 1916 году **Корней Иванович Чуковский**, известный писатель и литературовед, начал работу над книгой для детей «Библейские сказания и мифы», но... Вот печальный рассказ писателя **Валентина Берестова**: «Уже через

год... слово «Бог» стало писаться с маленькой буквы, Библия стала опасной и презираемой книгой, а из детей следовало воспитывать так называемых «воинствующих безбожников». Шло время, и уже целые поколения, к ужасу Чуковского, забыли, в чем смысл, например, таких выражений, как «райское житье», «внести свою лепту», «столпотворение», «козел отпущения» и т.д. Целые поколения, хотя «каждому из нас приходится часто читать в разных газетах и книгах, а порой и слышать в разговоре о всемирном потопе, о Вавилонской башне, о валаамовой ослице, о Каине, о суде Соломона», уже не знали (и все это случилось на глазах у Чуковского), «почему эти слова живут у нас в языке и что они, в сущности, значат». Люди перестали понимать смысл многих картин и статуй, созданных великими мастерами Запада и России, ибо, как справедливо заметил Чуковский, «невозможно понять мировое искусство, если не знать библейских преданий».

Но времена изменились. Библию снова можно читать без всяких опасений. Давайте и мы перелистаем ее страницы — в специальном издании для детей.

Листая страницы...

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Это было так давно, что никто уже не помнит, когда это было. Рассказывают, однако,

будто в те времена все люди говорили на одном языке и все друг друга понимали.

И захотелось людям оставить память о себе на веки веков.

— Давайте соберемся все вместе и выстроим высокую башню! — сказал один.

Все обрадовались и закричали:

— Мы выстроим башню, мы выстроим башню, мы выстроим башню до самого неба!

Выбрали высокую гору — и закипела работа! Одни месят глину, другие лепят из нее кирпичи, третьи кирпичи эти в печах обжигают, четвертые возят их на гору. А наверху уже люди стоят, принимают кирпичи и складывают из них башню.

Все работают, всем весело, все поют песни.

Башня строилась не год и не два. Одних кирпичей для нее понадобилось тридцать пять миллионов! И для себя при-

шлось еще дома построить, чтобы было где отдыхать после работы, а возле домов посадить кусты и деревья, чтобы птицам было где петь.

Целый город вырос вокруг горы, на которой строилась башня. Город Вавилон.

А на горе с каждым днем все выше и выше, уступами, поднималась красавица башня: внизу широкая, кверху все у́же и у́же. Каждый уступ этой башни красили в разный цвет: в черный, в желтый, в красный, в зеленый, в белый, в оранжевый. Верх придумали сделать синим, чтобы был, как небо, а кровлю — золотой, чтобы, как солнце, сверкала!

И вот башня почти готова. Кузнецы уже золото куют для кровли, маляры окунают кисти в ведра с синей краской. Но Богу не понравилась их затея — не хотел он, чтобы люди добрались до самого неба.

«Это оттого они умудрились свою башню выстроить, — подумал он, — что у них один язык и всякий человек понимает другого. Вот они и договорились!»

И наслал Бог на землю великую бурю. Пока буря бушевала, ветер унес все слова, которые люди привыкли друг другу говорить.

Вскоре буря утихла, и люди снова принялись за работу. Они еще не знали, какая беда их постигла. Кровельщики пошли к кузнецам сказать, чтобы те скорее ковали тонкие золотые листы для кровли. А кузнецы не понимают ни слова.

И во всем городе Вавилоне люди перестали понимать друг друга.

Маляр кричит:

— Краска кончилась!

А у него получается:

— Номорпэнт!

— Ничего не понимаю! — кричит ему снизу другой.

А получается:

— Жэнэком промпа!

И по всему Вавилону раздаются слова, никому не понятные.

— Виндадоры!

— Маракири!

— Бобэоби!

— Дзын!

Все побросали работу, ходят как в воду опущенные и ищут: кто бы мог их понять?

И стали люди собираться кучками: кто с кем говорит одинаково, тот с тем и старается держаться. И вместо одного народа получилось множество разных народов.

И разошлись люди в разные концы земли, каждый народ в свою сторону — строить свои города. А башня стала мало-помалу разваливаться.

Но говорят, что до сих пор в каждом городе можно найти обломки тех самых кирпичей, из которых складывали Вавилонскую башню. Потому что многие уносили их с собой на память о тех временах, когда люди понимали друг друга.

И до сих пор на всех языках света люди рассказывают эту сказку о недостроенной Вавилонской башне.

*Из книги «Вавилонская башня
и другие библейские предания»
под редакцией К. И. Чуковского*

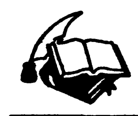
ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ
(1811—1896)

Этот роман впервые увидел свет в 1852 году. С апреля по декабрь вышло двенадцать изданий, а всего за год в Америке было отпечатано 300 тысяч экземпляров. Газеты писали: «Мы не помним, чтобы какое-нибудь сочинение американского писателя возбуждало такой глубокий всеобщий интерес». Речь идет о романе «Хижина дяди Тома». Написала его Гарриет Бичер-Стоу, дочь священника, жена профессора богословия.

Книга вызвала взрыв негодования среди американских рабовладельцев. На писательницу обрушилась лавина писем с угрозами. Ее обвиняли во лжи, в клевете на американскую действительность. Однажды в посылке с Юга (именно южные штаты дольше всего оставались рабовладельческими) ей прислали отрезанное ухо негра. Но даже эта страшная посылка не испугала писательницу, ведь среди писем читателей встречались и такие: «Читая «Хижину дяди Тома», я подумал, что автор, работая над романом, имел перед глазами раба, которого я знал несколько лет назад в штате Миссисипи, звали его дядя Джекоб. Это был очень уважаемый негр, мастер на все руки, прекрасный работник».

Горячий отклик получила книга Бичер-Стоу в России — ведь там были свои «белые негры» — *крепостные крестьяне*, чье положение было ничуть не лучше. В 1858 году журнал «Современник» разослал своим подписчикам русский перевод романа. Несмотря на то,

что до отмены крепостного права в России оставалось всего три года, книга вскоре была запрещена царскими властями.

Листая страницы

Однажды ей в руки попала автобиография (описание собственной жизни) негра по имени Джошуа Хенсон. Это произошло тогда, когда она уже работала над «Хижиной дяди Тома». Позже Гарриет встретилась с этим человеком, и они стали большими друзьями. Подолгу рассказывал он ей о нелегкой жизни, дополняя живым рассказом то, о чем написал в автобиографии.

Сын раба, Джошуа был рабом. Служил хозяину, был честен и предан. Доверяли ему настолько, что, не задумываясь, поручали поездки в другие штаты, в том числе в Огайо. Были уверены — он не сбежит. Хотя достаточно было негру очутиться на земле этого штата, как он автоматически становился свободным. Не раз, говорил Джошуа, во время посещения Огайо у него возникала мысль остаться здесь или бежать дальше на север. Но честность и исполнительность, присущие ему, удерживали его от этого шага. Пораженный такой преданностью, хозяин однажды пообещал отпустить раба на свободу. Впрочем, очень скоро он раздумал — жаль было даром терять образцового слугу. Мало того: отказав в вольной, он решил продать Джошуа.

Вместе с сыном хозяина его отправили на лодке в Нью-Орлеан на рынок — сбыть скот и продукты. А заодно хозяйский сынок должен был продать и лучшего невольника. В душе Джошуа все перевернулось от негодования и возмущения, но воле господина по привычке перечить не стал.

Рынок в Нью-Орлеане славился на весь Юг. Здесь торговля живым товаром была поставлена широко. Негров продавали, что называется, оптом и в розницу, партиями и в одиночку. Казалось, работорговцы сожалеют лишь о том, что не могут разделить человека надвое и продать одну часть туловища одному покупателю, а другую — другому. Шум, плач детей, которых отрывали от матерей, вопли женщин, звон цепей, крики торговцев, свист бича, хохот наполняли рыночную площадь...

Из книги Р. С. Белоусова
«Герои до встречи с писателем»

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГИНИНА (1903—1989)

...Тебя, как песню, наизусть певала
Неграмотная бабушка моя...

Эти стихи **Елены Благининой** обращены к великому Пушкину. Бабушка ее, Юлия Герасимовна, действительно была неграмотной, но знала много стихов и сказок и частенько рассказывала их своим многочисленным внукам.

В семье курского железнодорожника Александра Александровича Благинина было де-

вять детей — правда, не всем из них суждено было стать взрослыми. В доме часто звучали песни — петь не только любили, но и умели. В обычае были домашние спектакли, всевозможные маленькие сюрпризы для детей. Вот как Елена Александровна рассказала об этом писателю Владимиру Приходько:

«В домашнем театре инсценировали стихи, песни, сказки. Вечера, в которые устраивались представления, были особенно торжественны и любимы. Убогая обстановка преображалась словно по мановению палочки волшебника».

...Половичок линючий — речка,
А печка — пышный царский дом...
От страха мрет в груди сердечко,
Пылает голова огнем.
Меня затягивает илом,
Заносит медленно песком.
А ты зовешь таким унылым,
Срывающимся голоском:
— Сестрица моя, Аленушка!
Палач коварной ведьмой нанят,
Костры трещат на берегу.
А камень ко дну тянет, тянет
Так, что дохнуть я не могу.
— Ой, братец мой, Иванушка!
Мы продолжать не в силах действа
И плачем громко — в три ручья —
От вероломства, от злодейства,
От горькой сказки бытия.

Так Елена Александровна повествует о домашнем спектакле в стихотворении «Сказка». Именно для домашнего театра начала она пи-

сать свои первые *стихи, сказки* и *пьесы.* А было юному драматургу (сочинителю пьес) целых... восемь лет!

Уже потом, став взрослой, Елена Благинина училась сначала в Курском педагогическом, затем — в Московском высшем литературно-художественном институте. В тридцатые годы в журнале для детей «Мурзилка» появились ее первые детские стихи, переводы. А начиналось все там — в большой, дружной семье.

Листая страницы...

ВСЕ ДЛЯ ВСЕХ

Каменщик строит жилище,
Платье — работа портного.
Но ведь портному работать
Негде без теплого крова!

Каменщик был бы раздетым,
Если б умелые руки
Вовремя не смастерили
Фартук, и куртку, и брюки.

Пекарь сапожнику к сроку
Сшить сапоги поручает.
Ну, а сапожник без хлеба
Много ль нашьет, натачает?

Стало быть, так и выходит:
Все, что мы делаем, — нужно.

Значит, давайте трудиться
Честно, усердно и дружно!

Стихи польского поэта Ю. Тувима
в переводе Е. А. Благининой

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК (1880—1921)

Бабушка, мать и две тетки Александра Блока были писательницами, так что ему было «на роду написано» заниматься литературой. Он и занялся ею — первые стихи написал лет в пять. А в тринадцать стал вместе с двоюродными братьями издавать рукописный журнал. В журнале он был и главным редактором, и главным художником, и главным автором — помещал в нем свои стихи, рассказы, очерки.

В старших классах гимназии Блок увлекся театром, даже мечтал стать актером. Профессия актера в те годы не была в большом почете, и он вслед за отцом, профессором права, посту-

пил на юридический факультет университета. Но любовь к литературе победила все остальные увлечения, и Блок перешел на историко-филологический факультет.

Оканчивал университет Александр Блок уже известным поэтом. Его стихи печатались в разных журналах, стали выходить отдельными сборниками. Писал он и пьесы, и статьи о литературе.

Главные темы стихов Блока — Родина, человек, любовь, природа. Вклад его в русскую поэзию необыкновенно велик.

Листая страницы...

УЧИТЕЛЬ

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок.
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит, —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,

Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идет и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

А. А. Блок

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ (1873—1924)

Вспоминая свое детство, **Валерий Брюсов** писал: «Выучившись читать еще трех лет от роду, я с тех пор непрерывно поглощал книги. Еще до поступления в гимназию я прочитал их огромное количество — как чисто литературных, так и научных».

Сочинять стихи он начал тогда, когда писать умел еще только печатными буквами. И не только стихи: он писал рассказы и даже научные статьи. А любовь к наукам — особенно к математике — жила в его сердце всю жизнь.

Брюсов был убежден, что человек в жизни обязательно должен трудиться. И сам трудился «не за страх, а за совесть». Знал иностранные языки, читал лекции по литературе и истории, а также по истории своей любимой математики. Написал несколько тысяч стихотворений, прекрасные **новеллы** (разновидность рассказа с описанием одного завершенного события и его авторской оценкой), два больших исторических романа, статьи о творчестве

Пушкина, Тютчева. Многие произведения зарубежной литературы русские читатели узнавали благодаря его переводам.

Вот каких высот сумел достичь неустанным трудом внук крепостного крестьянина, выдающийся русский поэт, писатель, переводчик Валерий Яковлевич Брюсов.

Листая страницы...

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священней слова: «труд»!

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лёт бесследный, —
Все — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!

В каждом шаге, в каждом миге
Ясно видны их следы.

И на место в жизни — право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

В. Я. Брюсов

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН (1870—1953)

Потомок старинного, но обедневшего дворянского рода **Иван Алексеевич Бунин** провел свои ранние детские годы в фамильном имении — на хуторе Бутырки в Орловской губернии. Он рос среди «моря хлебов, трав, цветов», «в глубочайшей полевой тишине». Позднее, когда Бунин стал поэтом и писал стихи о деревенской жизни, о родной природе — скорее всего он вспоминал свое детство.

В одиннадцать лет Иван Бунин поступил в гимназию, но проучился меньше четырех классов — продолжать образование не позволила бедность. А в девятнадцать лет юноша

покинул родовое гнездо — работал корректором, статистиком, библиотекарем, журналистом.

Первое стихотворение Бунин напечатал в 1887 году, называлось оно «На смерть Надсона» (*Семен Яковлевич Надсон* — русский поэт).

Писал Бунин не только стихи, но и прозу — рассказы, повести. Он хорошо знал иностранные языки, много переводил. Например, перевел «Песнь о Гайавате» американского писателя **Лонгфелло**, созданную на основе индейских сказаний. С начала XX века Бунин занял в русской литературе выдающееся место и как прозаик, и как поэт.

Вскоре после революции, в 1920 году, Иван Алексеевич Бунин покинул Россию. В 1933 году он стал лауреатом Нобелевской премии (высшей награды за выдающиеся литературные произведения). За границей писатель очень тосковал по родине, но не вернулся — умер на чужбине, в Париже.

Листая страницы...

ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне корявой

И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

И. А. Бунин

БЫЛИНЫ

«О том, что было» — так можно объяснить название этих прекрасных произведений народного творчества, песен исторического содержания, которые не поют, а нараспев *сказывают*. Иногда былины называют *старинами* — песнями о старине.

Былины отразили разные стороны жизни русского народа, потому так разнообразны их темы. Есть былины *героические*, или *богатырские*, — они рассказывают о борьбе Руси с вра-

гами. А те, что рассказывают о повседневной жизни, называют *общественно-бытовыми*. Повествуют былины о событиях, которые происходили очень давно — во времена Киевской Руси. До наших дней они дошли, передаваемые из уст в уста *сказителями*.

Начинается былина с *зачина*. В нем указывается время и место действия, называется и описывается *герой*. Действие разворачивается неспешно, плавно. Очень часто сказители пользуются особым приемом — *преувеличением* (по-научному — гиперболой). Например, богатырь на коне «скачет... пониже облака ходячего да повыше леса стоячего». А вот враг земли русской — Тугарин Змеевич: «В вышину-то он шесть сажен, в плечах — косая сажень, головища — что пивной котел, а глази-

ща — что пивные чашища». Вот какому чудищу суждено покориться воле и силе русского богатыря.

Былины, созданные в далеком прошлом, сейчас можно прочитать в книгах. А если доведется вам побывать на русском Севере — на Онежском озере, в Карелии, на Беломорье, — может быть, посчастливится и услышать, как нынешние сказители древние песни о том, что было, сказывают.

ЕВГЕНИЙ СЕРАФИМОВИЧ ВЕЛТИСТОВ (р. 1934)

В предисловии к одному из многочисленных изданий самой известной книги этого писателя рассказывается: «Однажды молодой автор собрался в отпуск, к морю. Уложил чемодан, сел в такси. Несет чемодан к поезду и удивляется: тяжелый! Словно там не рубашка и ласты, а кирпичи. Чтобы нести было легче, веселей, стал фантазировать: «Может, в чемодане кто-то есть? Может, там... электронный мальчик? Вот поставлю, — подумал, — чемодан на полку, откину крышку, мальчик откроет глаза, встанет и скажет: «Здравствуй! Меня зовут Электроник...» Вошел в купе, щелкнул замками и ахнул. Оказывается, в спешке перепутал чемоданы: взял другой, набитый книгами. Поезд тронулся... Пришлось у моря обойтись без ласт. Зато почитал вволю. А про воображаемого мальчика из чемодана не забыл». Разумеется, мальчика вы узнали сразу. А знакомы ли вы с его создателем?

Евгений Велтистов пошел в школу на второй год Великой Отечественной войны. Книг в то время было очень мало — вот и решил он, когда вырастет, стать продавцом детских книг, чтобы все их прочитать. Став взрослым, передумал, выучился на журналиста. Сам начал писать — сначала в разных газетах, потом в журнале «Огонек». Он путешествовал по нашей стране и за рубежом, встречался с разными людьми, копил впечатления и обдумывал свои будущие книги.

Первая книжка — «Приключения на дне моря» — увидела свет в 1960 году. Знаменитый Электроник впервые встретился с читателями четырьмя годами позднее. Правда, очереди за «Электроником» выстроились в библиотеках только после выхода на экран трехсерийного телевизионного фильма, сценарий которого написал сам Велтистов. Фильм имел огромный успех, — писем от читателей и зрителей на телевидение, в редакцию газеты «Пионерская правда» и самому писателю пришло более восьмидесяти тысяч!

«Буратино наших дней» — так назвал Электроника известный ученый С.П. Капица (его хорошо знают любители телепередачи «Очевидное — невероятное»). Повести об Электронике составляют *трилогию*. Так называют три произведения,объединенных общими героями или сюжетом. Если произведений всего два — это *дилогия*, если четыре — *тетралогия*. Если больше четырех — говорят «*эпопея*». Но кроме этой суперпопулярной трилогии, включающей в себя повести «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — не-

уловимый друг» и «Победитель невозможного», Евгений Велтистов написал для ребят еще много интересных книг.

Листая страницы...

Так начинается первая повесть трилогии Е. Велтистова «Электроник — мальчик из чемодана»:

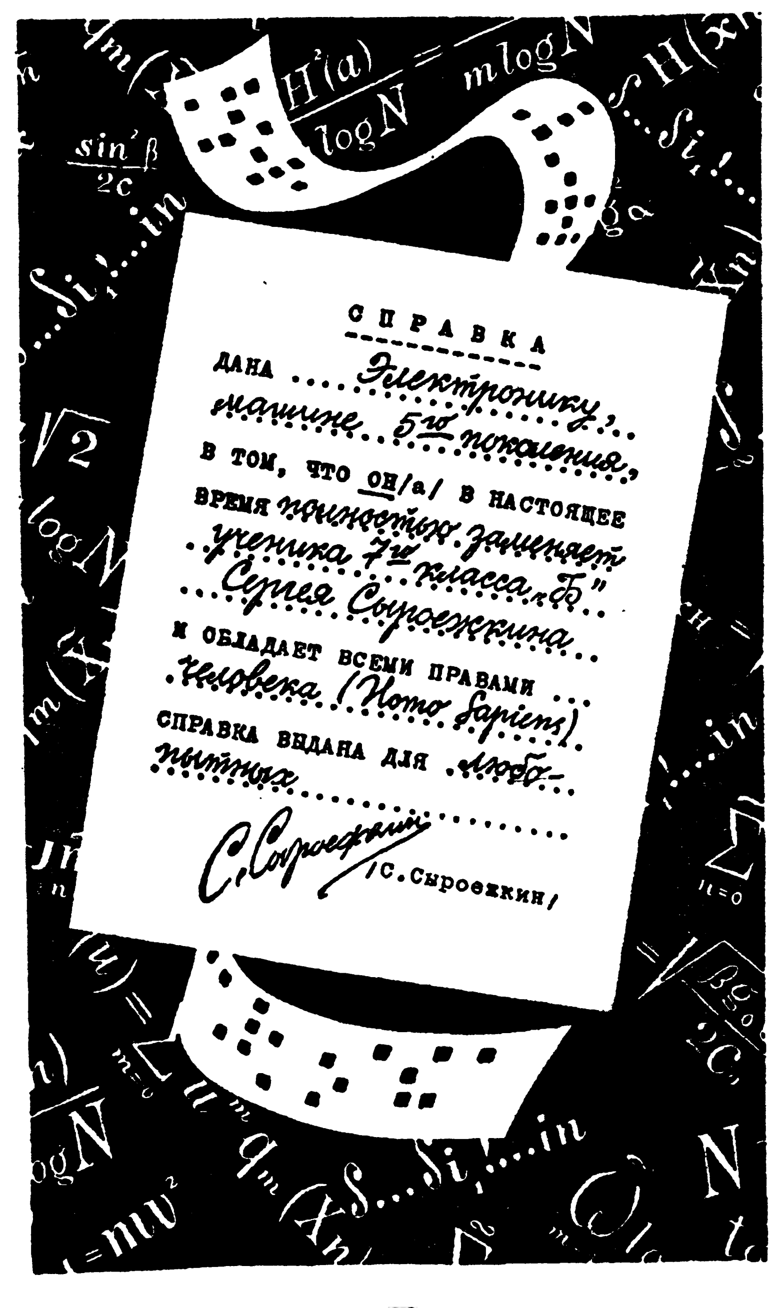
«Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущенно улыбнулся. Это был профессор Громов. Почетный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закругленный угол большого чемодана.

— Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, — сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. — Это очень тяжелый чемодан.

— Пустяки, — отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело.

Чемодан был длинный, черного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

СПРАВКА

ДАНА ....Электронику,.. машине..5-го поколения,

В ТОМ, ЧТО ОН/а/ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ полностью заменяет .ученика 7-го класса „Б" ...Сергея Сыроежкина...

И ОБЛАДАЕТ ВСЕМИ ПРАВАМИ ... человека (Homo Sapiens).

СПРАВКА ВЫДАНА ДЛЯ .любопытных...........................

С. Сыроежкин /С.Сыроежкин/

— Ну и ну... — покачал головой директор. — Как же вы справлялись, профессор?

— Приглашал четырех носильщиков. А сам руководил, — сказал Громов.

— Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

— Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

— Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

— Все чудесно, настроение отличное, — успокоил его профессор.

— Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. — И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки; солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями простреκотал маленький вертолет — воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолетам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похоро-

шел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зеленых деревьев, застывших, как в почетном карауле. Куда ни посмотришь — везде что-то новое: березовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень... Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищенные от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

— Дубки подросли, — сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города...»

Из книги Е. С. Велтистова
«Электроник — мальчик из чемодана»

ЖЮЛЬ ВЕРН
(1828—1905)

Шестьдесят четыре романа и два сборника повестей и рассказов входят в многотомную серию «Необыкновенные путешествия», созданную знаменитым французским писателем **Жюлем Верном** за сорок с лишним лет. «Я поставил своей целью описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар», — говорил писатель. И действительно, на карте мира почти не осталось мест, где бы не бывали его любознательные герои.

Сын адвоката, юрист по образованию, Жюль Верн работал секретарем директора театра, финансовым агентом. А свою творческую деятельность начинал как драматург. Пьесы его не оставили заметного следа в литературе. А вот Жюль Верн — *романист* оставил заметный след не только в литературе. Многие ученые признавались, что произведения этого замечательного писателя помогли им в выборе профессии, а иногда и подсказывали новые научные идеи. И это не случайно. В книгах Жюля Верна описаны самолет, вертолет, подводная лодка, радио, телевидение, кино и многое-многое другое, и все это — задолго до их изобретения!

Первый роман Жюля Верна — «Пять недель на воздушном шаре» — увидел свет во Франции в 1863 году. А через год в России читали его перевод под названием «Воздушное путешествие через Африку». Книга имела большой успех у читателей, а писатель

М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что она «непременно должна сделаться настольною детскою книгой».

Помимо художественных произведений, Жюль Верн писал научные труды по географии и истории географических открытий. Вот его трехтомная **«История великих путешествий»**. Автор рассказывает, как постепенно люди открывали землю, как на ней становилось все меньше «белых пятен», какие подвиги совершали отважные путешественники. Для написания этого труда Верну понадобились годы работы с дневниками путешественников, отчетами экспедиций, архивными материалами. А читается это научное исследование как увлекательный приключенческий роман. Убедитесь в этом сами!

Листая страницы...

Одна из самых популярных книг Жюля Верна — **«Пятнадцатилетний капитан»**. Вот как герой впервые появляется на страницах романа:

«...Экипаж «Пилигрима» состоял из пяти матросов и одного младшего матроса.

Этот пятнадцатилетний младший матрос был сыном неизвестных родителей. Его еще совсем крошкой нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его, — по-видимому,

родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия же Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сенди-Хук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос, а глаза у него были темно-синие. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было

лицо человека не только смелого, но и способного дерзать...

... В восемь лет врожденная страсть к морю заставила его устроиться юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом, несомненно, в ожидании дальнейшей карьеры. Тот, кто с детства знает, что труд — закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их...»

Из романа Ж. Верна
«Пятнадцатилетний капитан»
в переводе И. Петрова.

АЛЕКСАНДР МЕЛЕНТЬЕВИЧ ВОЛКОВ (1891—1977)

Вы читали книгу **«Волшебник Изумрудного города»**? Пожалуй, мало кто ответит «нет». Скорее всего читатели вспомнят и имя автора книги — **Александр Волков.**

Давайте познакомимся поближе с человеком, подарившим нам эту замечательную книгу.

Родился он еще в XIX веке в Усть-Каменогорске. Всю жизнь стремился к новым знани-

ям. Окончил два института и университет. Преподавал словесность, физику, математику, географию, историю, естествознание... Знал латынь, французский, немецкий, старославянский языки; понимал итальянский, испанский, болгарский, польский. Захотел выучить английский. Взял книгу американского писателя Ф. Баума «Мудрец из страны Оз», начал переводить ее на русский и... сочинил по ее мотивам сказку «Волшебник Изумрудного города».

Случилась эта история еще до Великой Отечественной войны. Книга была издана, раскуплена, очень полюбилась читателям. Потом была война, после нее были написаны новые книги — и о «Волшебнике...» на некоторое время забыли. Сам Волков писал для юных чи-

тателей исторические повести, занимательные рассказы...

Но вот дети, которые были первыми читателями волшебной сказки Волкова, сами стали родителями. И однажды в издательство пришло письмо: «Дорогая редакция! Я хочу вам сообщить, что у меня есть старая книга А. Волкова «Волшебник Изумрудного города». Дорогая редакция, я во многих библиотеках искал эту книгу, но нигде ее не нашел. Эта книга старая... если такой книги нет, прошу вас ее выпустить. Если станете выпускать, да не окажется у вас образца, напишите мне, я вам ее перепишу, так как она у меня уже истрепалась и для вас не годится...»

Издательство выполнило просьбу читателя. Книга «Волшебник Изумрудного города» снова была напечатана. А за ней последовали шесть продолжений. Продолжения были написаны автором уже не «по мотивам», а как самостоятельные литературные произведения.

Учитель, ученый, писатель, Александр Мелентьевич Волков главную мысль своей книги выразил так: «В своей сказке я старался показать, что самое лучшее, самое дорогое на свете — это дружба и взаимная выручка».

Листая страницы...

•

Исторический роман А.М.Волкова «Скитания» посвящен детству и юности гениального итальянского философа и поэта *Джорда-*

но Бруно (1548—1600). В детстве его звали Фелипе, а Джордано — имя, которое Бруно получил, став монахом.

... При первой встрече с Лодовико Тансилло Фелипе спросил у него:

— Скажите, крестный, правда ли, что у каждого есть своя звезда и она падает, когда человек умирает? (Об этом мальчику сказала мать. — *Ред.*)

— В народе есть такое поверье, — сказал поэт, — но, конечно, небеса равнодушны к судьбам людей.

Фелипе не понял, и Тансилло разъяснил:

— Дело в том, что звезд на небосклоне не так много, как кажется. У меня есть приятель монах, любитель астрономии, науки о небесных светилах. Он мне говорил, что на небесном своде только три тысячи звезд.

— Это очень много! — воскликнул Фелипе.

Тансилло рассмеялся:

— Всех звезд неба не хватило бы на жителей одной Нолы (родного города Бруно. —

Ред.). А ведь есть и Неаполь, и Флоренция, и Рим, и тысячи городов, и великое множество сел в Италии, Испании, Греции и других странах...

Фелипе слушал затаив дыхание. Перед ним вставала необъятность мира, доселе заключенная для него лишь в той части Кампаньи, которую мальчик мог видеть с вершины Везувия...

Лодовико Тансилло продолжал объяснения:

— Издревле люди видят на небе одни и те же фигуры, называемые созвездиями. Ты знаешь Колесницу Давида (так называли Большую Медведицу. — *Ред.*), Кассиопею, Северную Корону. Как сохранились бы созвездия в течение тысячелетий, если бы звезды падали с неба в момент смерти каждого из нас, бесчисленных земных созданий?..

Наивная легенда, рассказанная матерью, рухнула, и у Фелипе появилось страстное желание учиться астрономии...

Из книги А. М. Волкова «Скитания»

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ ГАЙДАР (1904—1941)

Аркадий Петрович Голиков родился во Льгове (Курская область), а детство провел в Арзамасе. Там он учился в реальном училище, там его застала революция. Потом была *Гражданская война*, в которой Аркадий встал на сторону большевиков. Он был рослым юно-

шей, поэтому, прибавив себе два года, сумел поступить на командирские курсы в Киеве и в 16 лет уже командовал полком Красной Армии.

Гражданская война, помимо того, что на ней ранят и убивают, как на любой другой войне, страшна еще и тем, что сражаются между собой люди, живущие в одной стране, говорящие на одном языке. Случалось так, что по разные стороны фронта оказывались братья, отцы с сыновьями, старые друзья. Юный Аркадий Голиков на войне был тяжело контужен и в двадцать лет из-за болезни уволен из армии. Отчаянное письмо не желавшего расставаться с армией юноши прочитал Михаил Васильевич Фрунзе. Он-то и посоветовал Аркадию заняться литературой.

В середине двадцатых годов появился писатель **Аркадий Гайдар**. Историю его псевдонима рассказывают по-разному. Одни говорят, что когда-то *гайдаром* монгольские конники называли всадника, высланного вперед, в дозор. Другие — что юный Аркадий, увлеченный книгами о благородных рыцарях и мушкетерах, сочинил себе имя на французский манер — Голиков АркадиЙ Д'АРзамас (то есть — из Арзамаса).

Первый рассказ для детей — «РВС» — Гайдар написал в 1926 году. Потом появились другие произведения — «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна» со знаменитой сказкой о Мальчише-Кибальчише. В 1939 году к читателям пришли братья Чук и Гек, а герою самой известной своей книги — «Тимур и его команда» (1940 год) писатель дал имя своего сына.

Когда началась Великая Отечественная война, Аркадий Гайдар отправился на фронт специальным корреспондентом «Комсомольской правды». 26 октября 1941 года он погиб в бою с фашистами.

Сын Гайдара — Тимур Аркадьевич Гайдар — стал, как и отец, военным журналистом. А известный экономист Егор Тимурович Гайдар — внук писателя — сейчас уже старше своего знаменитого деда.

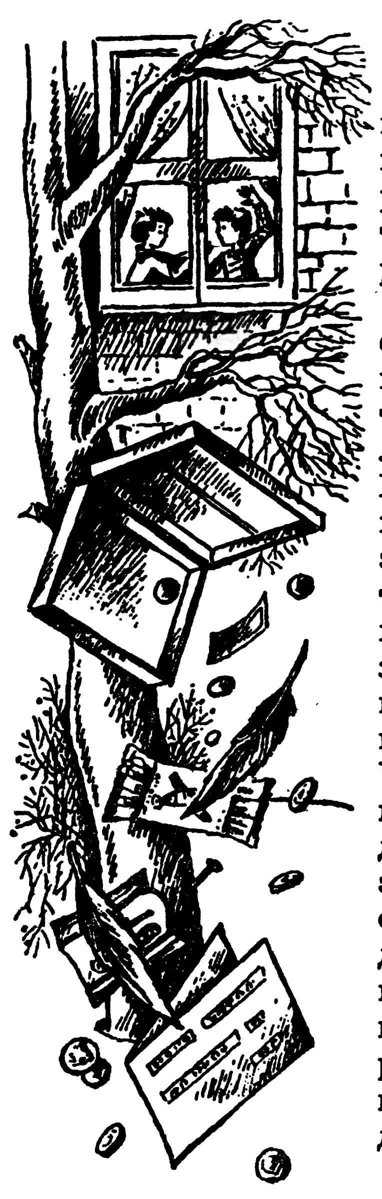

Листая страницы...

... Ах, если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи. У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни. И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!
Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранились сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку,

Чук вырвал у Гека пику, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» — в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почуяв неладное, вслед за Чуком понесся и Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма...

Из повести А. П. Гайдара
«Чук и Гек»

НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ (1852—1906)

«Молодой беллетрист с седыми волосами» — так назвал **Н. Г. Михайловского** писатель В. Г. Короленко. *Беллетристом* (писателем) Михайловский стал лишь к сорока годам, а до этого полтора десятка лет работал инженером-изыскателем и строителем железных дорог. И будучи уже знаменитым писателем, продолжал оставаться инженером. Один из современников вспоминает, что писал Николай Георгиевич «большею частью в дороге, в вагоне, в каюте парохода или номере гостиницы: редакции часто получали его рукописи, посланные с какой-нибудь случайной оказией с

пути его следования». Другой современник писателя рассказывает такую историю: «Отдал Н. Г. в «Русское богатство» (журнал. — *Ред.*) какой-то рассказ и поехал на восток по своим инженерским делам. И вот с разных станций полетели телеграммы... где предлагалось изменить текст, где перерабатывались целые главы, иногда вставлялись новые места, — и пока Гарин доезжал до места, рассказ преображался и, конечно, стоил автору дороже, чем гонорар, который он должен был получить за рассказ».

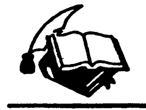
Родился Николай Михайловский в Петербурге, где служил его отец — боевой офицер. Отец вскоре вышел в отставку, и семья переехала в Одессу. Здесь Николай окончил гимназию. Вернувшись в Петербург, поступил на юридический факультет университета. Первый год учебы закончился провалом на экзаменах. Юноша перешел в Институт путей сообщения, и специальность инженера-путейца стала его призванием на всю жизнь.

Студентом-практикантом Михайловский ездил на паровозе кочегаром, строил дорогу из Молдавии в Болгарию. А в 1878 году молодого инженера направили в Болгарию строить дороги и порты. Страна только-только освободилась от многовекового турецкого гнета, и Михайловский очень гордился тем, что строить, а не взрывать первыми пришли туда русские инженеры.

Там, в Болгарии, одна старая женщина нагадала ему: «Жить тебе до ста лет». К сожалению, он прожил лишь половину предсказанно-

го срока. Но событий его жизни хватило бы, пожалуй, и на сто лет. Многие из этих событий попали на страницы его произведений — очерков, рассказов, повестей. «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» — повести, входящие в автобиографическую *тетралогию*. Тетралогией называют четыре произведения, каким-либо образом связанные между собой. В данном случае — общим героем, Артемием Карташевым, в котором современники без труда узнали самого Николая Георгиевича.

Две вещи не успел сделать писатель-инженер Н. Г. Гарин-Михайловский: построить электрическую чудо-дорогу в Крыму и дописать повесть «Инженеры». Но повесть все же была напечатана. И железная дорога — правда, в другое время и другими людьми — была построена.

Листая страницы...

КАК МИХАЙЛОВСКИЙ СТАЛ ГАРИНЫМ

Николай Георгиевич Михайловский прочел несколько глав автобиографической повести «Детство Темы» известному писателю *К. М. Станюковичу*.

... А Станюкович между тем уже перешел к деловому разговору. Как печататься, где? Под своей фамилией или под псевдонимом?

— Псевдоним, мне кажется, нужен. Вас

будут путать с вашим тезкой и однофамильцем Николаем Константиновичем Михайловским.

Николай Георгиевич пожал плечами.

— Вы, конечно, правы... Но какой же придумать псевдоним? Это не так просто.

— Но не так уж и трудно. Ну, как это обычно делается... Берется имя кого-нибудь из близких...

В эту минуту дверь кабинета приоткрылась, и сквозь щель просунулась пушистая головка младшего сына Михайловских, годовалого Гари. Он с опаской оглянулся и, убедившись, что за ним нет погони, переваливаясь на толстых ножках, подошел к отцу, взобрался на колени и крепко прижался к нему. Сердито посмотрев на Станюковича, он залепетал что-то на своем детском языке.

— Он у нас ревнивец, — с улыбкой пояснил Николай Георгиевич. — Не желает никому меня уступать, даже старшим детям.

Надежда Валериевна (жена Михайловского. — *Ред.*) попыталась увести мальчика, но он еще крепче прижался к отцу.

— Никто твоего папу не отнимет. Гарин папа, Гарин, а теперь ступай-ка ты в детскую, — ласково говорил Николай Георгиевич, отдавая мальчика вошедшей няне.

— Гарин... — повторил он вдруг. — А не подходит ли это для псевдонима?

— А что! Хорошо, честное слово! — воскликнул Станюкович.

— Пожалуй, и в самом деле неплохо, как ты считаешь, Надя?

— По-моему, прекрасно! — сказала сияющая Надежда Валериевна...

Вечером выпили за здоровье нового писателя Гарина, а наутро Станюкович уехал.

— Ну, давай Бог счастья! — сказал он, обнимая на прощание Николая Георгиевича. — Рукопись пришлите мне. Повесть будет иметь успех, ручаюсь головой.

Из статьи Ф. Ф. Кузнецова

ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ ГАРШИН (1855—1888)

Последним произведением этого писателя стала известная многим сказка **«Лягушка-путешественница»**. А первым — рассказ «Четыре дня», после публикации которого он стал известным русским писателем. Рассказ этот — о русско-турецкой войне, в которой **Всеволод Михайлович Гаршин** принимал непосредственное участие. Позже были «Трус», «Художники», «Красный цветок», «Сигнал» и другие произведения.

Гаршин вел свою родословную от мурзы Гарши, вышедшего из Золотой Орды и поступившего на русскую службу еще во времена царя Ивана III, то есть во второй половине XV века. Родился будущий писатель в самый разгар *Крымской войны*. Брат его вспоминал, как маленький Сева под впечатлением разговоров старших о недавно закончившейся войне (в которой принимал участие и его отец) тоже начинал собираться в «поход». Он заказывал повару на дорогу пирожки, собирал немного белья, все увязывал в узелок, надевал его на плечи и являлся прощаться с домашними.

Брат писал: «И эти сборы не были игрой, мальчик искренне верил в возможность немедленно сделаться солдатом и печальный, и грустный приходил он к матери.

— Прощайте, мама, — говорил он, — что же делать, все должны служить».

Пора «послужить» пришла, когда в 1877 году началась *русско-турецкая война*. Всеволод Гаршин ушел воевать добровольцем. Солдаты-однополчане любили его: «Все-то он знал, все-то рассказать мог, и сколько он нам историй разных пересказал на походе! Изморимся, язык высунем, еле ноги волочим, а ему и горюшка мало, снует промеж нас, с тем покалякает, с другим... Чудной такой, живой!..»

Гаршин был ранен в ногу. Его произвели в офицеры, а по окончании войны уволили в

запас. Теперь он мог полностью посвятить себя литературе, но времени ему было отпущено судьбой немного — он прожил всего тридцать три года.

Листая страницы...

В один прекрасный июньский день — а прекрасный он был потому, что было двадцать восемь градусов по Реомюру, — в один прекрасный июньский день было везде жарко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было еще жарче, потому что

место было закрытое от ветра густым-прегустым вишняком...

Вот мы и ушли с полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянке и сидело целое общество неспавших господ. То есть сидели-то не все; старый гнедой, например, с опасностью для своих боков от кнута кучера Антона разгребавший копну сена, будучи лошадью, вовсе и сидеть не умел; гусеница какой-то бабочки тоже не сидела, а скорее лежала на животе; но дело ведь не в слове. Под вишнею собралась маленькая, но очень серьезная компания: улитка, навозный жук, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакал кузнечик. Возле стоял и старый гнедой, прислушиваясь к их речам одним, повернутым к ним, гнедым ухом с торчащими изнутри темно-серыми волосами; а на гнедом сидели две мухи.

Компания вежливо, но довольно одушевленно спорила, причем, как и следует быть, никто ни с кем не соглашался, так как каждый дорожил независимостью своего мнения и характера...

А о чем спорила компания на полянке, вы узнаете из сказки В. М. Гаршина **«То, чего не было»**.

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ
(1802—1827)

Этот немецкий писатель, известный своими длинными, увлекательными волшебными сказками, прожил короткую жизнь — всего двадцать пять лет.

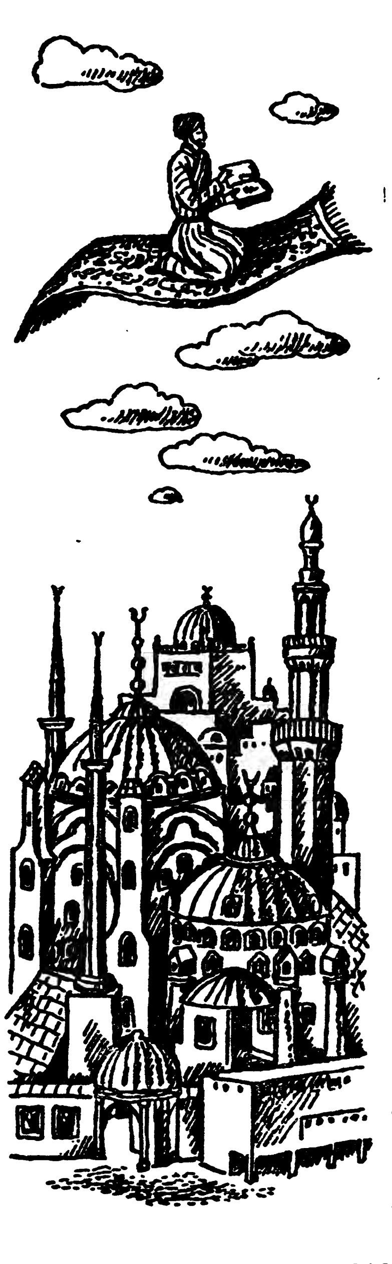
Он родился в семье чиновника, получил богословское образование, но стал не священником, а домашним учителем. Его интересовали история и **фольклор** (народное творчество). Он написал несколько исторических романов и три книги занимательных сказок: «Караван», «Александрийский шейх и его невольники» и «Харчевня в Шпессарте». Самые известные сказки из этих книг **«Маленький Мук»**, «Холодное сердце», **«Карлик Нос»**. Сочиняя свои произведения, Гауф использовал немецкие народные сказки, а также сказки народов Востока.

Сказки **Вильгельма Гауфа** переводились на другие языки, в том числе и на русский. Откройте его книгу — и вы не захотите отложить ее, пока не прочтете до конца.

Листая страницы...

«В родном моем городе Никее жил-был человек по прозванию Маленький Мук. Хотя я был тогда совсем ребенком, однако помню его очень хорошо, в особенности потому, что однажды отец мой избил меня за него до полусмерти. Дело в том, что в те времена Маленький Мук был уже старичок, ростом же не больше трех-четырех футов. Притом сложен он был весьма странно: на туловище его, маленьком и хрупком, сидела голова, размером куда объемистее, чем у других людей. Жил он совсем один в большом доме и даже стряпал себе сам; на улицу показывался всего раз в месяц, и в

городе никто бы не знал, жив он или умер, если бы в обеденное время из трубы его дома не валил дым. Правда, по вечерам он нередко прогуливался по крыше, а с улицы казалось, будто по крыше катается одна его огромная голова. Мы с товарищами были злые мальчишки, готовые всякого высмеять и поддразнить, потому для нас каждый раз бывало праздником, когда Маленький Мук выходил из дому. В определенный день мы толпились перед его домом и поджидали, пока он выйдет. Когда же растворялась дверь и сперва показывалась большая голова в еще большем тюрбане, а затем и все тельце, облаченное в потрепанный халатик, пышные шаровары и широкий пояс, за кото-

рым торчал длинный кинжал — такой длинный, что неизвестно было, кинжал ли прицеплен был к Муку или Мук к кинжалу, — так вот, когда он показывался, навстречу ему раздавались веселые возгласы, мы подбрасывали в воздух шапки и откалывали вокруг него бешеный пляс. Маленький Мук в ответ спокойно кивал нам головой и медленным шагом направлялся вдоль по улице, при этом он шаркал ногами, ибо туфли на нем были такие длинные и широкие, каких я больше не видывал. Мы, мальчишки, бежали следом, крича без устали: «Маленький Мук, Маленький Мук!» Кроме того, мы сочинили забавные стишки, которые пели в его честь...

...Так мы развлекались частенько, и, к стыду своему, должен признаться, что я озорничал пуще всех: дергал его за халатик, а както раз наступил ему сзади на огромные туфли, так что он упал. Это меня рассмешило, но охоты смеяться как не бывало, когда я увидел, что Маленький Мук направляется к нашему дому. Он вошел туда и пробыл там некоторое время. Я спрятался за дверью и видел, как Мук выходил в сопровождении моего отца, который почтительно поддерживал его и у двери распрощался с ним, отвесив множество поклонов...»

А что произошло потом и какова история Маленького Мука, вы узнаете, прочитав сказку Вильгельма Гауфа «Маленький Мук».

ГЕРОДОТ
(ок. 484 до н.э. — ок. 425 до н.э.)

«Чтобы не изгладились с течением времени деяния людей и чтобы не остались непрославленными великие и удивительные дела, совершенные греками и варварами, а также и причина, из-за которой они воевали друг с другом» — так определил цель написания своей книги древнегреческий писатель и историк Геродот. *Варварами* греки называли тех, кто говорил на непонятных им языках, в том числе и персов.

Геродот родился в Малой Азии, в городе Галикарнасе, когда еще живы были участники греко-персидских войн. Историю этих войн и задумал написать Геродот. Во время путешествий он встречался с участниками и очевидцами событий, записывал их рассказы. К описанию военных эпизодов добавились описания виденных Геродотом стран и народов, слышанные им рассказы о далеких землях. Например, на Крайнем Севере сам Геродот никогда не был, но слышал, что там с неба вечно летит пух, — что и отметил в своей книге.

Сегодня мы знаем, что Геродот включил в свое произведение множество подлинных сведений о событиях, людях и странах. Подлинность эта подтверждена археологическими раскопками. Но он также использовал множество мифов и преданий — особенно там, где не мог дать точных научных объяснений. Историческое повествование Геродота стало заметным явлением греческой литературы, потому что автор его — прекрасный рассказчик.

Римский писатель *Цицерон* назвал Геродота *«отцом истории»*. А позднее ученые разделили все его сочинение на девять книг и каждую книгу назвали именем одной из девяти *муз* — богинь, покровительниц наук и искусств. Отсюда и общее название истории Геродота — «Музы».

Листая страницы...

Спартанский царь *Леонид* со своими воинами сдерживал натиск персов в узком горном проходе — Фермопильском ущелье. Вот как повествует об этом эпизоде греко-персидских войн Геродот:

«... Рассказывают, что во время этих стычек Ксеркс (царь персов) глядел на сражающихся и в страхе за свое войско три раза поднимался с кресла. Такова была битва в тот

день. Но и на другой день варвары сражались ничуть не счастливее. Так как эллинов было немного, то варвары, нападая на них, рассчитывали, что они, измученные ранами, не в состоянии будут дольше поддерживать битву. Но эллины разделены были на отряды по способу вооружения и по народностям и сражались по очереди, за исключением фокейцев; эти последние отряжены были на гору для охраны тропинки. Когда персы увидели, что успевают не больше, как и накануне, то отступили.

Царь не знал, как ему выйти из такого положения, как явился к нему, в надежде получить большую награду, малиец Эфиальт, сын Евридема, сообщив ему о тропинке, ведущей через гору к Фермопилам, и тем погубил находившихся там эллинов...

Находившимся в Фермопилах эллинам прежде всего гадатель Мегистий объявил по рассмотрении жертвы, что на заре предстоит им смерть; потом явились перебежчики с известием о том, что персы обходят гору кругом. Тогда эллины стали совещаться между собой, причем голоса разделились: одни утверждали, что не следует покидать стоянки, другие были противоположного мнения. После этого эллины разошлись, одни отправились в обратный путь, рассеявшись по своим городам, другие с Леонидом во главе решили остаться на месте...

Теперь стычка произошла по ту сторону теснины, причем варвары падали в большом числе. Позади отрядов их стояли с бичами в руках начальники и ударами гнали всех вперед все дальше и дальше. Так как эллины были убеждены, что им предстоит гибель от тех вар-

варов, которые обошли гору кругом, то они проявили в борьбе с врагом высшую степень мужества, дрались отчаянно и с бешеной отвагой.

Когда у большинства эллинов копья уже сломались, они рубили персов мечами. В этой битве пал и Леонид, оказавшийся доблестнейшим воином, а с ним вместе и другие знатные спартанцы... Из-за трупа Леонида произошла жестокая свалка между персами и лакедемонянами, пока, наконец, эллины, благодаря своей храбрости, не увлекли труп к себе после четырехкратного обращения в бегство неприятеля.

Так шло сражение до тех пор, пока не явились варвары с Эфиальтом. Лишь только эллины узнали об их прибытии, ход битвы переменился: они отступили назад к теснине, миновали стену и все вместе, за исключением фиванцев, расположились на холме. Холм этот возвышается у входа в ущелье, где теперь стоит каменный лев в честь Леонида. В этом месте они защищались мечами, у кого мечи еще уцелели, а также руками и зубами, пока варвары не похоронили их под стрелами.

Над эллинами, погребенными на том самом месте, где они пали, равно как и над теми, которые погибли до удаления союзников Леонидом, поставлена была надпись, гласившая следующее:

Здесь четыре всего лишь тысячи пелопоннесцев
Билися против сил трех миллионов врагов.

Такова была надпись над всеми павшими. Надпись над спартанцами гласила так:

Странник! Ступай и поведай ты гражданам Лакедемона,
Что их заветам верны, здесь мы костями легли.»

Из «Истории» Геродота

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ (1809—1852)

Кто первым читает книгу? Наборщик. Именно он рукопись превращает в печатные строчки, которые сейчас у вас перед глазами. В наше время наборщики чаще всего работают на компьютерах, а раньше каждую буковку, каждый значок нужно было взять в руки и поставить на свое место в строке. Много книг читает во время работы наборщик — интересных и не очень, веселых и печальных, взрослых и детских...

Когда автор книги **«Вечера на хуторе близ Диканьки»** пришел в типографию посмотреть, как идет работа, наборщики не могли удержаться от смеха. Эта веселая книга понравилась и всем остальным читателям. В каждой ее истории слышались отзвуки старинных преданий, народных сказок.

Великий русский писатель **Николай Васильевич Гоголь** родился на Украине. Его отец увлекался театром, писал **водевили** (маленькие веселые пьесы) и стихи на украинском языке. Сын занимался живописью, прекрасно исполнял комические роли в спектаклях.

Когда молодой Гоголь приехал в Петербург, чтобы заработать на жизнь, ему пришлось поступить на службу в канцелярию. Первую книгу он напечатал в 1829 году под псевдони-

мом *В. Алов*, но критика плохо отозвалась о ней. Гоголь выкупил и сжег все нераспроданные экземпляры.

У «Вечеров на хуторе близ Диканьки» судьба была совсем другая. После выхода этой книги Гоголь смог позволить себе полностью отдаться литературному труду. Он познакомился с В.А. Жуковским, С.Т. Аксаковым, А.С. Пушкиным.

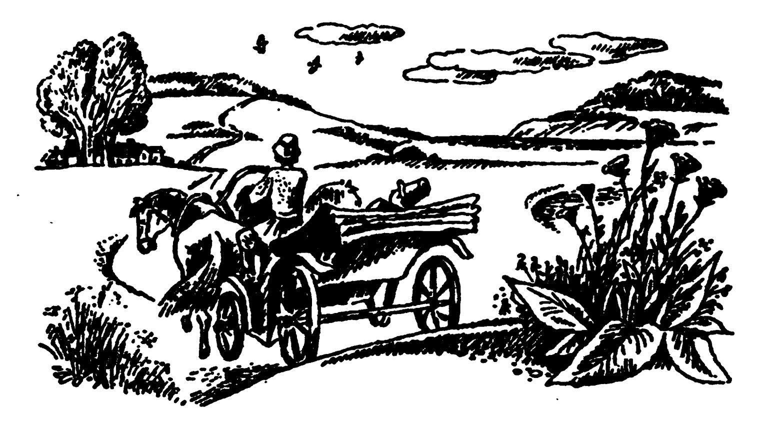
Александр Сергеевич Пушкин подсказал Гоголю сюжет о проходимце, который ездил по стране и скупал у помещиков документы на умерших крестьян — такой он придумал способ добыть богатство. Гоголь написал на этот сюжет поэму в прозе **«Мертвые души»**. Вам еще предстоит познакомиться с этим большим произведением, о котором автор писал: «Мне хочется... показать хоть с одного боку всю Русь...» Прослушав первые главы новой книги Гоголя, Пушкин воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!»

Но Гоголь любил эту Россию, грустил о ней, живя долгое время в Италии. А выражением его любви к родине стали его книги.

Листая страницы...

Эх, тройка, птица-тройка! Кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, — в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный

снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро, живьем, с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылится и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься?..

Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Из поэмы Н. В. Гоголя
«Мертвые души»

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИЦЫН (1909—1989)

Жил-был доктор. Он был добрый. Звали его Сергеем Михайловичем. Еще в детстве он мечтал стать писателем — во многом благодаря родителям, которые были большими любителями литературы и устраивали домашние чтения. Вспоминая об отце, доктор Голицын писал: «Читал он прекрасно. Теперь, когда мне случается перечитывать классиков, на иных страницах я вспоминаю даже интонации его, даже помню, как он произносил отдельные фразы...»

Многое довелось увидеть в жизни доктору. Он путешествовал с геологами, воевал в Великую Отечественную. А после войны Сергей Михайлович работал врачом в школе-интернате. В каникулы он вместе с ребятами выезжал в палаточный лагерь под Звенигородом. Этот лагерь жил по своим особым законам. Вот они:

«1. В нашем городке всем все можно.

2. Опаздывать разрешается не больше чем на двенадцать секунд.

3. В городке ребята делают все сами и сами командуют.

4. Взрослые никогда не бранят ребят.

Примечания: а) В исключительных случаях объявляется чрезвычайное положение. После четырехкратных сигналов горна «Тревога!» начальник городка берет в руки всю власть.

б) Во время купания первый закон не действует. На реке командует начальник городка».

Сергей Михайлович Голицын стал писателем и рассказал в своих книгах не только о «городке сорванцов», но и о творчестве художника В. Д. Поленова, о событиях разных исторических эпох.

Листая страницы...

И начал наш полотняный городок жить да поживать по своим четырем законам. Ежедневно два отряда оставались дежурить: один готовил обед, мыл посуду, прибирал всю территорию; ребята из другого отряда по очереди несли караульную службу и днем, и ночью. Через день, через два один из отрядов отправлялся в туристский поход с двумя-тремя ночевками. А все остальные после завтрака шли на работу в колхоз, потом купались, обедали, снова купались, играли, устраивали спортивные соревнования, опять бежали купаться, ужинали, после захода солнца садились у «Ко-

стра дружбы» — петь песни или слушать рассказы взрослых. В десять часов вечера Валера Шейкин играл отбой.

Как ни странно, ребята очень скоро научились соблюдать все наши законы. «Вызовут на заседание штаба». Эта угроза казалась куда страшнее, чем самая жестокая проборка взрослых. Все беспрекословно слушались членов штаба и очередного дежурного командира — начальника на одни сутки — и по сигналам горна пять раз в день с двенадцатисекундной точностью выскакивали из палаток, бежали на площадь Радости и выстраивались там по отрядам. Даже удивительный закон «всем все можно» ребята с первых же дней отлично усвоили. Раз ничего не запрещается, значит, совсем не хочется безобразничать. Ходили они такими примерными, что я просто диву давался.

«Неужели не надоест им быть паиньками? И жизнь в городке все лето будет идти так гладко и мирно, без сучка, без задоринки?»

Разумеется, за лето случилось много разных событий — о них вы можете узнать, прочитав книгу С.М. Голицына «Городок сорванцов».

ГОРАЦИЙ
(65 г. до н.э. — 8 г. до н.э.)

Стихотворение великого русского поэта А. С. Пушкина «Памятник» является вольным переводом оды, написанной римским поэ-

том Горацием в первом веке до нашей эры. Гораций был *вольноотпущенником* (так в рабовладельческом Риме называли рабов, получивших свободу). Он учился в Риме, а затем в Афинах. Вернувшись в Рим, Гораций познакомился с Меценатом — богатым римлянином, покровителем искусств. Щедрая помощь Мецената позволила Горацию полностью посвятить свою жизнь литературе.

Гораций творил в разных жанрах литературы, но особенно известны его оды. Одами называли торжественные, восхваляющие, прославляющие произведения, а само греческое слово *ода* переводится как *песня*. Поэт слагал свои оды о любви и быстротечности жизни, восхвалял в них императора Августа и воспевал своих друзей.

Квинт Гораций Флакк (так звучит полное имя поэта) прожил долгую для своего времени жизнь. И в конце ее создал новый вид литературы — послания. В форме писем он излагал свои мысли о самых различных вещах и явлениях жизни. Самым известным является послание об искусстве поэзии, которому еще в древности дали название «Наука поэзии».

Он был одним из немногих древнеримских поэтов, чьи произведения (250 рукописей) полностью сохранились с тех далеких времен. Его творчество изучали школьники и в начале нашей эры, и в эпоху средневековья, и в более поздние времена.

А ода Горация «Памятник» была переведена многими русскими поэтами, среди которых М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, В. Я. Брюсов.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух обо мне пройдет от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что я дерзнул в забавном Русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге,
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! Возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело свое зарей бессмертия венчай.

Перевод Г.Р. Державина

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Перевод А.С. Пушкина

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
(1868—1936)

В предместье Баку — Баиловке — была когда-то школа, заслужившая в округе прозвище «школа шалунов». Пожалуй, все дети в той или иной мере шалуны, но не всем взрослые позволяют проявлять это нормальное свойство детского характера. Вероятно, в этой школе работали какие-то особенные учителя, которые разрешали своим ученикам шалить...

В 1908 году в итальянском городе Мессине произошло разрушительное землетрясение. Дети из Баиловки прислали писателю **Максиму Горькому** деньги для пострадавших, а тот ответил письмом: «От души желаю для вас, хорошие маленькие люди, будьте всю жизнь так же чутки и отзывчивы к чужому горю, как были вы в этом случае...

...Будьте здоровы, любите друг друга и — побольше делайте шалостей».

Самому Максиму Горькому не пришлось в детстве вволю пошалить. Жизнь вообще не баловала **Алексея Максимовича Пешкова** — потому и выбрал он для себя такое «говорящее» литературное имя (**псевдоним**).

Отец его умер рано, и воспитанием мальчика занимался дед. Учиться в школе Алеше не пришлось — он должен был работать. Мальчик нянчил чужих детей, помогал сапожнику, мыл посуду на пароходе. На скудные заработки покупал книги и читал их по ночам.

Многое Горький узнал из книг, еще больше увидел, скитаясь по России. Значительную часть увиденного описал он в своих произведениях. Это трилогия **«Детство»**, **«В людях»**, **«Мои университеты»**, романы «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина», пьесы, очерки, рассказы. Писал Горький и для детей. Один из учеников «школы шалунов» сделал ему «заказ» на сказку — так родились «Воробьишка» и «Случай с Евсейкой».

После революции Горький очень много сил отдал созданию издательства, которое занималось бы выпуском книг для детей. Через газету

«Пионерская правда» он обратился к ребятам с вопросами о том, что они читают, какие книги им нравятся, о чем они хотели бы узнать. Ответы потекли к писателю рекой. Появилось *Государственное издательство литературы для детей* — «Детгиз» (сейчас это издательство называется «Детская литература»).

Сегодня множество издательств занимается выпуском книг для детей. Но подойдите к своей книжной полке — наверняка на ней стоят тома, изданные «Детской литературой». А если у вас сохранились детские книги родителей, бабушек и дедушек — на них обязательно найдете слово «Детгиз». Теперь вы знаете, что оно означает.

Листая страницы...

По части шалостей дореволюционные школяры, пожалуй, дадут нынешним сто очков вперед. Вот фрагмент из недавно напечатанных в журнале «Наука и жизнь» устных рассказов Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, выдающегося ученого-биолога.

«Класс наш был в должной мере хулиганистый и отличался очень интересной особенностью: в нашем классе самое, так сказать, хулиганье, ну, человек пять-шесть, в то же самое время были лучшими учениками, которые в конце все кончили с золотыми и серебряными медалями. Этим, во-первых, объяснялся высо-

кий уровень нашего хулиганства и, во-вторых, большие трудности для начальства с нами бороться. Ну, нахулиганим, а в то же время, как говорится, цвет класса. Что ж поделаешь! Нельзя всех будущих медалистов выгнать из класса. Неловко вроде. И вот нас терпели поэтому. И хорошо делали, что терпели. И мы терпели начальство...

... У нас был замечательный физический кабинет, просторный такой. Впереди большой стол, за которым разгуливал преподаватель, черная доска, которая ездила вверх и вниз, не хуже, чем в теперешнем МГУ, и такие столики на двух человек, не парты, а именно столики, а внизу, как у парт, они были скреплены соответствующей скамейкой для двоих. На этих столиках можно было опыты проделывать с приборчиками, всякие такие штуки. А Борис Федорович (учитель физики. — *Ред.*) был глуховат и, как я уже говорил, страшно увлекался. Так вот, мы отрепетировали такую штуку. Это трудно было, но мы репетировали долго и достигли совершенства почти балетного. По команде безмолвной, впереди сидящий подымал руку, все мы брали, каждый, под стол руками, скамью подымали и так-так-так — поворачивали на 180 градусов. Причем до того отрепетировали, что все это происходило абсолютно бесшумно, да и Борис Федорович глуховат без того.

И вот однажды, когда он увлекся у доски, мы таким образом перевернулись. А он, значит, свое отбубнив, повернулся к классу и ничего не мог понять. Начал он перед классом, а кончил — в заду где-то. Потом вдруг сообразил

и страшно был сам доволен. Хохотал: «Как это?!» Ну, тут мы ему: «Борис Федорович, это вам не физика. Мы две недели тренировались. Каждый день начинали с того, что приходили на четверть часа раньше в гимназию и четверть часа упражнялись». Вот такие штуки. Это штуки приятные, хулиганство не вредное и с выдумкой».

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН (1776—1822)

В душе этого человека жили рядом литература и музыка. А в юности он занимался еще и живописью.

Родился немецкий писатель и композитор **Эрнст Теодор Амадей Гофман** в Кенигсберге (сейчас Калининград). Изучал юридические науки в университете, но к тридцати годам понял, что главным в его жизни должно стать искусство.

Среди его музыкальных сочинений — первая немецкая романтическая опера «Ундина». А первые его литературные произведения были напечатаны во «Всеобщей музыкальной газете», которая издавалась в Лейпциге.

Большинству наших читателей Гофман знаком как писатель-сказочник, автор «Крошки Цахес» и «Повелителя блох». По мотивам самой известной его сказки **«Щелкунчик и Мышиный Король»** написал свой замечательный балет великий русский композитор **Петр Ильич Чайковский.**

Двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шепотом сообщил сестренке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комна-

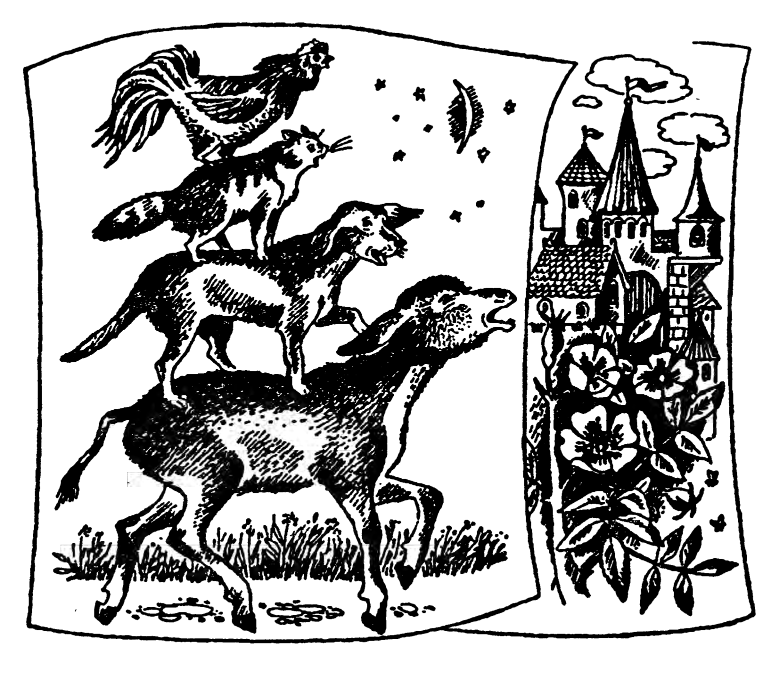
тах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький темный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знал, что это их крестный Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный?..

Так начинается сказка «Щелкунчик и Мышиный Король» в переводе И. Татариновой. Если вам тоже интересно знать, что смастерил на этот раз крестный и что произошло с маленькой Мари в рождественскую ночь, — возьмите книгу Гофмана.

ЯКОБ ГРИММ
(1785 — 1863)
ВИЛЬГЕЛЬМ ГРИММ
(1786 — 1859)

Братья **Якоб** и **Вильгельм Гримм** были погодками. Оба получили юридическое образование в Марбургском университете, затем оба стали профессорами университета в Геттингене. И оба были уволены в 1837 году, когда отказались присягать королю Ганноверскому. Присяга — клятва в верности, а братья не хотели давать такой клятвы человеку, который не соблюдает законов своего государства. Германия в то время состояла из множества маленьких государств — королевств, княжеств.

Братья Гримм переехали в Берлин и стали преподавать там в университете.

Несмотря на юридическое образование, братья увлеклись **филологией** (языкознанием). Якоб, например, написал «Историю немецкого языка» и «Немецкую грамматику». А еще они интересовались **фольклором** — народным творчеством. Много лет собирали немецкие народные **сказки** и напечатали их в книге «Детские и семейные сказки». С тех пор многие поколения читателей знают: если на обложке книги написано *«Братья Гримм»*, значит, под этой обложкой — сказки.

В СТРАНЕ НЕБЫВАЛОЙ

В чудесной стране небывалой пошел я раз и вижу: стоит липа такая ветвистая, и растут на ней горячие оладьи. И слышу я — затеяли рыбы такой шум, что на небе тучи начали качаться.

А два ворона луг косят; и приметил я двух комаров, что мост строят, а две лягушки зерно молотят.

А две козы печь топят, и рыжая корова хлебы в печку сажает. А мухи в тех краях большущие-пребольшущие, как у нас козы.

Вот уж, что и говорить, диковинные дела!

А теперь открой-ка окошко, чтобы все небылицы в него улетели.

Сказка братьев Гримм

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН (1880—1932)

Первым словом, самостоятельно прочитанным четырехлетним **Сашей Гриневским**, было «море». Море всегда влекло его к себе. В шестнадцать лет, уезжая из Вятки в Одессу, юноша намеревался немедленно отправиться в кругосветное плавание.

С кругосветным не получилось. Учеником матроса ходил он вдоль побережья, однажды побывал в Александрии. Но эта морская служба продолжалась недолго.

В поисках заработка Гриневский скитался по России — был рыбаком, золотоискателем, переписчиком ролей в театре, даже банщиком.

Добровольцем пошел в армию — и здесь познакомился с революционерами. Революционная работа привела его в тюрьму, а затем в ссылку. Первые рассказы он подписал **псевдонимом Грин**, потому что его разыскивала полиция.

Побывав на самом «дне» жизни, пройдя множество испытаний, Грин остался таким же мечтателем, каким был маленький Саша Гриневский, которому снились удивительные сны. Он мечтал о времени, когда все будет «невыразимо чудесно», когда земля станет царством «всеобщего счастья».

На гражданскую войну Грин ушел с солдатским мешком, где рядом с парой портянок и сменой чистого белья лежала рукопись **«Алых парусов»**. Он назвал это свое произведение **феерией** (от слова *фея* — волшебница).

Действие многих произведений Грина происходит в фантастических городах со звучными названиями: Гель-Гью, Лисс, Зурбаган. **Константин Георгиевич Паустовский** писал об этих городах: «Их можно представить себе так: приморский город с лестницами вместо спусков, с уютными гаванями и голубятнями разноцветных домов брошен на произвол судьбы. Люди из него уходят. Через двадцать лет город зарастет до крыш буйной растительностью и одичавшими цветами, забытыми человеком.

Тогда люди возвращаются. Они прорубают в зарослях проходы к домам, превратившимся в горы шумящих листьев. Они открывают окна и впускают в дома солнечный свет.

Холодные ручьи бегут по улицам и перекатывают груды морских ракушек...

По вечерам газ шипит в фонарях. Зеленый его свет борется с шумной темнотой, с крепкой, как рассол, океанской ночью».

Обязательно побывайте в этих городах!..

Листая страницы...

Героиня «Алых парусов», девочка по имени Ассоль, встретила путешественника Эгля. Он предсказал ей будущее.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ЭГЛЯ

— Не знаю, сколько пройдет лет, — только в Каперне расцветет одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберется народу, удивляясь и ахая; и ты будешь стоять там. Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка. — «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. — «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет все, что только ты пожелаешь; жить с тобой мы

станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слез и печали». Он посадит тебя в лодку, привезет на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где восходит солнце и где звезды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом...

Из феерии А. С. Грина
«Алые паруса»

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ (1886—1921)

Замечательный русский поэт **Николай Гумилев** родился в морской крепости Кронштадт, в семье флотского врача. Возможно, поэтому и появилось у него влечение к морским странствиям и далеким путешествиям.

Вскоре отец вышел в отставку, и семья переехала в Царское Село — город муз, город, где сам воздух был, казалось, напоен поэзией. Потом некоторое время Гумилевы жили на Кавказе — в Тифлисе. Здесь и появилась первая публикация молодого поэта: в 1902 году газета «Тифлисский листок» напечатала его стихотворение «Я в лес бежал из городов...».

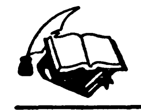
В 1903 году семья вернулась в Царское Село, и Николай поступил в седьмой класс гимназии. В этом же году он познакомился с гимназисткой Анной Горенко, тоже дочерью военного моряка. Позже она станет женой Гумилева, а весь мир узнает ее как русского поэта **Анну Ахматову**. Но все это — потом...

А пока гимназисту Гумилеву нужно было закончить гимназию. Вероятно, на учебе его сказались частые переезды — учился Гумилев

плохо. Он сумел завершить гимназический курс только к двадцати годам (впрочем, это не помешало ему уехать в Париж и слушать лекции в Сорбонне, а потом поступить в Петербургский университет).

Николаю Гумилеву удалось осуществить свою мечту о путешествиях — он побывал и в древних городах Европы, и в Африке, и в Малой Азии.

В 1914 году, в самом начале Первой мировой войны, поэт был призван в армию. Закончил он службу в Париже, в штабе русского экспедиционного корпуса, и вернулся в Россию уже после революции — в 1918 году. Он начал работать в издательстве «Всемирная литература». Дальнейшая его судьба сложилась трагически: в 1921 году Николая Степановича Гумилева расстреляли как участника заговора против советской власти.

Листая страницы...

ЛЕДОХОД

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.

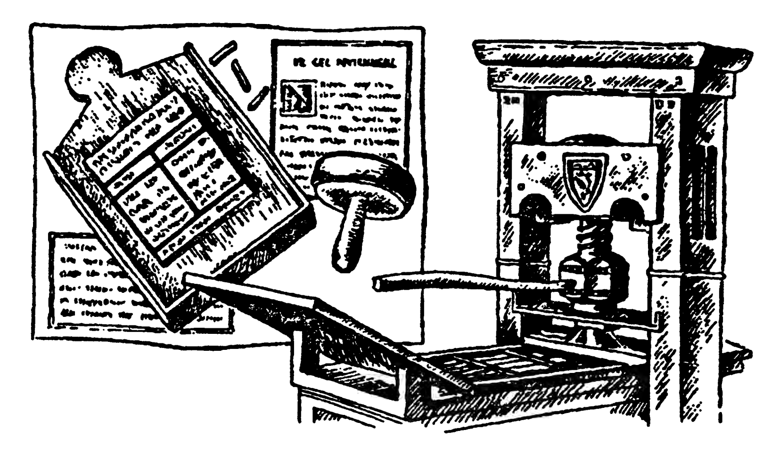
Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознанье —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба
И неуверенно, и слабо
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый океан
Идет на их освобожденье.

Н. С. Гумилев

ИОГАНН ГУТЕНБЕРГ
(ок. 1400—1468)

Этот человек не был писателем, но не рассказать о нем в литературной энциклопедии — даже такой маленькой, как наша, — невозможно. Ведь именно он изобрел **книгопечатание**, одно из самых великих открытий человечества.

Иоганн Гутенберг родился в дворянской семье, но занимался ремеслом — делал зеркала и ювелирные украшения. А прославился он тем, что предложил печатать книги новым способом. До Гутенберга книги уже печатались в Европе заимствованным с Востока методом **ксилографии**: на деревянной доске вырезали «зеркальное» изображение целой страницы, смазывали краской и делали оттиск. Способ трудоемкий, а доски быстро приходили в негодность. Гутенберг же придумал отливать буквы из металла с помощью специальных *матриц* (форм для отливки). Потом из метал-

лических букв — *литер* — набирался текст. В случае необходимости набор можно было рассыпать и использовать уже для нового текста.

Изобретение Гутенберга позволило ускорить процесс создания книг, увеличить **тиражи** (общее количество выпускаемых книг). Сами книги стали значительно дешевле, а значит, доступнее гораздо большему числу читателей, чем раньше.

В 1450 году Гутенберг оборудовал **типографию** — мастерскую для печатания книг. В 1455 году из этой мастерской вышел *шедевр* (высшее достижение) типографского искусства — так называемая 42-строчная Библия. В ней печатался только текст, а заголовки и *инициалы* (начальные буквы) выполнялись красками от руки.

К сожалению, замечательное изобретение не принесло Иоганну Гутенбергу богатства — типографию у него отобрали за долги, и печатать в ней книги стали совсем другие люди.

К концу XV века новый способ книгопечатания широко распространился в Западной Европе, а к середине XVI века он пришел и на русскую землю. Но это уже другая история.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ (1801—1872)

Сын обрусевшего датчанина **Владимир Даль** закончил Морской корпус, служил в армии, был гражданским чиновником — и через всю жизнь пронес любовь к русскому слову.

Сколько слов в русском языке? В самом первом словаре, изданном Российской академией наук, их было шестьдесят тысяч. Даль за всю свою жизнь собрал еще столько же слов, ранее ученым неизвестных, — он называл их *«дикими»*. Первым «диким» словом, которое он записал, было слово *замолаживает*. Даль объяснил это слово, но попробуйте сами определить его значение, пользуясь толковым словарем.

Вспоминая юность, Даль говорил: «Я убедился вскоре, что мы русского языка не знаем, и не пропускал дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение моих запасов». А «запасы» скопились немалые. Однажды во время Хивинского похода русской армии, в котором Владимир Даль участвовал по долгу службы, пропал верблюд с его багажом. Даль был в отчаянии, а окружающие не понимали, почему он так переживает. Откуда им было знать, что верблюд вез десятую часть словарного запаса России — карточки со словами, многие из которых были записаны впервые. К счастью, драгоценный груз скоро отыскался.

Вместе с «дикими» словами приходили к Далю русские **пословицы и поговорки, загадки, сказки...**

За четырехтомный **«Толковый словарь живого великорусского языка»** — труд всей жизни — Владимир Иванович Даль был удостоен звания почетного академика Петербургской академии наук.

Со словарем Даля вам скорее всего еще только предстоит познакомиться. А вот сказки его вы наверняка уже читали. Если же вам по-

падется книга, на обложке которой необычное имя автора — **Казак Луганский**, — знайте, что это тоже Владимир Иванович Даль.

Листая страницы...

У ТЕБЯ У САМОГО СВОЙ УМ

Козел повадился в огород: бывало, как только пастухи выгонят гурт свой, то Васька мой сперва, как добрый, идет, головой помахивает, бородой потряхивает; а как только ребятишки засядут в овражке где-нибудь в камешки играть, то Васька и отправляется прямо в капусту.

Раз и пошел он тем же знакомым путем, идет себе да пофыркивает. В это время отбилась от гурта глупая овца, зашла в чащу, в крапиву да в лопушник; стоит, сердечная, да кричит, да оглядывается — не найдется ли кто добрый человек, чтобы вывел из этой беды. Увидавши козла, обрадовалась она, как родному брату: пойду, дескать, хоть за ним. «Этот выведет: мне не первина за ним идти; у нас и впереди гурта тот козел-вожак идет, за ним ступай смело!»

Пошла наша овца, увязавшись за козлом. Он через овраг — она через овраг; он через тын — она через тын, и попала с ним же в огород.

На этот раз огородник заглянул как-то пораньше в капусту свою да и увидал гостей. Схватил он хворостину предолгую да кинулся

на незваных. Козел, как попроворнее, успел перескочить опять через тын, мемекнул да и пошел себе в чистое поле, а бедная овца заметалась, стала кидаться, оробев, во все стороны да и попалась. Не пожалел огородник хворостины своей: всю измочалил о бедную овцу, так, что уже она кричит не своим голосом, да помощи нет ни от кого. Наконец огородник, подумавши про себя: «Чего доброго, еще убьешь дуру эту, да после хозяин привяжется!» — выгнал ее в калитку и еще-таки на дорогу вытянул во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, в гурт, да и плачется на козла; а козел говорит:

— А кто велел тебе за мною хвостом бегать? Я пошел в свою голову, так мой и ответ; коли мужик мне отомнет бока, так я ни на кого плакаться не стану: ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною, — а уж буду молчать да терпеть. А тебя зачем нелегкая понесла за мною? Я тебя не звал.

И козел, хоть и плут, и вор, а прав в этом

деле. Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом да и ступай туда, где лучше. И у нас то же бывает: один пустится на какой ни есть грех, а другой, на него глядя, за ним же, да после, как попадется, и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?

В. И. Даль

ДЖЕРАЛД МАЛКОЛМ ДАРРЕЛЛ (1925—1995)

«1931 год. — Ребенок ненормальный, все карманы набиты улитками!

1935 год. — Ребенок дефективный, таскает скорпионов в спичечных коробках!

1939 год. — Мальчишка сошел с ума — нанялся в зоомагазин!

1945 год. — Малый совсем свихнулся — хочет служить в зоопарке!

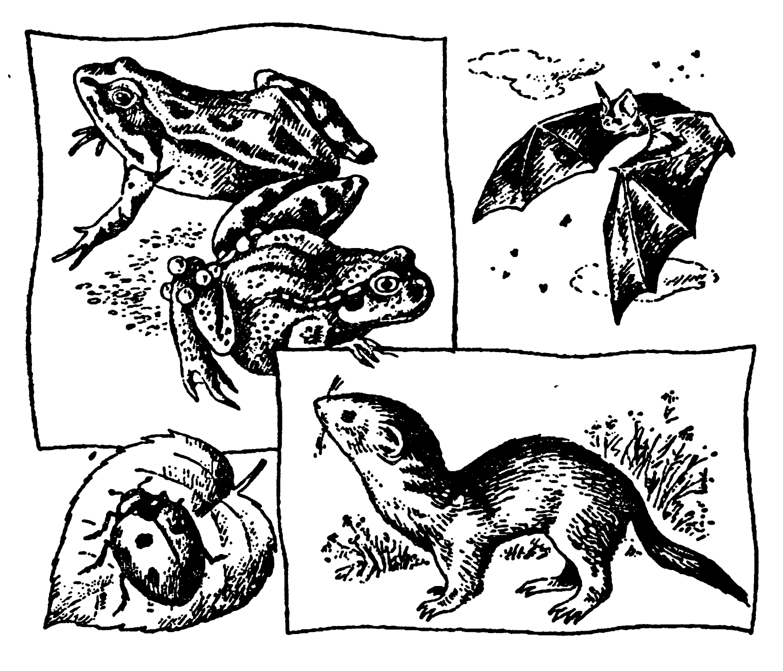
1952 год. — Человек спятил с ума — лазит по джунглям, кишащим змеями!

1958 год. — Этот полоумный хочет завести свой зоопарк!

1967 год. — Настоящий маньяк. Пригласите его в гости, и он притащит в дом орла.

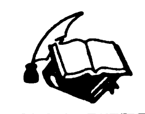
1972 год. — Да он просто сумасшедший!»

Такие шутливые характеристики давал в разные годы английский писатель Лоуренс Даррелл своему брату Джералду. Разумеется, тот не был сумасшедшим, — просто он очень любил природу. И не только любил — всеми силами боролся за сохранение многообразия животного мира Земли.

Джералд Даррелл организовал несколько экспедиций в Африку, Южную Америку и Австралию за редкими животными. На острове Джерси (неподалеку от Лондона) он создал зоосад для животных, находящихся под угрозой исчезновения.

Писателя уже нет с нами, но мы можем читать его книги, смотреть фильмы, слушать радиопередачи, в которых он стремился научить людей ценить доброту, милосердие и дружескую помощь по отношению ко всему живому на нашей планете.

Рядом с Дарреллом многие люди, порой совершенно неожиданно для себя, становились отчаянными защитниками живой природы.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

Когда бродишь по разным странам, собирая коллекции животных, как-то само собой получается, что начинаешь коллекционировать и людей. Вообще я склонен никогда не прощать людям те недостатки, которые прощаю животным, но в этом смысле мне повезло: большинство людей, повстречавшихся мне в моих странствиях, были просто чудесными человеческими экземплярами. Конечно, ловцу животных обычно легче устанавливать контакты: все мечтают познакомиться с человеком столь редкостной профессии и самоотверженно ему помогают чем могут.

Одна из самых прелестных и изысканных женщин, каких я знал, помогала мне запихивать пару лебедей в багажник такси в центре Буэнос-Айреса, а всякий, кто хотя бы раз пытался уговорить буэнос-айресского таксиста подвезти какую-нибудь живность, знает, чего это стоит. Миллионер разрешил мне загромоздить клетками со зверьем парадный подъезд своего элегантного городского особняка, а когда броненосец удрал и проложил, как бульдозер, траншею посередине роскошной клумбы, он и бровью не повел. Содержательница

местного веселого дома помогала нам вести хозяйство, как заправская экономка, да еще заставляла всех девушек мыть и убирать (конечно, в свободное от работы время), а однажды она даже схватилась с начальником полиции — и все из-за нас! В Африке один человек, широко известный своей неприязнью к чужакам и зверью, позволил нам провести шесть недель в своем доме, который мы битком набили, как Ноев ковчег, разнообразными и диковинными лягушками, змеями, белками и мангустами. Капитан большого парохода спускался в трюм ровно в одиннадцать вечера, снимал китель, закатывал рукава рубашки и помогал мне чистить клетки и резать корм для животных. Знаком мне и художник, который, проехав тысячи миль, чтобы написать серию портретов индейцев разных племен, попал в мою экспедицию и все свое время посвятил отлову животных, — на рисование у него не оставалось ни минуты. Кстати, если бы он и захотел, то писать было бы не на чем — я конфисковал все его холсты и понаделал из них ящиков для змей. Помню и щупленького чиновника из министерства общественных работ, настоящего уроженца Лондона, который, едва успев со мной познакомиться, предложил подбросить меня на сто с лишним миль по жутким африканским дорогам в своем новеньком «остине» только ради того, чтобы я мог проверить слухи о младенце гориллы. На его долю в этой авантюре пришлось только в чужом пиру похмелье да лопнувшая рессора...

Д. Даррелл.
Предисловие к одной из глав
книги «Мясной рулет»

ДЕТЕКТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Название этого вида литературы происходит от латинского слова *detectio* — раскрытие. В **детективах** описывается раскрытие тайны, обычно связанной с преступлением.

«Отцом» детективной литературы считается американский писатель **Эдгар По**. Несомненно, и до него в литературе можно было прочитать о таинственных преступлениях, наблюдательных и догадливых героях, разгадки. Но Эдгар По, соединив все эти элементы в одном произведении, в 1841 году создал первый детектив — *«Убийство на улице Морг»*.

Вслед за героями По в литературу пришли Шерлок Холмс **Артура Конан Дойла**, Эркюль Пуаро и мисс Марпл **Агаты Кристи** и множество других сыщиков — любителей и профессионалов, полицейских и милиционеров, военных разведчиков и контрразведчиков.

Сегодня детектив — необычайно распространенный и популярный литературный жанр, если не сказать — самый популярный. Его любят и взрослые, и дети.

ДАНИЭЛЬ ДЕФО
(ок. 1660—1731)

Есть в Южной Америке государство Чили. Этому государству принадлежат два острова со странными названиями: *Александр Селькирк* и *Робинзон Крузо*. Пожалуй, с Робинзоном Крузо кое-кто из читателей уже знаком. А кто такой Александр Селькирк, какое отношение

имеет он к Робинзону и вообще — как он попал на страницы этой книги?

Оказывается, Александр Селькирк — **прототип** Робинзона Крузо. Прототип (еще говорят «*прообраз*») — реально существовавший человек, послуживший писателю образцом для создания литературного героя. Именно Селькирк после кораблекрушения оказался на необитаемом острове и жил там несколько лет без всякой связи с внешним миром. Его приключения описал в своем романе английский писатель **Даниэль Дефо.**

Жизнь самого Дефо тоже была полна приключений, правда, несколько иного рода: он был владельцем торговой фирмы и всю жизнь занимался рискованными коммерческими операциями. В результате — вчера он мог сорить деньгами, а завтра обнаружить дыру в пустом кармане. Когда он начал писать книги, поклонники осыпали его цветами, а власти приковывали к позорному столбу (было в Англии такое наказание). Говорят, освободиться

из тюрьмы ему удалось, только став тайным агентом английского правительства.

Перу Даниэля Дефо принадлежит множество произведений — в Англии собрание его сочинений насчитывает четырнадцать томов. Это романы «История полковника Джека», «Молль Флендерс», «Роксана», «Капитан Сингльтон» и другие. Но самым известным, несомненно, является роман о приключениях **Робинзона Крузо**, написанный в 1719 году и, несмотря на столь почтенный возраст, пользующийся любовью читателей. Не все знают, что Робинзону Крузо Дефо посвятил не одну книгу, а целых три. Первая широко известна. Вторая называется «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо». Третья — «Серьезные размышления Робинзона Крузо» — представляет собой размышления героя на склоне лет.

На *острове Александр Селькирк* моряки установили памятную доску, чтобы прибывающие на этот кусочек суши знали, в честь кого он назван. А чье имя носит *остров Робинзон Крузо*, знают все.

Листая страницы...

Полное название бессмертного романа Даниэля Дефо звучит так:

«Жизнь
и необычайно удивительные
приключения
Робинзона Крузо,

**моряка из Йорка,
который прожил двадцать восемь лет
в полном одиночестве на необитаемом
острове у берегов Америки
близ устья реки Ориноко,
куда он был выброшен после кораблекрушения,
а вся остальная команда погибла.
С добавлением
рассказа о том,
как он в конце концов
удивительно был спасен пиратами.
Написано им самим».**

Вот такое название... И ни строчкой короче!

ИОСИФ ИВАНОВИЧ ДИК
(1922—1984)

Однажды писатель Сергей Баруздин спросил своего друга **Иосифа Дика**, мечтал ли тот в детстве стать писателем. Дик ответил: «Мечтал быть летчиком, шофером, геологом, а писателем — никогда. Просто мне всегда нравилось, как писал отец. Что он писал, я не знал, но меня увлекал сам процесс этого занятия. Вот я и стал подражать ему».

Отец Иосифа Дика был румынским коммунистом-подпольщиком. Он участвовал в Октябрьской революции, в Гражданскую войну служил в штабе М.В. Фрунзе, а потом преподавал в военной академии. В те непростые годы многие дети рано оставались без родителей, — вот и Иосифу Дику выпала судьба жить в детском доме. Окончив школу, он поступил в Ленинграде в Горный институт, но вскоре началась Великая Отечественная война.

На войне Дик стал авиационным пиротехником-подрывником. Служба трудная и опасная. Известно, что меньше всего вернулось с этой войны солдат именно 1922 года рождения — его года. Но Дику повезло: получив тяжелое ранение, он остался жив.

Надо было искать новую дорогу в жизни — он стал писателем. Поступил в Литературный институт имени Горького. Первая книга его рассказов для детей называлась «Золотая рыбка». А всего он создал более шестидесяти книг.

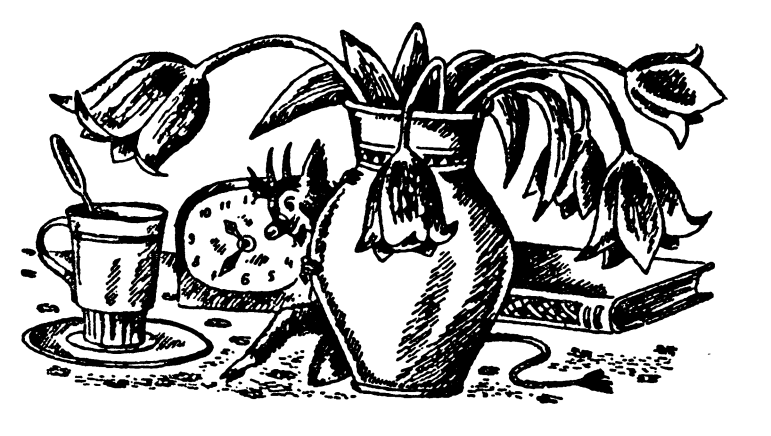
Конечно, Иосиф Иванович Дик писал о войне — не мог забыть ее всю жизнь. Но главной в творчестве писателя была школьная тема. А еще Иосиф Дик был очень веселым и добрым человеком — потому и книги его в большинстве своем веселые и все без исключения — добрые.

Листая страницы...

ПРО ВОВУ ТАРЕЛКИНА

Жил-был в одной школе Вова Тарелкин. В общем, это был неплохой мальчишка, однако и не совсем хороший. Дело в том, что Вова страшно любил ругаться. И ругался он через каждое слово. Такие слова, как «псих ненормальный», «дурошлеп», «индюк», летали вокруг Вовы, как осы, и очень больно жалили его друзей. А на днях к Вовиному языку прикрепилось новое словечко — «черт».

Бабушка не раз говорила: «И что ты, Вовка, болтаешь! Знай: ведь мягкое слово кость ломает, твердое — гнев возбуждает!» Но Вова на эти уговоры не обращал никакого внимания.

И вот однажды вечером бабушка постелила внуку постель и велела сейчас же ложиться. А Вова сказал:

— А ну ее к черту, эту кровать! Все спать да спать, а когда же телевизор смотреть?

— Всему свое время, — ответила бабушка. — А вот будешь черта поминать, он возьмет к тебе и явится. Хлопот тогда не оберешься!

Но, забравшись в кровать, Вова только расхохотался.

— Эх ты, бабка, бабка... Темнота! — сказал он. — Вспомнила про чертей, а они сейчас отменены. Это ведь все пережитки капитализма!

Но только он произнес слово «черт», вдруг слышит за спиной дребезжащий голосок:

— Здрасте! А кто меня звал?..

Чем закончилась эта фантастическая история, вы узнаете из сборника Иосифа Дика «В

дебрях Кара-Бумбы». Кроме рассказа «Про Вову Тарелкина», в нем есть еще много интересных рассказов и повестей.

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
(1859—1930)

К профессии писателя он пришел не сразу. Сначала закончил Эдинбургский университет, получил ученую степень доктора медицины. Затем служил врачом на одном из судов британского флота. Во время этой службы он и «заболел» путешествиями. Даже свою гражданскую врачебную практику **Артур Конан Дойл** несколько раз прерывал длительными путешествиями. В англо-бурскую войну ему пришлось служить в госпитале, а во время египетского похода английской армии он был военным корреспондентом. Весь этот жизненный опыт пригодился Артуру Конан Дойлу, когда он занимался литературным творчеством.

Конан Дойл писал стихи, пьесы, исторические и научно-фантастические романы. Его перу принадлежат научные труды по истории англо-бурской и Первой мировой войн. И все же в первую очередь он — создатель *сыщика-любителя Шерлока Холмса*. Рассказы о нем так полюбились читателям, что автор по требованию публики вынужден был «воскресить» погибшего было Холмса. А рядом с сыщиком — *доктор Ватсон*, от имени которого ведется повествование. Его литературная биография во многом напоминает реальную жизнь самого Артура Конан Дойла.

Роман **«Затерянный мир»** появился в 1912 году. Его герои попадают на неведомую землю, заселенную доисторическими животными.

...Они гуляли впятером — двое взрослых и три детеныша. Размеры их поразили нас. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых и говорить не приходится. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблескивала на солнце аспидно-черными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пяти-

палыми, притягивали к себе зеленые ветки и обгладывали с них листья. Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах, скажу, что они напоминали гигантских, футов в двадцать высотой, кенгуру, покрытых черной крокодиловой кожей.

Я не знаю, сколько времени мы простояли там как зачарованные, глядя на это необычайное зрелище. Сильный ветер дул в нашу сторону, кусты служили хорошим укрытием, следовательно, можно было не опасаться, что чудовища обнаружат нас. Время от времени детеныши, неуклюже резвясь, подпрыгивали и с глухим стуком шлепались на землю. Их родители, по-видимому, обладали неслыханной силой, ибо один из них, не дотянувшись до листьев на верхушке довольно высокого дерева, обхватил его передними лапами и переломил ствол пополам, словно тоненькую ветку. Поступок этот свидетельствовал одновременно о двух вещах: о сильно развитой мускулатуре и недоразвитом мозге, так как дерево рухнуло чудовищу прямо на голову, и оно разразилось громкими воплями. Огромные размеры явно не соответствовали степени выносливости, дарованной ему от природы. Происшествие с деревом, очевидно, заставило его насторожиться, потому что оно медленно побрело в лес в сопровождении своей пары и трех гигантских детенышей. Некоторое время мы видели, как их аспидно-черные спины поблескивали в чаще, а головы ныряли вверх и вниз высоко над кустарником. Потом они исчезли среди деревьев...

Из романа А. Конан Дойла «Затерянный мир» в переводе Н. Волжиной

ВИКТОР ЮЗЕФОВИЧ ДРАГУНСКИЙ (1913—1972)

Детство и юность **Виктора Драгунского** пришлись на трудные годы. В шестнадцать лет юноше, мечтавшему о театре, пришлось пойти работать. Он трудился на заводе, шил конскую сбрую в шорной мастерской, перевозил пассажиров на лодке через Москву-реку. Но актером он все-таки стал и не без успеха играл на сцене. Сначала в Московском театре транспорта (сейчас — Театр имени Н. В. Гоголя), потом в Театре сатиры, цирке, Театре-студии киноактера.

Драгунский писал **фельетоны, пародии**, веселые сценки для эстрады и цирка, песни. А с его Дениской Кораблевым юные читатели познакомились впервые в 1959 году. И с тех пор за Виктором Драгунским прочно закрепилось звание детского писателя.

Самые разные случаи происходили с главным героем Драгунского: и с вышки в воду он прыгал, и на сцене выступал (благо пел хорошо — громко!), и в аварию вместе с папой попадал. Некоторые из этих случаев происходили на самом деле — не с *Дениской Кораблевым*, литературным героем, а с Денисом Драгунским — сыном писателя. Правда, Денис Драгунский вырос, теперь он взрослый человек и сам пишет книги, а Дениска Кораблев так и остался мальчишкой.

В 1968 году Виктор Юзефович, отвечая на вопросы анкеты газеты «Пионерская правда», писал: «Один самый интересный случай будет описан в моей новой книге — «Мальчик с на-

стоящей саблей». Эту книгу я напишу очень скоро. Лет через 10—20. А вообще добавлю, что жизнь я прожил очень интересную и длинную и самых интересных случаев знаю штук сто, но твердо уверен, что самое-самое интересное впереди».

К сожалению, книга «Мальчик с настоящей саблей» так и осталась ненаписанной. А в той же анкете был еще один вопрос: «С кем из писателей прошлого вы отправились бы в путешествие и куда?» Вот как ответил Виктор Драгунский: «Из писателей прошлого я договорился бы с Александром Грином и вместе с ним, Томкой Сойером, Гешкой Финном и товарищем Кибальчишем, в такой вот славной компании, я поехал бы в Зурбаган и, может быть, на обратном пути завернул бы в

Лисс. У меня там много друзей, в этих городах, и потом, вы представляете, как была бы рада старенькая Ассоль?»

ФАНТОМАС

Вот это картина так картина! Это да! От этой картины можно совсем с ума сойти — точно вам говорю. Ведь если простую картину смотришь, так никакого впечатления, только и радости, что ворюга пришел в милицию, заплакал там горькими слезами и сказал, ломая губы: «Ваша взяла! Моих рук дело! Пиши, начальник!» И начинает сам про себя рассказывать, какая у него тяжелая жизнь получилась, как у него в войну отец погиб на фронте, а мама стала все больше богу молиться и совсем не обращала на него внимания, и среди него никто не вел воспитательной работы, а ему кушать хотелось, и он попал в дурную компанию и обокрал пожарную часть. Украл два шланга и топор. И вот такую муру два часа в кино показывают, ни стыда ни совести. Прямо не картина, а «Спокойной ночи, малыши!». А Фантомас — другое дело! Во-первых, тайна! Во-вторых, маска! В-третьих, приключения и драки! И в-четвертых, просто интересно, и все! И конечно, все мальчишки, как эту картину посмотрели, все стали играть в Фантомасов.

Тут главное — остроумные записки писать и подсовывать в самые неожиданные места.

Получается очень здорово. Все, кто такую фантомасовскую записку получает, начинают бояться и дрожать. И даже старухи, которые раньше у подъезда просиживали всю свою сознательную жизнь, сидят все больше дома. Спать ложатся просто с курами. Да оно и понятно, сами подумайте, разве у такой старушки будет хорошее настроение, если она утром прочла у своего почтового ящика такую веселую записочку:

БИРИГИ СВАЮ ПЛЕТУ!
ОНА ЩА КАК ПАДВЗАРВЁТСЯ!

Так начинается один из Денискиных рассказов. Чем закончилась история с Фантомасом, многие из вас знают, а кто не знает — загляните в книги Виктора Драгунского.

ДРАМАТУРГИЯ

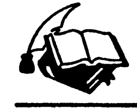
Литературные произведения, специально предназначенные для постановки на сцене, называются **драматургией**. Появился этот вид литературы около двух с половиной тысячелетий назад, когда в Древней Греции родилось *театральное искусство*.

Сначала в **театре** разыгрывали «в лицах» **мифы** о боге Дионисе, а потом стали создавать специальные произведения — **пьесы**. Обычно пьеса имеет форму **диалога** — разговора между двумя или несколькими лицами. В ней, как правило, нет места внутренним **монологам** героев (*монолог* — речь одного человека; *внутренний монолог* — изложение мыслей героя).

Нет в пьесе и авторских характеристик героев — зрители сами должны все понять из высказываний и поступков действующих лиц.

Первыми **драматургами** считают древних греков **Феспида и Фриниха.** Наиболее известными среди драматургов древности являются «отец трагедии» Эсхил и «баловень счастья» Софокл. В те далекие времена драматург нередко был и поэтом, и музыкантом, и *режиссером* (постановщиком всей пьесы), и *хореографом* (постановщиком танцев), и актером.

Вслед за древними греками мы различаем три основных вида пьес: **трагедия, комедия и драма.** А тех, кто хочет подробнее узнать о литературе для театра, мы отсылаем к тому «Культура» из серии «Я познаю мир».

Листая страницы...

Драматургия — даже внешне — совершенно особый вид литературы. Для тех, кому интересно знать, как выглядит пьеса, мы помещаем отрывок из пьесы-сказки **С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев».**

К о р о л е в а. Терпеть не могу писать. Все пальцы в чернилах!

П р о ф е с с о р. Вы совершенно правы, ваше величество. Это весьма неприятное занятие. Недаром древние поэты обходились без письменных приборов, почему произведения их отнесены наукой к разряду устного творчества.

Однако же осмелюсь попросить вас начертать собственной вашего величества рукой еще четыре строчки.

Королева. Ладно уж, диктуйте!

Профессор. Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит!

Королева. Я напишу только «Травка зеленеет». (*Пишет.*) Травка зе-не...

Входит Канцлер.

Канцлер (*низко кланяясь*). Доброе утро, ваше величество. Осмелюсь почтительнейше просить вас подписать один рескрипт и три указа.

Королева. Еще писать! Хорошо. Но уж тогда я не буду дописывать «зенелеет». Дайте сюда ваши бумажки! (*Подписывает бумаги одну за другой.*)

Канцлер. Благодарю вас, ваше величество. А теперь позволю себе попросить вас начертать...

Королева. Опять начертать!

Канцлер. Только вашу высочайшую резолюцию на этом ходатайстве.

Королева (*нетерпеливо*). Что же я должна написать?

Канцлер. Одно из двух ваше величество: либо «казнить», либо «помиловать».

Королева (*про себя*). По-ми-ло-вать... казнить... Лучше напишу «казнить» — это короче.

Канцлер берет бумаги, кланяется и уходит.

Профессор (*тяжело вздыхая*). Нечего сказать, короче!

Королева. О чем это вы?

Профессор. Ах, ваше величество, что вы написали?!

Королева. Вы, конечно, опять заметили какую-нибудь ошибку? Надо писать «208нить», что ли?

Профессор. Нет, вы правильно написали это слово — и все-таки сделали очень грубую ошибку.

Королева. Какую же?

Профессор. Вы решили судьбу человека, даже не задумавшись!

Королева. Еще чего! Не могу же я писать и думать в одно и то же время!

Профессор. И не надо. Сначала надо подумать, а потом писать, ваше величество!

Королева. Если бы я слушалась вас, я бы только и делала, что думала, думала, думала и под конец, наверно, сошла бы с ума или придумала бог знает что... Но, к счастью, я вас не слушаюсь...

СПИРИДОН ДМИТРИЕВИЧ ДРОЖЖИН (1848—1930)

В семье крепостного крестьянина деревни Низовка Тверской губернии родился сын. Подрос, пошел в школу. Правда, учиться пришлось «две неполные зимы», а потом было более тридцати лет скитаний в поисках заработка. Пришлось ему поработать половым (официантом в трактире), помощником буфетчика, приказчиком (продавцом) в купеческой лавке, рабочим, продавцом в книжном магазине. Начал писать стихи о русской деревне, о родной природе, о жизни народа, которую очень хорошо узнал.

В 1896 году, став уже известным поэтом, **Спиридон Дрожжин** возвратился в родную деревню и целиком посвятил себя любимому занятию — литературе.

Его простые, задушевные стихи легко запоминаются. Многие положены на музыку и стали песнями. Две из них исполнял великий русский певец Федор Иванович Шаляпин.

А песню на стихи Дрожжина «У колодца» считали народной. Ее пели партизаны в годы Великой Отечественной войны.

Листая страницы...

Хорошо весной,
Поле чистое,
Муравой-травой
Ты украшено

Да цветочками
Все душистыми
В утро майское
Принаряжено.

От сырой земли
Рожь-красавица
К небу синему
Подымается,
Там поет-звенит
Пташка вольная,
Колокольчиком
Заливается.

Есть где, молодцу,
Разгуляться мне,
С кем помериться
Крепкой силою.
Когда выйду я,
Не погневайся, —
Красоты твоей
Не помилую.

Вольной пташкою
Не заслушаюсь,

Распашу твою
Гладь зеленую,
Развернусь с косой
И всю травушку
Соберу в стога,
Засушённую.

Рожь серпом кривым
Срежу спелую,
Смолочу ее
Я до зернышка,
Уложу в мешки,
Поклонюсь тебе
И скажу: «Прощай,
Чисто полюшко!»

С. Д. Дрожжин

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ ДУРОВ (1863—1934)

Телепередачу «Спокойной ночи, малыши!» с удовольствием смотрят и те, кто уже давно вышел из «малышового» возраста. Если вы тоже являетесь поклонником этой передачи, — вы, несомненно, знакомы с **Натальей Юрьевной Дуровой**. Она очень уважительно относится к животным и даже говорит им «вы». Наталья Юрьевна руководит знаменитым *Театром зверей*, который создал ее прадед **Владимир Леонидович Дуров.**

Владимир Дуров с детства любил животных и мечтал работать в цирке *дрессировщиком*. В то время постоянных цирков в России почти не было. Артисты переезжали из города в город, раскидывали полотняный шатер и в нем

выступали перед публикой. Дуров поступил в труппу известного в то время циркача Ринальдо.

У него появились свои животные — козел Василий Васильевич, собака Бишка, гусь Сократ. Их он и дрессировал. Но дрессировал не так, как было принято в те годы — палкой и побоями. Нет, Дуров обходился со своими животными ласково, терпеливо приучал их к себе, а за удачно выполненный трюк обязательно угощал каким-нибудь лакомством.

Выступления Владимира Дурова и его зверей публика — особенно малолетняя — встречала с восторгом. Владимир Леонидович со своей необычной труппой объездил всю Россию. Много лет мечтал он о своем собственном театре, где главными артистами будут не люди, а звери. И ему удалось осуществить эту мечту: он приобрел в Москве дом, поселил в нем своих животных, устроил зал для выступлений перед публикой и назвал все это *«Уголок Дурова»*.

Когда дедушка Дуров — так прозвали его дети — умер, ему на смену пришли новые поколения семьи Дуровых. Сейчас «Уголок Дурова» — это целый городок: с *театром*, где звери выступают, *зверинцем*, где они живут, и даже со своим *музеем*.

Владимир Леонидович Дуров внимательно наблюдал за животными, изучал их поведение и написал об этом целый научный труд. А для ребят он создал книжку «Мои звери» — очень интересную!

ХРЮШКА-ПАРАШЮТИСТ

Была у меня свинья Хрюшка. Она у меня летала! В то время еще самолетов не было, а поднимались в воздух на воздушном шаре. Я решил, что моя Хрюшка тоже должна подняться в воздух. Я заказал из белой бязи воздушный шар (метров на двадцать в диаметре) и к нему шелковый парашют.

В воздух шар поднимался так. Из кирпичей устроили печь, там сжигалась солома, а шар привязывался к двум столбам над печью. Держали его человек тридцать, постепенно растя-

гивая. Когда шар весь наполнялся дымом и теплым воздухом, канаты отпускали, и шар поднимался.

Но как научить Хрюшку летать?

Я тогда жил на даче. Вот мы с Хрюшкой вышли на балкон, а на балконе у меня был устроен блок и через него переброшены обшитые войлоком ремни. Я надел на Хрюшку ремни и стал осторожненько подтягивать ее на блоке. Хрюшка повисла в воздухе. Она отчаянно заболтала ногами и как завизжит! Но тут я поднес будущей летчице чашку с едой. Хрюшка, почуяв вкусное, забыла про все на свете и занялась обедом. Так она и ела, болтая ногами в воздухе и покачиваясь на ремнях.

Я несколько раз поднимал ее на блоке. Она привыкла к этому и, наевшись, даже спала, повиснув на ремнях.

Я приучил ее к быстрому подъему и спуску.

Потом мы перешли ко второй части обучения.

Я поставил затянутую ремнями Хрюшку на площадку, где был будильник. Затем поднес Хрюшке чашку с пищей. Но как только ее пятачок коснулся еды, я отвел руку с чашкой. Хрюшка потянулась за вкусным, соскочила с площадки и повисла на ремнях. В эту самую минуту затрещал будильник. Эти опыты я проделывал несколько раз, и Хрюшка уже знала, что всякий раз, как зазвонит будильник, она будет получать пищу из моих рук. В погоне за заветной чашкой она при звоне будильника сама соскакивала с площадки и раскачивалась в воздухе, ожидая лакомства. Она привыкла: как затрещит будильник, надо прыгать.

Все готово. Теперь моя Хрюшка может отправляться в воздушное путешествие.

На всех заборах и столбах нашей дачной местности появились яркие афиши:

СВИНЬЯ В ОБЛАКАХ!

Что творилось в день спектакля! Билеты на дачный поезд брались с бою. Вагоны были набиты до отказа. Дети и взрослые висели на подножках. Все говорили:

— А как это: свинья — да в облаках?

— Люди еще летать не умеют, а тут свинья!

Только и разговоров было, что о свинье. Хрюшка сделалась знаменитой особой...

Из книги В. Л. Дурова
«Мои звери»

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ЕРШОВ
(1815—1869)

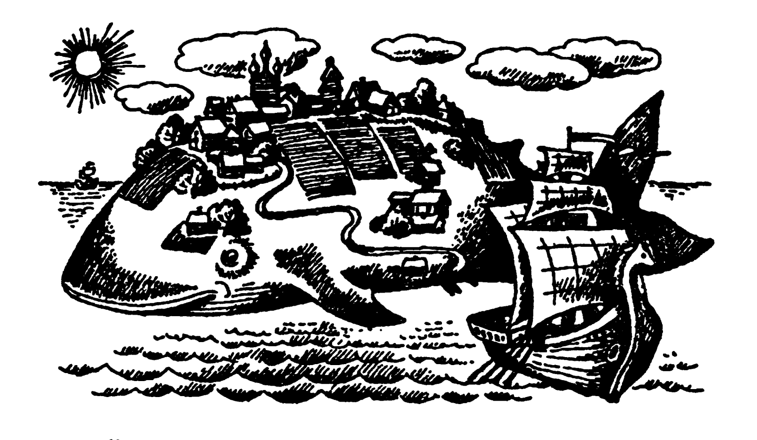
В далекой Сибири в семье сельского чиновника Павла Гавриловича Ершова родился сын. Мальчик был очень слаб здоровьем, у него часто случались нервные припадки. Родители, измученные болезнью сына, решились на отчаянный шаг. Бытовал в Сибири обряд «продажи» больного ребенка. Обычно делали так: нищему, подошедшему к окну, протягивали ребенка и говорили:

— Купи!

— А сколько возьмете?

— Грош!

Разумеется, двухлетнего мальчика никто не собирался продавать. Но, видимо, испуг так

подействовал на малыша, что припадки с тех пор почти прекратились.

Когда сыновьям пришло время учиться в гимназии, семья перебралась в Тобольск, а затем — в Петербург, где двое оставшихся в живых сыновей (десять из двенадцати детей Ершовых умерли) поступили в университет. Там-то и случилось необычайное: студент юридического факультета **Петр Ершов** написал сказку, да не простую, а стихотворную — **«Конек-Горбунок»**.

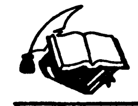
Одним из первых читателей сказки был ректор университета П. А. Плетнев. Сочинение восемнадцатилетнего автора так понравилось профессору, что на следующий день вместо лекции он читал своим студентам первую часть «Конька-Горбунка».

Через год сказка была напечатана. «Конек-Горбунок» и его хозяин Иван пришлись по душе читателям настолько, что сказку стали пересказывать, передавать «из уст в уста». В конце концов она даже попала в сборник русских народных сказок, составленный А. Афа-

насьевым и Д. Садовниковым, — высшая честь для писателя.

Сам Петр Павлович Ершов о причине успеха своей сказки говорил так: «Мне удалось попасть в народную жилу. Зазвенела родная, и русское сердце отозвалось». Действительно, сказка написана легким, выразительным, певучим стихом, она близка русским народным сказкам.

Жизнь Ершова не была легкой и безоблачной. Но в трудные минуты он вспоминал время, когда в любой момент мог с этой жизнью расстаться, и насмешливо говорил себе: «Что ж, мне ведь цена грош...» И шел по жизни дальше...

Листая страницы...

Сказку «Конек-Горбунок» П.П.Ершов написал в юности. А в зрелом возрасте он начал работу над поэмой «**Иван-царевич**». Задумал написать ее в десяти томах, по сто песен в каждой. К сожалению, замысел не был осуществлен. А от поэмы до нас дошли только первые строчки.

Рано утром, под окном,
Подпершися локотком,
Дочка царская сидела,
Вдаль задумчиво глядела,
И порою, как алмаз,
Слезка падала из глаз.
А пред ней, ширинкой чудной,

Луг пестрелся изумрудный,
А по лугу ручеек
Серебристой лентой тек.
Воздух легкий так отрадно
Навевал струей прохладной.
Солнце утра так светло
В путь далекий свой пошло!
Все юнело, все играло,
Лишь царевна тосковала
Под косящатым окном,
Подпершися локотком.
Наконец она вздохнула,
Тихо ручками всплеснула
И, тоски своей полна,
Так промолвила она:
«Всех пространней царство наше,
Всех девиц я в царстве краше:
Бела личика красой,
Темно-русою косой,
Нежной шеей лебединой,
Речью звонкой, соловьиной,
Дочь единая отца,
Я краса его дворца...»

И все. Сказка обрывается в самом начале...

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН (1895—1925)

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром...

Кто не знает этих строк? Пожалуй, только тот, кто пока еще не ходит в школу. А ведь это — первое напечатанное стихотворение Сер-

гея Есенина. Он считал, что «писать для детей — надо особый дар иметь». Поэтому специальных «детских» стихов у него очень мало...

Родился Сергей Александрович Есенин под Рязанью, в селе *Константиново.* Родители его были бедными крестьянами, они отдали сына на воспитание в семью деда (отца матери будущего поэта). Вот как Есенин вспоминал свои детские годы: «Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду... После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и драчуном и ходил всегда в царапинах».

В раннем детстве полюбил Сергей Есенин родную русскую природу — он чувствовал себя частью этой природы. Потому как-то особенно светлы, чисты, мелодичны его стихи о природе. А писать он начал рано — в девять лет.

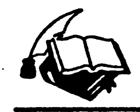
Старшие хотели, чтобы он стал учителем, но сам Есенин мечтал о литературе. Он уехал в Москву, нашел место корректора в типографии и слушал лекции в народном университете Шанявского. В этот университет принимали всех желавших получить среднее или высшее образование (чтобы поступить в императорский университет, обязательно требовался

гимназический аттестат, а Есенин окончил только сельскую школу — правда, с похвальной грамотой).

Первая книга стихов Сергея Есенина — *«Радуница»* — вышла в 1916 году и была доброжелательно принята читателями. Он стал популярным поэтом. Есенина отмечают необыкновенная искренность, удивительная чуткость к земным краскам, простота и прозрачность стиха.

Сергей Александрович Есенин прожил короткую, но очень непростую жизнь. До сих пор остается загадкой история его гибели...

А село Константиново на Рязанщине сейчас называется *Есенино*.

Листая страницы...

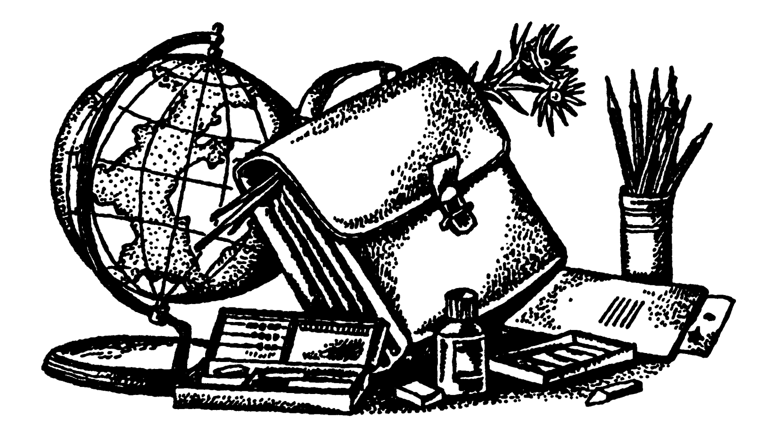
Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость,
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

С. А. Есенин

ВЛАДИМИР КАРПОВИЧ ЖЕЛЕЗНИКОВ
(р. 1926)

Любимый герой этого писателя — чудак. Так называют людей, совершающих странные, подчас непонятные другим поступки. Как, например, Николай Николаевич Бессольцев из повести «*Чучело*»: тратил деньги на покупку картин своего предка — крепостного художника, а сам ходил в стареньком, в заплатках пальто...

Или чудак из шестого «Б» Боря Збандуто — ему поручили «воспитывать» второклашек, и он так втянулся в эту общественную работу, что уже не мог отказаться.

Между прочим, на повесть **«Чудак из шестого «Б»** у Владимира Железникова ушло всего пять дней. Правда, потом автор неоднократно вносил в текст поправки. В конце концов даже название изменилось на «Жизнь и приключения чудака». Впоследствии по этой книге был снят фильм «Чудак из пятого «Б».

В детскую литературу **Владимир Карпович**

Железников пришел довольно поздно. Первая его книга — «Разноцветная история» — вышла в свет, когда автору шел тридцать второй год. Ранняя юность будущего писателя совпала с войной. Сын пограничника, он сам собирался стать военным — учился в артиллерийском училище, потом — в юридическом институте. Но в конце концов стал отличным детским писателем.

Главная тема его книг — отношения между людьми: в семье, школе, в повседневной жизни.

Кто-то из великих однажды заметил, что чудаки украшают мир. Пожалуй, наш мир стал бы беднее, если бы не было в нем героев произведений Владимира Железникова.

Листая страницы...

РЫЦАРЬ

Саша вышел во двор и огляделся... Двор был пуст, только у гаража, который стоял в глубине, ворота были открыты настежь.

Ну, машины — это была его страсть. Он знал все марки советских автомобилей.

Саша подошел к гаражу, осторожно заглянул и остановился на пороге. Дальше идти без разрешения он боялся.

Шофер, совсем молодой на вид парень, возился в моторе «Волги». Он поднял голову и улыбнулся.

— Здравствуйте, дядя, — сказал Саша.

— Здравствуй, малый, если не шутишь, — ответил шофер.

— Я не шучу. — Саше понравилось, что шофер назвал его малым.

Это для него звучало необычно, ну, вроде как он сродни стал этому необыкновенному человеку, от которого так хорошо пахнет бензином, мазутом и еще чем-то таким, от чего просто захватывает дух.

— А если не шутишь, вот тебе ведро, принеси воды, — сказал шофер. — Вон там, в глубине гаража, есть водопровод.

Саша взял ведро, дужка его глухо звякнула. И он, Саша, пошел в глубь гаража.

В гараже было полутемно, но Саша совсем не боялся, он легко и свободно шел среди машин. Потом набрал полнехонько ведро воды, еле дотащил, а когда шофер сказал, что ведро, пожалуй, было для него тяжелым, он улыбнулся: ерунда, мол, не такие таскали. Хотя в своей жизни не притащил ни одного ведра воды. И сейчас, когда тащил, от собственной неловкости облил себе ноги.

Шофер залил воду в машину, закрыл капот и протянул Саше руку.

— Заходи, когда будет время, — сказал он.

Саша крепко пожал ему руку и ответил:

— Обязательно зайду, я ведь живу в этом доме.

Шофер уехал, а у Саши на руке осталась широкая темная полоса — это шофер вымазал его руку машинным маслом. Жалко, что во дворе не было ребят: некому было показать шоферскую заметину. Так и ушел Саша домой, но шофера теперь считал лучшим своим другом.

Прошло несколько дней, и как-то этот шофер, выезжая из ворот, обругал Сашину бабушку. Она стояла в воротах, разговаривала с женщиной и не видела, что загородила дорогу машине.

— Эй, тетка! — грубо крикнул шофер. — Нашла где стоять, а то толкну машиной, костей не соберешь!

И Саша это все услышал. Это так кричали на его бабушку, на самого хорошего, доброго человека! И кричал не кто-нибудь, а его друг шофер. Саша покраснел, потом побелел и вдруг бросился со всех ног за машиной. Он подскочил к шоферу и крикнул ему в лицо:

— Если вы еще раз когда-нибудь закричите на мою бабушку, я вас... я вас ударю! — Он кричал высоким тонким голоском.

Вот сейчас что-то должно было случиться.

— Ух ты! — сказал шофер. — Какой рыцарь, прямо благородный рыцарь! — Он оглушительно рассмеялся.

Больше он ничего не мог сказать. Просто не знал, что ему говорить. Может быть, ему было стыдно. До сих пор он часто гремел басом на

людей и никогда не задумывался, что обижает их. Он кричал на них и уезжал дальше своей дорогой. А тут впервые ему сказали такие слова. И кто сказал? Маленький мальчик, которого он мог одним щелчком опрокинуть на землю, о котором он даже не помнил, стоило ему уйти с работы. Он даже не знал его имени.

А Саша стоял перед ним, как дикий зверек, — решительный, отчаянный, готовый до конца отстоять свою бабушку. Он сейчас совсем не боялся и совсем не стеснялся, это было с ним впервые. Пусть все-все люди смотрят на него, а он ничего не боится. Пусть на него смотрят случайные прохожие. И только где-то в глубине его глаз шофер увидел и боль и обиду. Тогда он сказал:

— Ну прости, малый, виноват, кругом сто раз виноват! И вы, бабушка, великодушно простите.

Он тронул машину и помахал Саше рукой.

А бабушка хотела сначала отругать Сашу за то, что он лезет не в свое дело, но потом передумала. Разве можно ругать человека за благородные поступки? Нет, конечно! И бабушка это отлично знала. Тем более что у нее в голове вдруг запела старая, забытая песня. Ей захотелось запеть эту песню вслух, так у нее было радостно на сердце, но она сдержалась. Пели одни глаза, пели тысячи мелких морщинок около глаз, пели губы, — они почему-то расползались в улыбку. Никто бы даже не поверил, что бабушка умеет так весело и молодо улыбаться. Пели руки, когда они стали непонятно зачем поправлять шапку у Саши. Так у нее было хорошо на сердце, ведь до чего дожи-

ла: Саша заступился за нее! Значит, не зря она сидела около него ночами, когда он болел. Жив человечек...

В. К. Железников

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЖИТКОВ (1882—1938)

Первая встреча с писателем у каждого происходит по-своему. Имя Бориса Житкова многие впервые узнают из знаменитого стихотворения С. Я. Маршака «Почта», где вся история разворачивается вокруг письма *«из Ростова для товарища Житкова»*. У автора книжки, которую вы держите в руках, знакомство с Житковым произошло несколько иначе.

Представьте себе пятилетнюю любительницу чтения, вдруг оказавшуюся в больнице, да еще одну в палате. Чтобы девочка не скучала, мама принесла ей довольно толстую книжку «Что я видел» Бориса Житкова и велела сначала внимательно прочитать предисловие. А в нем автор, обращаясь к взрослым, советует читать книгу ребенку «по одной-две главы на раз». Но ребенок-то умел читать сам и к вечеру прочел всю книгу. На следующий день пришлось признаться маме, что выполнить совет автора не хватило терпения: очень уж хотелось узнать, что там дальше произойдет с Алешей Почемучкой...

Б. С. Житков был одним из родоначальников современной литературы для детей. К сожалению, энциклопедия для малышей *«Что я видел»* вышла в свет, когда ее автора уже

не было. А до нее Борис Степанович написал множество рассказов, историй, сказок для детей и роман для взрослых. Писал Житков только о том, что видел сам, что сам хорошо знал, чем ему приходилось заниматься. А знал он много. Вот эпизод, рассказанный писателем *Константином Фединым:* «Однажды для одного рассказа мне понадобилось получше узнать, как делаются бочки. На лестнице Дома книги мне встретился Борис Степанович. Он спросил, что я делаю, и я сказал ему насчет бочек.

— Не помню сейчас книжек о бондарном деле, но когда-то сам был знаком с ним, — сказал он. — Вот послушай.

Мы отошли в сторонку, и тут же, на площадке лестницы, я узнал подробности о заготовке клепки, обручей, обо всех трудностях, опасностях, болезнях и обо всем восторге бочоночного производства. Житков говорил с таким увлечением и так наглядно объяснял набивку обручей на клепку, что я почувствовал себя перенесенным в бондарную мастерскую, слышал стук и гул работы, вдыхал аромат дубовой стружки и готов был взяться за горбатик, чтобы немножко построгать с замечательным бондарем — Житковым.

Так он знал десятки ремесел».

Константин Федин считал Бориса Степановича Житкова *мастером*. Но не только потому, что тот многое умел делать руками, а еще и потому, «что у него можно учиться письму: он писал, как никто другой, и в его книгу входишь, как ученик — в мастерскую».

...Его друзья вспоминают, как в эту светлую для Житкова пору любил он принимать гостей у себя дома, в Ленинграде, на Матвеевской улице. У него и праздник был свой, особенный, — день весеннего равноденствия (21 марта. — *Ред.*). К «празднику» выпекался специальный пирог, а гости должны были непременно приходить в белом.

Нетерпеливо ожидая друзей, Житков встречал их прямо на улице. А когда собирались за просторным столом, начиналось веселое безумие. Рыжий кот по приказу хозяина «Стань обезьяном!» послушно прыгал на стул и замирал на задних лапах, положив передние на спинку стула. «Але-гоп!» — командовал Житков, и кот прыгал в обруч, затянутый бумагой. Дрессированный пудель Кус умел «ходить сатаной» и понимал (так утверждал Житков) двести слов.

В кругу друзей Борис Степанович сразу становился центром разговора. Рассказчиком он был непревзойденным...

Каждый его рассказ, каждая книга — это опыт, поиск. Один писатель назвал Бориса Житкова «вечным Колумбом», то есть вечным искателем. Он написал сказку о доверчивом, добром утенке и романтическую легенду о каменном корабле Элчан-Кайя, фантастическую повесть и роман.

Писал о слонах, за работой которых наблюдал в Индии, и юрких мангустах, о шаловливой, надоедливой обезьянке Яшке и ручном волке, о том, как светит электрическая лампочка и как работает телеграф. А то начинал рассказывать, как сделать модель буера или теневой театр. И обязательно сам все это смастерит и испытает. И даже нарисует картинки. Он считал, что писатель, тем более детский, должен уметь работать не только головой, но и руками. «Что же это за детский писатель, — как-то заметил Борис Степанович, — если он даже гвоздя в стену вбить не умеет?»

Из очерка Г. Черненко
«Две жизни Бориса Житкова»

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ (1783—1852)

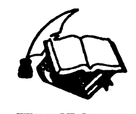
«У меня почти все или чужое, или по поводу чужого, и все, однако, мое», — писал **Василий Андреевич Жуковский** о своей поэзии. Это вовсе не означает, что поэт был **плагиатором** (так называют людей, выдающих чужие произведения за свои). Просто таково было его поэтическое дарование: на основе *сюжета* или *образа*, созданного другими, он сочинял собственные оригинальные произведения. Так народные сказки о царе Берендее и Спящей царевне превратились в поэмы Жуковского.

«Гением перевода» назвал Жуковского **Александр Сергеевич Пушкин**. Именно Жуковский впервые познакомил русских читателей с многими произведениями зарубежной поэзии. А слова гимна Российской империи:

«Боже, царя храни...» — это вольный перевод английского гимна «Боже, храни королеву», плод совместного творчества Жуковского и Пушкина.

Познакомились два поэта, когда первому было тридцать два, а второму — всего шестнадцать лет. Дружба между ними сохранилась на всю жизнь.

В первые месяцы знакомства Жуковский послал лицеисту Пушкину свои стихи с надписью: «Поэту товарищу А. Серг. Пушкину от сочинителя». А через три года, когда Пушкин закончил свою знаменитую поэму «Руслан и Людмила», его старший друг обратился к нему со словами: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

Листая страницы...

... Жуковский не знал древнегреческого языка. Он загорелся мечтой изучить язык Гомера и посвятить себя переводу «Одиссеи». Однако занятый различными делами, он так и не нашел времени для занятий греческим языком и лишь на склоне лет вернулся к мысли о переводе «Одиссеи». Не владея языком **подлинника** (первоначального произведения. — *Ред.*), он вынужден был поступить иначе. Желая сохранить истинный аромат и стиль гомеровского стиха, В. А. Жуковский с помощью немецкого филолога-классика вчитывается в греческий текст гомеровской поэмы, чтоб войти в ее ритм и ощутить ее правильное звучание. Уче-

ный сделал для В. А. Жуковского подстрочный перевод каждого стиха, подписывая под греческим словом его точное значение. Пользуясь таким подстрочником, В. А. Жуковский приступил к поэтическому переложению текста...

Из предисловия
к поэме Гомера «Одиссея»
в переводе В. А. Жуковского

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХОДЕР
(р. 1918)

Кто научил Винни-Пуха говорить по-русски? И не только Винни-Пуха, но и Мэри Поппинс, и Карлсона, и Питера Пена и многих-многих других героев книг зарубежных писателей? Это известный поэт, прозаик, переводчик **Борис Заходер.**

Любовь к иностранным языкам у Бориса Владимировича наследственная: его мама знала английский, немецкий, румынский, украинский языки и занималась техническим

переводом. Сын поступил в Литературный институт, окончил его с отличием — правда, «с перерывом на войну». А потом стал не только писать собственные стихи, сказки, пьесы, но и переводить с других языков. А точнее — не переводить, а *пересказывать*.

Как вы думаете, трудно ли это — сделать понятными для читателей стихи, написанные на другом языке?

Польский поэт Ян Бжехва сказал по этому поводу: «Как известно, существует мнение, в общем, правильное, что поэзия непереводима». И тут же добавил: «Случаются, однако, счастливые исключения. И тут могу заявить, что мне, несомненно, достался выигрыш в этой лотерее, ибо то, что сделал Заходер, переводя мои стихи или, вернее, написав их по-русски, представляет собой редкий *феномен* (исключительное явление. — *Ред.*) в области переводной литературы. Трудно поверить в возможность такой *виртуозности* (высшей степени мастерства. — *Ред.*) в овладении чужим стихотворением, стихом, замыслом...»

Листая страницы...

Однажды газета «Неделя» обратилась к писателю с просьбой поделиться воспоминаниями о детстве.

Заходер вспомнил, как однажды убежал из дому. В ту пору ему не было еще и семи лет: «... я за что-то — за что, уже не помню — очень

обиделся на своих родителей. На обоих сразу — и на папу, и на маму. И вот, когда они ушли на службу, убежал из дому. Чуть ли не целый день один-одинешенек странствовал по Москве. Движение, к счастью, было тогда небольшое, автомобилей почти не было, и в конце концов я благополучно добрался до своего приятеля Яшки. Там меня уже поздно вечером отыскал папа. Меня не наказали. И даже не ругали, хотя, конечно, стоило бы. Может быть, потому, что к нам пришли гости. Но только папа вслух прочел и всем гостям показал записку, которую я оставил родителям. И это было хуже всякого наказания. Там было написано:

СИВОДНЯ Я УХАЖУ НАВСИГДА.

Умирать буду, не забуду, как я тогда краснел и сгорал со стыда. Писать я научился рано и очень гордился своей грамотностью. А тут такой позор — четыре ошибки в четырех словах!»

Вспомнил поэт и о «добром старом Бреме», с которым не разлучался, и о других любимых книгах про животных. О первой любви, о которой сразу узнали однокашники, — ведь он принес в школу все свои игрушки и положил в парту, за которой сидела «любимая». Весь класс, включая «любимую», дружно хохотал. Заходер вздыхает: «Да, ребята, опасная вещь — любовь! В особенности в младших классах». Вспомнил поэт и о драке с грозой переулка по прозвищу Казарма, что мог у первоклашек и завтрак отнять, и нос разбить. Драка возникла из-за кошки: «Я увидел его в переулке. И хотел было, как обычно, поскорее перейти на другую сторону. Но только слышу ужасный кошачий вопль. Посмотрел: а этот головорез кошку мучает... И откуда у меня смелость взялась — не знаю. Но только я подошел к нему и без долгих слов — раз ему в нос. Началась драка. А я драться совсем не умел. Но все-таки кое-что получаться стало... И вдруг грозный мой противник с плачем побежал по переулку. И я тоже, он в одну сторону, я — в другую. А кошка еще раньше убежала...»

Как видим, строки: «Наказать я сам готов тех, кто мучает котов!» — отнюдь не абстрактная угроза. Было дело...

Из книги В. Приходько
«Поэт разговаривает с детьми»

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО (1894—1958)

Михаил Зощенко родился в семье художника. В Петербурге на фасаде музея А. В. Суворова и сегодня можно увидеть мозаичную картину, созданную его отцом — Михаилом Ивановичем Зощенко. Зощенко-сын, будущий писатель, в 1913 году окончил гимназию и поступил на юридический факультет университета. В начале Первой мировой войны студент Зощенко добровольцем пошел на фронт, дослужился до штабс-капитана, был ранен и демобилизован (уволен из армии).

Новая война — гражданская — позвала Михаила добровольцем в Красную Армию. Он провоевал всего год, снова демобилизовался. Кем только не пришлось ему работать после войны: сапожником, телефонистом, агентом уголовного розыска, счетоводом, актером...

Но всю жизнь он стремился к литературе. Сохранилась его записная тетрадь за 1917 — 1920 годы. В ней среди прочих есть такая запись:

«1902 — 1906 — Стихотворения.
1907 — Рассказ «Пальто».
1910 — Рассказ «За что?»
1914 — Письма. Наброски.
1915 — Письма. Эпиграммы.
1917 — Рассказы».

Есть в этой тетради и другая запись: «Цель жизни — найти призвание». Его призванием стала литература. Первый рассказ Зощенко был напечатан в 1914 году. Он назывался

«Тщеславие» и повествовал о барышне, из тщеславия покупавшей французскую газету, хотя по-французски она не понимала.

Зощенко был **писателем-сатириком**. Он высмеивал недостатки, или, как он сам говорил, «печальные черты человеческих характеров». В его произведениях многие узнавали себя. Не каждый человек может достойно пережить такую «встречу с самим собой» в рассказе, над которым смеются тысячи читателей. Автора обвинили в неуважении к народу, запретили печатать свои произведения. Для писателя это равносильно смерти. Михаил Михайлович Зощенко тяжело заболел и в 1958 году умер.

Сегодня книги Зощенко печатаются большими тиражами. Читая его рассказы, написанные более пятидесяти лет назад, мы видим, что многие его герои, к сожалению, дожили до наших дней...

Листая страницы...

ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК

Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси — все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, суньтесь теперь с русской фразой — беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый еще мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

— А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

— Пленарное, — небрежно ответил сосед.

— Ишь ты, — удивился первый, — то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

— Да уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался — только держись.

— Да ну? — спросил сосед. — Неужели и кворум подобрался?

— Ей-богу, — сказал второй.

— И что же он, кворум-то этот?

— Да ничего, — ответил сосед, несколько растерявшись. — Подобрался, и все тут.

— Скажи на милость, — с огорчением покачал головой первый сосед. — С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

— Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них

минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

— Не всегда это, — возразил первый. — Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и оттеда, с точки зрения, то да — индустрия конкретно.

— Конкретно фактически, - строго поправил второй.

— Пожалуй, — согласился собеседник. — Это я тоже допущаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

— Всегда, — коротко отрезал второй. — Всегда, уважаемый товарищ. Особенно если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься...

На трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед наклонился ко второму и тихо спросил:

— Это кто ж там такой вышедши?

— Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руку вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи

мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

М. М. Зощенко

ИНСЦЕНИРОВКА И ЭКРАНИЗАЦИЯ

Литературные произведения, не относящиеся к **драматургии**, не предназначавшиеся авторами специально для постановки на сцене, довольно часто можно видеть в театрах. На кино- и телеэкранах мы тоже встречаемся с литературными произведениями, многие из которых создавались в то время, когда о кино и телевидении люди даже не мечтали.

Переработку литературного произведения для постановки в театре называют **инсценировкой**. В детских театрах, например, *инсценируют* роман американского писателя Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и другие любимые ребятами книги.

Если литературное произведение служит основой для создания фильма, то говорят об **экранизации**. *Экранизированы* многие произведения русских и зарубежных писателей — как современных, так и давно ушедших.

Порой ребята отказываются читать книгу: «Я уже видел это в кино!» А может ли инсценировка или экранизация *заменить* литературное произведение? Ни в коем случае! Даже в очень подробный многосерийный фильм трудно «уложить» все литературное произве-

дение, сохранить особенности авторской речи. Да и героев книги каждый из нас представляет по-своему... В общем, при всех их достоинствах инсценировка и экранизация — это совершенно новое произведение. Не случайно очень часто в театральной программке или *титрах* (надписях) фильма можно прочитать: «По мотивам...». Это означает, что авторы инсценировки или экранизации оставляют за собой право вносить изменения в первоначальное произведение, что-то исключать, что-то дополнять.

Случается, что оригинальный (то есть специально для фильма написанный) **киносценарий** (литературная основа фильма) впоследствии превращается в самостоятельное литературное произведение. В свое время писатель *Юрий Герман* создал сценарий кинофильма «Дорогой мой человек». Фильм так понравился зрителям, что они засыпали сценариста письмами с просьбами о продолжении. Так из киносценария выросла целая *трилогия* (цикл из трех романов) о враче Владимире Устименко.

Библиотекари отмечают, что после показа по телевидению очередной экранизации читатели чаще спрашивают книгу, послужившую основой для фильма. Последуйте этому примеру и вы: поверьте, вас ждет много интересных открытий.

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА ИШИМОВА (1805—1881)

Трудную жизнь прожила дочь костромского дворянина **Александра Осиповна Ишимова**. Когда ей было всего три года, отец девочки попал в опалу, без суда и следствия был отправлен в ссылку. Много лет боролась дочь за восстановление его честного имени и в конце концов добилась успеха.

С детства любила Александра исторические романы. Чтобы читать произведения *Вальтера Скотта*, основателя этого жанра, выучила английский язык. Ей пришлось рано начать зарабатывать на жизнь. Ишимова давала уроки (довелось даже обучать русскому языку царских детей), открыла *пансион* — частное учебное заведение, где дети не только учились, но и жили. Начала переводить книги зарубежных авторов, а затем и писать оригинальные произведения.

Главной книгой А. О. Ишимовой стала, несомненно, **«История России в рассказах для детей»**. Писала она свою книгу, опираясь на многотомный труд *Николая Михайловича Карамзина* «История государства Российского».

Можно много говорить о книге, но лучше всего — взять ее и прочитать. Мы же здесь приведем оценку, данную работе писательницы, только одним человеком — **Александром Сергеевичем Пушкиным.**

Судьбе было угодно, чтобы последнее в жизни письмо, написанное им в день дуэли с Дантесом, было адресовано Александре Осиповне. И были там такие слова: «Нечаянно от-

крыл Вашу историю и поневоле зачитался. Вот как надобно писать...»

Листая страницы...

Назад тому без малого тысячу лет на той земле, где ныне русское царство, таких больших городов, как Петербург или Москва, не было. Да и городами не то называлось, что ныне. Известно, что такое семья. Родные между собою семьи составляют *род*; роды, которые произошли от одного человека, составляют племя, а родственные племена составляют народы. В Русской земле каждый род жил в старину особо. Только в таких местах, где было опасно от зверей или от чужих людей, несколько родов жили вместе. И жили небогато. Каменных домов совсем не было, да и деревянные-то избы строились кое-как, больше на шалаши походили. Такие-то избы огораживали плетнем или забором, чтобы зверь или неприятель не мог скоро пробраться. Вот это и называлось тогда *городом*. Да и таких-то городов в то время было мало, а просто жили особняком, среди лесов и болот, так что и дорогу к жилью было трудно сыскать. Это делали для того, чтобы лучше укрыться от врагов. А врагов было много. Нынче, если люди поссорятся или захотят владеть одною и тою же вещью, то могут *судиться*. Есть *законы*, по которым судьи решают, кто прав и кто виноват. Тогда никаких законов не было. В каждом роде старший начальствовал и назывался старшиной.

Он в своем роде и судил. А если случалось, что кто из одного рода поссорится с кем из другого рода, тогда старшины обоих родов решали спор. Но если один старшина так рассудит, а другой иначе, тогда, случалось, что дело и до ссор доходило. Да еще вот какая была беда. Если случалось, что в ссоре кого-нибудь убьют, так его родные думали, что за это непременно нужно убить того, кто это сделал. А за того его родные вступались...

Из книги А. О. Ишимовой
«История России в рассказах
для детей»

ЛЕВ АБРАМОВИЧ КАССИЛЬ
(1905—1970)

Двадцатилетний юноша, приехавший учиться в Московский университет, был очарован столицей. Днем он учился на физико-математическом факультете, а по вечерам писал длинные письма домой. Впечатлений было так много, что некоторые письма едва умещались на двадцати страницах.

А в родном Покровске (сейчас он называется Энгельс) младший брат относил эти письма в газету и печатал как очерки. Так Лев Кассиль, сам того не ведая, стал журналистом. А от журналиста до писателя — рукой подать!

Самыми первыми его книгами стали записки о детстве — повести *«Кондуит»* и *«Швамбрания»*. Впоследствии автор соединил их и дал название — длинное, подробное. Вот оно: «Кондуит и Швамбрания. Повесть о необычайных приключениях двух рыцарей, в поиске

справедливости открывших на материке Большого Зуба великое государство Швамбранское, с описанием удивительных событий, происходящих на блуждающих островах, а также о многом ином, изложенном бывшим швамбранским адмиралом Арделяром Кейсом, ныне живущим под именем Льва Кассиля, с приложением множества тайных документов, мореходных карт, государственного герба и собственного флага».

Главные герои повести — два брата, Леля и Оська — придумали сказочную страну *Швамбранию* и играли в нее долгое время. Рассказ о событиях в фантастической Швамбрании переплетается с повествованием о реальной жизни. Читатель узнает о том, как учили детей в гимназии, как их воспитывали дома и еще много интересного.

Вот, например, как в выдуманной Швамбрании начинались войны:

«... Почтальон звонил с парадного входа дворца, в котором жил швамбранский император.

— Распишитесь, ваше императорское величество, — говорил почтальон. — Заказное.

— Откуда бы это? — удивлялся император, мусоля карандаш.

Почтальоном был Оська, царем — я.

— Почерк вроде знакомый, — говорил почтальон. — Кажись, из Бальвонии, от ихнего царя.

— А из Кальдонии не получалось письма? — спрашивал император.

— Пишут, — убежденно отвечал почта-

льон, точно копируя нашего покровского почтаря Небогу. (Тот всегда говорил «пишут», когда его спрашивали, есть ли нам письма.)

— Царица! Дай шпильку! — кричал затем император.

Вскрыв шпилькой конверт, император Швамбрании читал:

«Дорогой господин царь Швамбрании!

Как вы поживаете? Мы поживаем ничего, слава Богу, вчера у нас вышло сильное землетрясение, и три вулкана извергнулись. Потом был еще сильный пожар во дворце и сильное наводнение. А на той неделе получилась война с Кальдонией. Но мы их разбили наголо и всех посадили в Плен. Потому что бальвонцы все очень храбрые и герои. А все швамбранцы дураки, хулиганы, галахи и вандалы. И мы хотим с вами воевать. Мы божьей милостью объявляем вам манифест. Выходите сражаться на Войну. Мы вас победим и посадим в Плен. А если вы не выйдете на Войну, то вы трусы как девчонки. И мы на вас презираем. Вы дураки.

Передайте поклон вашей мадам царице и молодому человеку наследнику.

На подлинном собственной ногой моего величества отпечатано каблуком

Бальвонский Царь».

После «Кондуита и Швамбрании» были еще «Вратарь Республики», «Великое противостояние», «Дорогие мои мальчишки», «Улица младшего сына»... Были пьесы и киносценарии. Но первая книга Кассиля осталась не только самой известной и любимой ре-

бятами, но и одной из самых смешных книг во всей детской литературе.

Листая страницы...

Карта Швамбрании и ее окрестностей — одна из самых смешных, если просто не самая смешная карта в мире. Для создания географических названий братья используют понравившиеся им слова — не важно, из какой сферы, но желательно с иностранным оттенком. Так рождаются Пилигвиния (тут слышатся и «пингвин», и «пилигрим» сразу), Пришпандория, Канифолия, горы Северные и Южные Канделябры (тут вспоминаются Кордильеры),

Порт Фель, Порт Сигар, Порт Янки. Порт У-Пея (происхождение этих названий очевидно), порты Матчиш (название танца) и Бильбоке (название игры).

Из книги С. Сивоконя «Веселые ваши друзья»

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ (1897—1986)

Возможно, вы еще не знакомы с Петей и Гавриком, героями тетралогии (цикла из четырех произведений) **«Волны Черного моря»**. Может быть, вам еще только предстоит встреча с сыном полка Ваней Солнцевым. Но уж девочку Женю с ее цветиком-семицветиком вы наверняка знаете. Этих литературных героев, как и многих других, создал **Валентин Петрович Катаев.**

Родился он в приморском городе Одессе, и волны Черного моря шумят на страницах многих его книг. Учился в гимназии. Учеба была прервана Первой мировой войной. Но еще до войны Катаев открыл в себе литературный дар. Первое стихотворение юного поэта называлось «Осень» и было напечатано в 1910 году в газете «Одесский вестник». Легко сосчитать, что автору было всего тринадцать лет. «Я находился, как все молодые поэты, в состоянии вечного душевного смятения: бегал по редакциям местных газет без всякого разбора, читал свои стихи кому попало в гимназии, на переменках, спрашивал мнение товарищей, домашних, папы, тети, мучил своими произведениями младшего брата... посылал свои стихотворе-

ния бабушке в Екатеринослав, даже прослыл у знакомых гимназисток слегка сумасшедшим...» — так вспоминал он это время.

С 1915 по 1917 год Катаев на фронте. Дважды ранен, отравлен газами. «Сначала доброволец, охотник, потом совсем молоденький офицер, подпоручик... я повторил в юности начало дедушкиной, да и прадедушкиной военной карьеры...» С фронта он посылал в одесские и петроградские газеты и журналы очерки о солдатской жизни, а в перерывах между боями писал рассказы.

В гражданскую войну Катаеву тоже пришлось повоевать — в артиллерийских частях Красной Армии. А после войны он переехал в Москву и работал там в разных газетах и журналах.

Одну из самых известных и любимых читателями повестей — «Белеет парус одинокий» — Валентин Катаев написал в 1936 году. Потом к ней добавились три романа, и к 1960 году писатель завершил работу над тетралогией «Волны Черного моря».

В годы Великой Отечественной войны писатель стал военным корреспондентом. Он выезжал на передовые позиции, рассказывал читателям газет «Правда» и «Красная Звезда» о военных действиях. Героями своей повести «Сын полка» бывший артиллерист Катаев сделал тоже артиллеристов. Это прекрасная повесть о людях, которые остаются добрыми даже в самых суровых военных условиях. Уже через год после ее выхода в свет был снят кинофильм «Сын полка». Ровесники Вани Солнцева теперь уже стали дедушками, а их внуки и сегодня с увлечением читают эту книгу.

Есть у Катаева и много «взрослых» произведений: «Время, вперед!», «Маленькая железная дверь в стене», «Святой колодец», «Трава забвения», — их вы прочтете, когда станете постарше.

Листая страницы...

ПЕНЬ

В лесу стоял большой старый пень. Пришла бабушка с сумкой, поклонилась пню и пошла дальше. Пришли две маленькие девочки с кузовками, поклонились пню и пошли дальше. Пришел старик с мешочком, кряхтя, поклонился пню и побрел дальше.

Весь день приходили в лес разные люди, кланялись пню и шли дальше.

Возгордился старый пень и говорит деревьям:

— Видите, даже люди и те мне кланяются. Пришла бабушка — поклонилась, пришли де-

вочки — поклонились, пришел старик — поклонился. Ни один человек не прошел мимо меня, не поклонившись. Стало быть, я здесь в лесу у вас самый главный. И вы тоже мне кланяйтесь.

Но деревья молча стояли вокруг него во всей своей гордой и грустной осенней красоте.

Рассердился старый пень и ну кричать:

— Кланяйтесь мне! Я ваш царь!

Но тут прилетела маленькая быстрая синичка, села на молодую березу, ронявшую по одному свои золотые зубчатые листочки, и весело защебетала:

— Ишь как расшумелся на весь лес! Помолчи! Ничего ты не царь, а обыкновенный старый пень. И люди вовсе не тебе кланяются, а ищут возле тебя опенки. Да и тех не находят. Давно уже все обобрали.

В. П. Катаев

ЭРИХ КЕСТНЕР
(1899—1974)

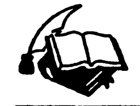
Семьдесят пять лет прожил на земле **Эрих Кестнер**. Многое пришлось пережить ему за эти годы — чего стоят только две мировые войны! Он видел костер из собственных книг, которые вместе с другими были сожжены после прихода к власти фашистов. Он видел гибель своего родного города Дрездена. Прекрасный город, где не было военных объектов, в одну ночь превратился в развалины, и Дрезден сегодня — совсем другой город...

Эрих Кестнер готовился стать школьным учителем, но тут случилась Первая мировая

война, и юношу призвали в армию. После войны он понял, что быть учителем — не его удел. Он стал писать книги для детей и взрослых. **«Эмиль и сыщики»**, *«Кнопка и Антон»* были написаны до того, как к власти пришли фашисты, и напечатаны в Германии, а *«Эмиль и три близнеца»* впервые появилась за границей. Фашисты не только сожгли книги Кестнера, но и запретили ему писать новые.

После Второй мировой войны Кестнер написал антивоенную сказку *«Конференция зверей»* и сказочную повесть про Максика — маленького человечка, умещавшегося в спичечной коробке.

Повесть **«Когда я был маленьким»** написана в 1957 году. Писатель всю жизнь хранил воспоминания о детстве, а читателям своим советовал: «Не расставайтесь с детством. Не забывайте незабываемого!»

Листая страницы...

Вот одно из воспоминаний пятидесятилетнего писателя.

...В самой школе трудностей не было. Кроме одной-единственной. Я был ужасно невнимателен. По мне дело шло слишком медленно. Я скучал. Поэтому я затевал оживленные беседы со своими соседями сбоку, спереди и сзади. Молодым людям семилетнего возраста, понятно, есть о чем друг другу порассказать. Добрейшему, в сущности, господину

Бремзеру моя болтливость чрезвычайно мешала. Его усилия сделать из тридцати маленьких дрезденцев к чему-то пригодных грамотеев в значительной мере пропадали даром, оттого что треть класса вела частные разговоры, а зачинщиком был я. В один прекрасный день у него лопнуло терпение, и он рассерженно заявил, что, если я не исправлюсь, он напишет письмо моим родителям.

Вернувшись в полдень домой, я тотчас поделился интересной новостью.

— Если это не прекратится, — доложил я, снимая ранец, еще из коридора, — он напишет письмо. У него иссякло терпение.

Матушку ужаснуло и мое сообщение и невозмутимость, с какой я его преподнес. Она старалась всячески меня усовестить. Я обещал ей исправиться. Поручиться, что сразу же и всегда буду теперь внимательным, я не мог, но твердо обещал впредь не отвлекать других учеников. Разве не честное предложение?

На следующий день матушка тайком от

меня отправилась к господину Бремзеру. Когда она ему все рассказала, он рассмеялся.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Забавный мальчонка! Всякий другой бы помалкивал, пока родители не получат письма!

— Эрих ничего от меня не скрывает! — с гордостью отвечала фрау Кестнер.

Господин Бремзер покачал головой и произнес только:

— Так-так. — А потом спросил: — Он уже решил, кем станет в будущем?

— О да, — заверила матушка. — Учителем!

Тут он кивнул и сказал:

— Что ж, он у вас смышленый.

Конечно, об этом разговоре в учительской я тогда ничего не узнал. Я сдержал свое слово. Больше не мешал на уроках и даже сам изо всех сил старался быть повнимательнее, хотя никакого твердого обязательства в этом смысле на себя не брал. Тут мне пришло в голову, что я и сейчас поступаю точно так же. Предпочитаю обещать меньше, чем обещать слишком много. И предпочитаю выполнить больше, чем обещал. Как, бывало, говорила матушка: «Всяк блажит по-своему».

Из повести Э. Кестнера
«Когда я был маленьким»
в переводе В. Курелла

ДЖОЗЕФ РЕДЬЯРД КИПЛИНГ
(1865—1936)

«Расспрашивайте про меня лишь у моих же книг», — с такой просьбой обратился к своим читателям выдающийся английский писатель

и поэт Редьярд Киплинг. После его смерти жена и дочь уничтожили весь архив писателя, и действительно не осталось от него ничего, кроме его книг.

А родился он в Индии, в городе Бомбее, в семье английского чиновника (Индия в то время была колонией Британской империи). Раннее детство Киплинг провел в этой прекрасной стране с удивительной природой, с людьми, которые так не похожи на англичан внешностью, одеждой, привычками и обычаями. Потом он учился в Англии, снова вернулся в Индию и долгое время жил там.

Киплинг писал стихи и прозу. Это ему принадлежат знаменитые слова о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда» (перевод В. Потаповой).

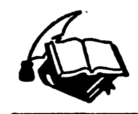
Юному читателю особенно хорошо известна «Книга джунглей» — повествование о мальчике, который вырос среди зверей, но остался человеком. Конечно, вы узнали Маугли. «Книга джунглей» много раз переводилась на русский язык, в разных странах по ней снимали мультипликационные и художественные фильмы. Знают наши юные читатели и Кошку, которая гуляла сама по себе, и любопытного Слоненка.

А вот Пэк с холмов и другие таинственные и волшебные существа, истории о которых Киплинг рассказывал своим детям, русскому читателю почти не знакомы. Эти произведения писателя в нашей стране долгое время не издавались, и прочесть их можно было только по-английски.

Однажды книгу «Пэк с холмов» прочитала девочка. Потом эта девочка выросла, стала переводить с английского самые разные

книги, но все время помнила о Пэке и его друзьях. Ей хотелось научить героев Киплинга говорить по-русски, чтобы русские читатели полюбили их так же, как когда-то полюбила она.

И вот перед нами две книги Киплинга: «Пэк с холмов» и «Награды и феи» в переводе И. Г. Гуровой — той самой девочки, когда-то очарованной увлекательными историями Редьярда Киплинга.

Листая страницы...

ЗАПОВЕДЬ

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.
Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть, и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;

Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только Воля говорит: «Иди!»
Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Р. Киплинг.
Перевод М. Лозинского

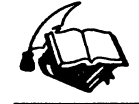
ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ (1938—1995)

Юрий Коваль печатал свои произведения исключительно в детских изданиях — чаще всего в журнале «Мурзилка». Но даже самые маленькие его рассказы, адресованные, казалось бы, только дошколятам, с удовольствием читают и взрослые.

Его собственное детство прошло в самом «литературном» месте Москвы. Он вспоминал: «В соседнем доме, между прочим, жил когда-то Гоголь, а из окна моей комнаты было видно место, где совсем недавно стоял домик Лермонтова. А если пройтись, пересечь старый парк, то как раз выйдешь в Харитоньевский переулок, к дому, в котором часто бывал Пушкин. Видимо, по этой причине в нашем доме никто не сочинял стихов, и я не решался, пока не переехал в Сокольники».

Настоящую любовь к настоящей литературе Юрию Ковалю привил его школьный учитель. Коваль окончил педагогический институт и уехал работать в глухую степную деревеньку. Учителей не хватало, и молодому педагогу пришлось стать этаким «многостаночником»: помимо «своих» предметов — русского языка и литературы, — Коваль преподавал еще историю, географию, рисование и даже пение.

Первые литературные произведения Юрия Иосифовича родились прямо на уроках. Он называл их «учебными рассказами» и сочинял для того, чтобы ребятам легче было запоминать грамматические правила. И лишь потом, когда Юрий Коваль вернулся в Москву, появились *пограничный пес Алый, Вася Куролесов, Недопесок* и многие другие герои его произведений.

Листая страницы...

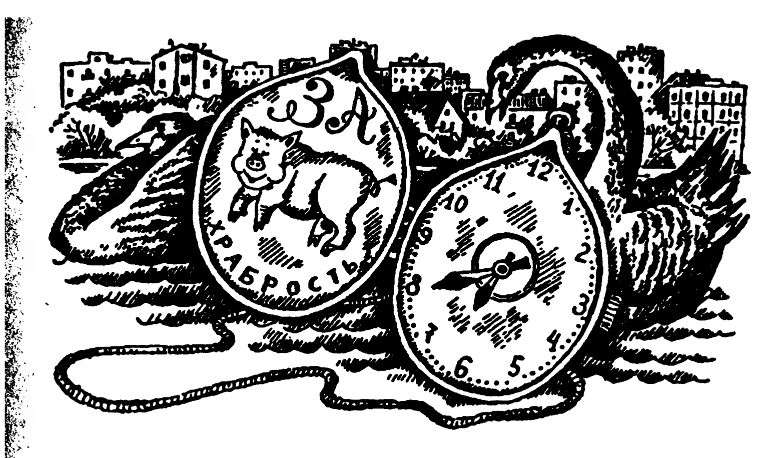
«Что мне нравится в черных лебедях, так это их красный нос.

Впрочем, к нашему рассказу это не имеет никакого отношения. Хотя в тот вечер я сидел на лавочке у Чистых прудов и смотрел как раз на черных лебедей.

Солнце укатилось за почтамт.

В кинотеатре «Колизей» грянул веселый марш и тут же сменился пулеметной очередью.

Из стеклянного кафе вышел молодой человек и, распугивая с асфальта сизарей, напра-

вился прямо к моей скамейке. Усевшись рядом, он достал из кармана часы-луковицу, больше похожие на репу, щелкнул крышкой, и в тот же миг раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

Скосив глаза, я взглянул на часы и увидел надпись, искусно вырезанную на крышке:

ЗА ХРАБРОСТЬ.

Под надписью был нацарапан маленький поросенок.

Между тем неизвестный захлопнул крышку часов и сказал себе под нос:

— Без двадцати девятнадцать.

— Сколько?

— Без двадцати девятнадцать. Или восемнадцать часов сорок минут. А что?

Передо мной сидел молодой парень, худой, широкоплечий. Нос у него был несколько великоват, глаза прищуренные, а щеки загорелые и крепкие, как грецкий орех.

— Где же вы достали такие часики? — завистливо спросил я.

— Да так, купил по случаю. В одном магазинчике.

Это была, конечно, ерунда. Часы с надписью «За храбрость» не продаются. Неизвестный просто не хотел рассказывать, за что его наградили часами. Он стеснялся.

— Что мне нравится в черных лебедях, — сказал я дружелюбно, — так это их красный нос.

Владелец часов засмеялся.

— А мне, — сказал он, — черные лебеди вообще не нравятся. Лебедь должен быть белым.

Слово за слово — мы разговорились.

— Интересно, — толковал я, — почему это у вас на часах поросенок нарисован?

— Да это так просто — шутка. Ничего интересного.

— Ну, а все-таки?

— Дело давнее. Я ведь тогда жил еще у мамы. В деревне Сычи.

— Ну и что там произошло?

— Да ничего особенного...»

Так — с конца — начинается повесть Юрия Коваля **«Приключения Васи Куролесова»**.

ИВАН ИВАНОВИЧ КОЗЛОВ (1779—1840)

В знатном дворянском роде Козловых с шестнадцатого века старшего всегда называли Иваном Ивановичем. Очередной Иван Иванович Козлов родился в 1779 году. Пятилетним

он был записан в лейб-гвардии Измайловский полк сержантом. В книге о Козлове Виктор Афанасьев пишет: «Да, ему, конечно, как и прочим сыновьям дворянским, не пришлось расставаться со своей детской, с родителями, гувернерами и игрушками и переселяться в казармы: продвижение его по воинской службе шло только в бумагах.

«Сержант» — когда его выпускали из дому — стремительно сбегал с заднего крыльца на двор, так, что во все стороны разлетались куры, гревшиеся в песке, и бросался крушить прутом крапиву, разросшуюся за колодцем. А зимой от него крепко доставалось угрюмому псу Буяну, который увертывался от снежков и беззлобно гавкал, а потом забирался в конуру, гремя промерзшей цепью...»

К шестнадцати годам Козлову вышел офицерский чин — подпоручик. Если бы юноша явился в полк и начал настоящую службу — кто знает, может быть, годам к двадцати пяти он был бы уже генералом... Но Козлов в полк не явился, стал гражданским чиновником.

Он был светским человеком, отличным танцором. Женился, воспитывал детей. Первые стихи написал по-французски (в то время французский был «главным» языком многих русских дворян, но это тема для отдельного разговора).

В 1817 году Иван Иванович Козлов тяжело заболел — отнялись ноги. А через несколько лет пришла слепота. Он писал стихи и до болезни — например, переводил с английского на французский Байрона. А теперь решился писать по-русски. В своих стихах он вспоминал о прошлом — о дружбе, о любви. Первое

русское стихотворение И.И. Козлова — «К Светлане» было напечатано друзьями поэта *анонимно* (без подписи). В предисловии говорилось: «Это первый опыт страдальца, в цветущих летах лишившегося ног, а потом зрения, но сохранившего весь жар сердца и силу воображения». А настоящий успех пришел к Козлову, когда в 1825 году была напечатана его поэма «Чернец».

Листая страницы...

... Они поехали домой. Козлов что-то шептал по дороге, задумывался и снова бормотал какие-то слова. Несколько раз чуть слышно повторил он два стиха:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он...

Уже дома он сказал Алине (дочери. — *Ред.*):

— Помнишь, мы с тобой читали «Русские мелодии» Томаса Мура? Там, у Лавры (речь идет об Александро-Невской Лавре — монастыре в Петербурге), я вспомнил одно стихотворение из этого цикла... Удивительно, непостижимо русское! Я его вспомнил, но я стал его вспоминать не по-английски, как оно есть, а по-русски... Оно ведь так и называется: «Вечерний звон»... И краткие английские слова — как удары в колокол... Есть и русские: звон... дум... дом... дней... сон...

Спустя несколько дней пришли к Козлову Дельвиг и Лев Пушкин...

И он продекламировал — напевно и медленно, с особенным ударением на краткие слова и на рифмы:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

— Вечерний звон, — повторил Дельвиг. — Как печально и хорошо! И рифмы бьют в колокола...

— Это будут петь, — сказал Лев. — Это как русская песня.

Очень быстро новое стихотворение Козлова разнеслось по Петербургу. Его действительно стали петь...

Из книги В. Афанасьева
«Жизнь и лира»

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КОЗЛОВ (р. 1939)

Этот человек знаком всем любителям мультфильмов. А поскольку мультфильмы любят все, значит, Сергей Козлов — наш общий знакомый.

Первые его книжки — «раскраски» и «раскладушки» — были напечатаны в начале семидесятых годов. Потом появились сказки, в которых действуют, как правило, постоянные, любимые герои писателя — *Ежик, Ослик, Медвежонок*. С ними вы, конечно, тоже хорошо знакоы.

Сергей Козлов пишет не только прозу, но и стихи — для детей и для взрослых. Переводит с других языков. Многие его произведения стали *мультфильмами*: «Катерок», «В порту», «Как Львенок и Черепаха пели песенку», «Ежик в тумане»...

Вспомнили нашего общего знакомого?..

А теперь почитайте сказку.

«Когда пришла пора птицам улетать на юг и уже давно увяла трава и облетели деревья, Ежик сказал Медвежонку:

— Скоро зима. Пойдем поудим напоследок для тебя рыбки. Ты ведь любишь рыбку.

И они взяли удочки и пошли к реке.

На реке было так тихо, так спокойно, что все деревья склонились к ней печальными головами, а посредине медленно плыли облака. Облака были серые, лохматые, и Медвежонку стало страшно.

«А что, если мы поймаем облако? — подумал он. — Что мы тогда с ним будем делать?»

— Ежик! — сказал Медвежонок. — Что мы будем делать, если поймаем облако?

— Не поймаем, — сказал Ежик. — Облака на сухой горох не ловятся! Вот если бы ловили на одуванчик...

— А на одуванчик можно поймать облако?

— Конечно! — сказал Ежик. — На одуванчик облака только и ловятся!

Стало смеркаться.

Они сидели на узеньком березовом мостике и смотрели в воду. Медвежонок смотрел на поплавок Ежика, а Ежик — на поплавок Медвежонка. Было тихо-тихо, и поплавки неподвижно отражались в воде...

— Почему она не клюет? — спросил Медвежонок.

— Она слушает наши разговоры, — сказал Ежик. — Рыбы к осени очень любопытны!..

— Тогда давай молчать.

И они целый час сидели молча.

Вдруг поплавок Медвежонка заплясал и глубоко нырнул.

— Клюет! — крикнул Ежик.

— Ой! — воскликнул Медвежонок. — Тянет!

— Держи, держи! — сказал Ежик.

— Что-то очень тяжелое, — шепнул Медвежонок. — В прошлом году здесь утонуло старое облако. Может, это оно?..

— Держи, держи! — повторил Ежик.

Но тут удочка Медвежонка согнулась дугой, потом со свистом распрямилась — и высоко в небо взлетела огромная красная луна.

— Луна! — в один голос выдохнули Ежик с Медвежонком.

А луна покачнулась и тихо поплыла над рекой.

И тут пропал поплавок Ежика.

— Тяни! — шепнул Медвежонок.

Ежик взмахнул удочкой — и высоко в небо, выше луны, взлетела маленькая звезда.

— Так... — прошептал Ежик, доставая две новые горошины. — Теперь бы только хватило наживки!..

И они, забыв о рыбе, целую ночь ловили звезды и забросали ими все небо...»

Из сказки С. Г. Козлова
«Как поймать облако»

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА КОНЧАЛОВСКАЯ (1903—1988)

Эта книга пишется в дни, когда наша столица Москва готовится отметить свое 850-летие. А в 1947 году, когда Москва праздновала свой восьмивековой юбилей, была написана первая часть исторической поэмы **Натальи Петровны Кончаловской «Наша древняя столица»**.

Наталья Петровна к тому времени не была новичком в литературе. Она переводила на русский язык стихи английских поэтов, писала русские тексты для зарубежных композиторов. Для детей написала «Нотную азбуку» и книжку «Сосчитай-ка!».

Так сложилась жизнь Натальи Петровны, что ее всегда окружали люди искусства. Ее отец — знаменитый художник *П. П. Кончалов-*

ский, дед — В. И. Суриков (впоследствии она написала о нем книги: «Дар бесценный» и «Суриково детство»). Замуж Наталья Кончаловская вышла за **Сергея Владимировича Михалкова** — известного поэта и писателя. А два их сына стали кинорежиссерами. Вот какая вышла **династия** художников — людей, профессионально занимающихся искусством. Династией называется семья из нескольких поколений, объединенная общим делом. И Наталья Петровна Кончаловская с переводами и собственными стихами, прозой и устными рассказами, записанными на пластинки, — в самом центре, именно она объединила все поколения этой большой творческой семьи.

А сегодня традиции династии Суриковых — Кончаловских — Михалковых продолжают уже внуки Натальи Петровны Кончаловской.

Листая страницы...

КАК В МОСКВЕ УЧИЛИСЬ

В старину учились дети,
Их учил церковный дьяк.
Приходили на рассвете
И твердили буквы так:
«А» да «Б» — как «Аз» да «Буки»,
«В» — как «Веди», «Г» — «Глаголь»,
И учитель для науки
По субботам всех порол.
Вот какой чудной вначале
Наша грамота была!

Вот каким пером писали —
Из гусиного крыла!
Этот нож не без причины
Назывался «перочинный»:
Очиняли им перо,
Если не было остро.
Трудно грамота давалась
Нашим предкам в старину,
А девицам полагалось
Не учиться ничему.
Обучались лишь мальчишки.
Дьяк с указкою в руке
Нараспев читал им книжки
На славянском языке.
Так из летописей старых
Знали дети москвичей
О литовцах, о татарах
И о родине своей.

ЧЕМ В МОСКВЕ ЛЕЧИЛИСЬ

Без больницы люди жили,
Знахари больных лечили:
От озноба — зверобоем,

От зубов — льняным настоем,
От ожогов — бузиной,
А от ран — землей родной.
Варят старые знахарки
Из лечебных трав припарки,
Сушат в печке ножки жабьи,
Приговоры знают бабьи.
Набормочут разных слов —
И, глядишь, больной здоров!
Жив-здоров и сам доволен.
Он, видать, и не был болен!

Из книги Н. П. Кончаловской
«Славен град Москва»

ЯНУШ КОРЧАК
(1878—1942)

В Первую мировую войну он был военным врачом в русской армии, а всю остальную жизнь посвятил воспитанию обездоленных детей в детских домах.

В столице Польши — Варшаве, на Крахмальной улице, он построил Дом сирот и заведовал им почти тридцать лет. Это был особенный дом — детская республика со своими законами, сеймом (правительством), газетой.

А еще он лечил детей и сочинял для них сказки.

Началась Вторая мировая война. Фашисты пришли в Варшаву, и Дом сирот перевели в гетто — место, окруженное стеной, — куда собрали всех евреев. Почему-то фашисты питали особую ненависть к людям именно этой национальности.

Старый доктор, как его любовно называли варшавяне, учитель и сказочник **Януш Корчак** был евреем (Корчак — это **псевдоним**, а настоящее имя — **Генрик Гольдшмидт**). Он пошел в гетто вместе с детьми, вместе с другими сотрудниками Дома — поляками, которые так же, как и он, не могли оставить Дом без своей заботы. И там он продолжал учить детей, лечить их и добывать для них пищу.

Один из лучших друзей старого доктора рассказывал:

— Сотни людей пытались спасти Корчака. На Белянах (район Варшавы) сняли для него комнату, приготовили документы. Он мог выйти из гетто в любую минуту, хотя бы со мной, когда я пришел к нему, имея пропуск на два лица. Корчак взглянул на меня так, что я съежился. Видно было, что он не ждал от меня такого предложения. Смысл ответа доктора был такой: «Не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних — в запломбированном вагоне и газовой камере? И можно ли это пережить?»

Доктор Корчак до последней минуты надеялся, что умрет один, а дети останутся живы. Не мог поверить, что кто-то сможет убить детей...

Детям он оставил свои сказки — многие читали о юном короле Матиуше первом. Взрослым — книги о воспитании. Одна из них называется **«Как любить детей»**. А сам Януш Корчак ушел вместе со своими детьми.

Сохранился рассказ очевидца о последних часах Дома сирот.

— Нам сообщили, что ведут школу медсестер, аптеки, детский приют Корчака. Стояла ужасная жара. Погрузка шла без перерыва, но места еще оставались. Люди двигались огромной толпой, подгоняемые нагайками. Вдруг пришел приказ вывести интернат. Нет, этого зрелища я никогда не забуду! Это не был обычный марш к вагонам, — это был организованный немой протест против бандитизма!.. Началось шествие, какого никогда еще до сих пор не было. Выстроенные четверками дети. Во главе — Корчак, с

глазами, устремленными вперед, держа двух детей за руки. Даже вспомогательная полиция встала «смирно» и отдала честь...

На Умшлагплаце к Корчаку подошел немецкий офицер и сказал:

— Вы можете остаться; мы знаем ваши сказки.

— А дети? — спросил Корчак.

— Дети поедут, — ответил эсэсовец.

Корчак молча вошел в вагон.

На следующий день он погиб вместе со своими детьми в одной из газовых камер лагеря смерти в Треблинке.

Накануне гибели детей Корчак писал: «Если бы можно было остановить солнце, то это надо было бы сделать именно сейчас».

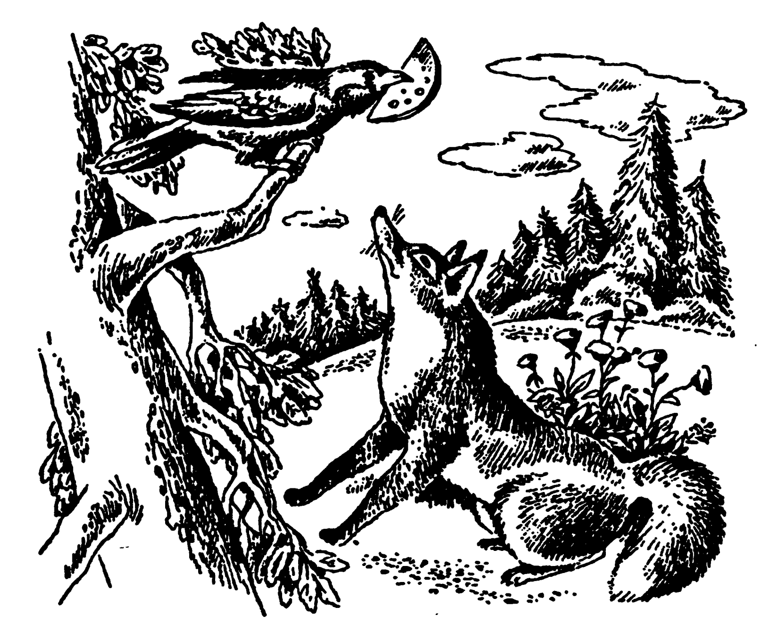
Солнце остановить нельзя...

Из книги А.Шарова
«Волшебники приходят к людям»

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ (1769—1844)

В Петербургском Летнем саду сидит, глубоко задумавшись о чем-то, бронзовый **Иван Андреевич Крылов** в окружении зверей — героев своих басен. О чем он думает? Может быть, на закате жизни вспоминает свое нелегкое детство?..

Родился будущий знаменитый писатель в семье армейского офицера, который до капитанского чина дослужился из рядовых. Десять лет было мальчику, когда отец умер. Семья, и без того небогатая, осталась без всяких средств к существованию. Крылов вынужден был

пойти работать в канцелярию Калязинского земского суда. Потом он работал в Тверском магистрате, а на досуге самостоятельно изучал французский и итальянский языки, математику и русскую литературу. «Чистой» литературой писатель никогда не занимался: приехав в Петербург, он стал сначала журналистом, а потом — библиотекарем в Публичной библиотеке, где проработал тридцать лет.

Свою литературную деятельность Иван Андреевич начинал как **драматург** — автор произведений для театра. Но прославился он своими баснями.

Что такое **басня**? Это небольшое, чаще всего стихотворное произведение. В басне обязательно должно быть *поучение*, *совет* или *насмешка* над дурным поступком. В баснях Крылова обычно действуют не люди, а звери, но

ведут они себя по-человечьи — спорят, ссорятся, мирятся...

Басни Крылова очень легко запомнить — такие они ясные и складные. А многие фразы из них стали крылатыми словами. «Ларчик просто открывался», «Кукушка хвалит петуха...», «А Васька слушает да ест», — говорим мы в подходящий момент, порой даже не думая, что слова эти впервые произнесли герои басен Крылова.

Александру Сергеевичу Пушкину, великому русскому поэту, современнику баснописца, очень нравилось крыловское «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Многие поколения детей зовут писателя «дедушкой Крыловым», любят и знают наизусть его басни.

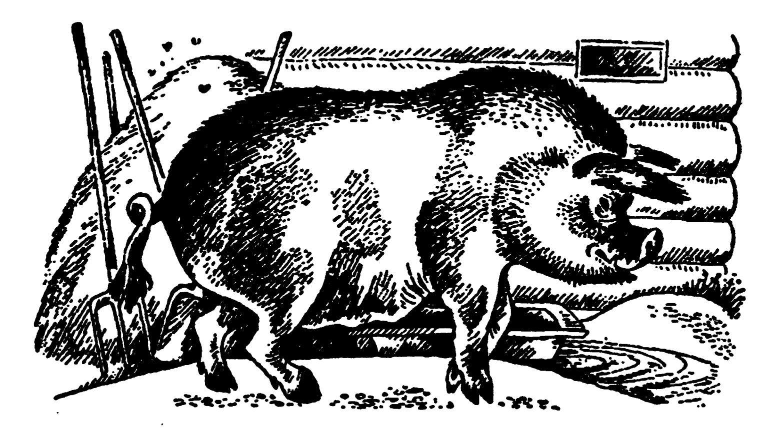
Какую из басен Ивана Андреевича Крылова вспомнили вы?

Листая страницы...

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась:
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —
Свинью спросил пастух. —

Ведь идет слух,
Что все у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме так одно богатее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не приметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

И. А. Крылов.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН (1870—1938)

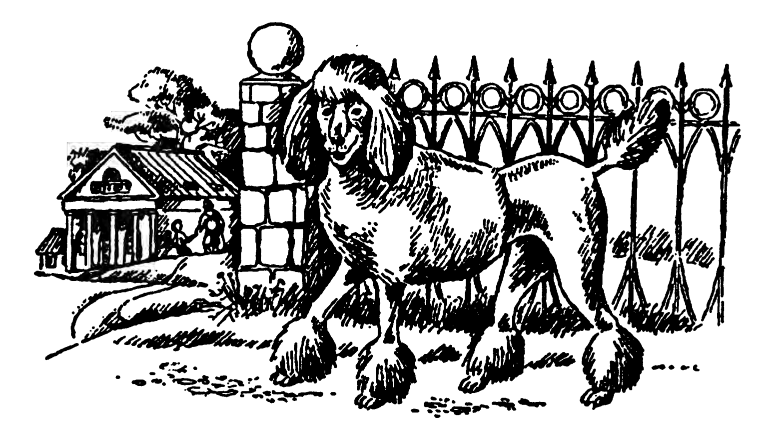
Вдовий дом, куда маленький Саша попал вместе с матерью после смерти отца; сиротское училище; кадетский корпус — вот главные «адреса детства» прекрасного русского писате-

ля Александра Куприна. За кадетским корпусом последовало юнкерское училище. В общей сложности десять лет провел он в закрытых военных учебных заведениях, а потом еще четыре года прослужил офицером. Армию он знал «изнутри» — не случайно на страницах его произведений часто появляются военные люди.

Знал Куприн, и что такое нищета. В одной из книг рассказывается, как осенью 1893 года Куприн выехал в Петербург сдавать экзамены в Академию генерального штаба. Денег у него не было, сидел на одном черном хлебе, скрывая свою свирепую нищету. «Иногда он не выдерживал соблазна и отправлялся в съестную лавочку, ютившуюся в одном из переулков старого Невского, вблизи Николаевского вокзала.

— Опять моя тетушка попросила меня купить обрезков для ее кошки, — улыбаясь, обращался к лавочнице подпоручик. — Уж вы, пожалуйста, выберите кусочки получше, чтобы тетушка на меня не ворчала». Получив пакетик, Куприн отправлялся в ближайший трактир, где, устроившись в уголке, уничтожал кошачий обед. Отзвуки этой голодной жизни в Петербурге мы найдем во многих его произведениях...

Несмотря на обилие жизненных трудностей, Куприн был человеком очень азартным, увлекающимся. Живя в Киеве, он организовал там атлетическое общество, поднимался на воздушном шаре, опускался в водолазном костюме на морское дно, летал на «Фармане» — одном из первых аэропланов. Очень любил ло-

щадей. А в сорок три года вдруг стал брать уроки «стильного плавания» у мирового рекордсмена.

Куприна нельзя назвать детским писателем, но многие его произведения понятны детям и любимы ими. Вспомните *слона*, который пришел в гости к больной девочке и помог ей выздороветь, или знаменитого белого *пуделя Арто*...

После революции Александр Иванович Куприн оказался за границей, в *эмиграции*. Он очень страдал вдали от России: «Я готов был пойти в Москву пешком, лишь бы туда вернуться». И он вернулся — последний год своей жизни Куприну посчастливилось прожить на родине.

Листая страницы...

Тем, кто читал повесть «**Белый пудель**», известна история дрессированного белого пуделя Арто, который ходил по дачам с бродячими ар-

тистами — дедушкой Лодыжкиным и мальчиком Сережей. Однажды пудель приглянулся капризному мальчику-дачнику. На «переговоры» родители мальчика послали дворника.

— Та-ак-с!.. — насмешливо протянул дедушка. — Продать, значит, собачку?

— Обыкновенно — продать. Чего вам еще? Главное, паныч у нас такой скаженный. Чего захотелось, так весь дом перебулгачит. Подавай — и все тут. Это еще без отца, а при отце... святители вы наши!.. все вверх ногами ходят. Барин у нас инженер, может быть, слышали, господин Обольянинов? По всей России железные дороги строят. Мельонер! А мальчишка-то у нас один. И озорует. Хочу поню живую — на тебе поню. Хочу лодку — на тебе всамделишную лодку. Как есть ни в чем, ни в чем отказу...

— А луну?

— То есть в каких это смыслах?

— Говорю, луну он ни разу с неба не захотел?

— Ну вот... тоже скажешь — луну! — сконфузился дворник. — Так как же, мил человек, лады у нас, что ли?

Дедушка, который успел уже в это время напялить на себя коричневый, позеленевший на швах пиджак, гордо выпрямился, насколько ему позволяла вечно согнутая спина.

— Я тебе одно скажу, парень, — начал он не без торжественности. — Примерно, ежели бы у тебя был брат или, скажем, друг, который, значит, с самого сыздетства. Постой, друже, ты собаке колбасу даром не стравляй...

сам лучше скушай... этим, брат, ее не покупишь. Говорю, ежели бы у тебя был самый что ни на есть верный друг... который сыздетства... То за сколько бы ты его примерно продал?

— Приравнял тоже!..

— Вот те и приравнял. Ты так и скажи своему барину, который железную дорогу строит, — возвысил голос дедушка. — Так и скажи: не все, мол, продается, что покупается. Да! Ты собаку-то лучше не гладь, это ни к чему. Арто, иди сюда, собачий сын, я т-тебе! Сергей, собирайся.

— Дурак ты старый, — не вытерпел наконец дворник.

— Дурак, да отроду так, а ты хам, Иуда, продажная душа, — выругался Лодыжкин. — Увидишь свою генеральшу, кланяйся ей, скажи: от наших, мол, с любовью вашим низкий поклон. Свертывай ковер, Сергей! Э-эх, спина моя, спинушка! Пойдем.

— Значит, та-ак!.. — многозначительно протянул дворник.

— С тем и возьмите! — задорно ответил старик.

Артисты поплелись вдоль морского берега, опять вверх, по той же дороге. Оглянувшись случайно назад, Сергей увидел, что дворник следит за ними. Вид у него был задумчивый и угрюмый. Он сосредоточенно чесал всей пятерней под съехавшей на глаза шапкой свой лохматый рыжий затылок...

Из повести А. И. Куприна
«Белый пудель»

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ
(1832—1898)

При рождении ему дали два имени: первое — в честь отца, второе — в честь матери. Когда юный **Чарлз Лютвидж Доджсон** стал публиковать свои юмористические стихи, ему понадобился **псевдоним**. Сначала он перевел свои два имени на латынь — получилось *Каролюс Людовикус*. Потом поменял их местами и снова перевел на английский — получилось **Льюис Кэрролл.**

Учился он в *Оксфорде* — одном из старейших английских университетов. Там же стал преподавать математику.

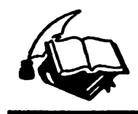
Многие считали доктора Доджсона чудаком. Он сторонился взрослых и дружил с детьми, водил их в театры, развлекал забавными рассказами. На досуге он написал сказочную повесть **«Алиса в стране чудес»**, главной героиней которой стала его знакомая девочка Алиса Лидделл. А другая Алиса — Рейкс — натолкнула его на мысль об **«Алисе в Зазеркалье»**.

В те годы, отправляясь на континент, англичане путешествовали по Италии, Франции, Швейцарии, Греции. А Доджсон отправился в Россию. Он посетил Петербург, Москву, Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой. Даже пробовал учить русский язык. После путешествия в Россию вышла его книга «Русский дневник».

Он очень любил театр, увлекался фотографией (которая в его время только-только появилась), а еще — изобретал. Например, шах-

маты для путешественников, приспособление для письма в темноте, всевозможные игры. Как математик он изобрел способы проверки делимости чисел на 17 и 19. Когда наши читатели станут чуть старше, они познакомятся с числом, которое обозначают греческой буквой π(пи). Это число выражается бесконечной дробью и равно примерно 3,14. А Доджсон изобрел прием запоминания ряда цифр, благодаря которому он мог записать число π до семьдесят первого знака после запятой.

Вот таким интересным человеком был доктор математики Доджсон — он же писатель Льюис Кэрролл.

Листая страницы...

— Сказку! — кричали девочки. — Мистер Доджсон, расскажите нам сказку!

Доктор Доджсон уже привык к этим просьбам. Стоило ему увидеться с девочками Лидделл, как они тотчас требовали от него сказку — и обязательно собственного сочинения. Вот и сейчас пришлось ему начать тут же, под мерные удары весел.

Солнце пекло все сильнее. Наши путешественники остановились и, вынув корзинку с завтраком, устроились в тени большого стога сена. День уже начал клониться к вечеру, а доктор Доджсон все рассказывал. Время от времени он останавливался и говорил:

— На сегодня хватит, остальное — после!

— *После* уже настало! — кричали девочки в один голос.

Все нравилось им в этой новой сказке, но, пожалуй, больше всего то, что в сказке говорилось о них. Героиней была средняя из сестер — любимица доктора Доджсона — десятилетняя Алиса. Был в сказке и Попугайчик Лори, который все время твердил: «Я старше и лучше знаю, что к чему!» Это, конечно, Лорина, старшая из сестер Лидделл. Она очень гордилась тем, что ей уже 13 лет. Орленок Эд — это восьмилетняя Эдит, а Робин Дакворт еще в студенческие годы получил прозвище Гусь. Дина — это кошка Лидделлов, а Птица Додо — это, конечно, сам доктор Доджсон. Волнуясь, он сильно заикался. «До-До-Доджсон», — представлялся он новым знакомым.

Было в сказке и много других намеков, понятных лишь девочкам Лидделл. Две недели назад, также отправившись по реке с доктором Доджсоном, они попали в сильный ливень. Пришлось им бросить лодку и искать убежища в ближайшей деревне. Алиса всю дорогу проплакала, и доктор Доджсон сказал, что это она своими слезами промочила их всех насквозь. Вот откуда в сказке море слез, в котором плавает вся компания. А Безумное Чаепитие происходило в домике с башенками каждый раз, когда девочки бывали у доктора Доджсона в гостях. Безумное Чаепитие происходило обычно в шесть часов — вот почему в сказке часы у Шляпных Дел Мастера остановились на шести. Как правило, девочек сопровождала мисс Прикетт, но порой, если она была занята, их приводила старая нянька, которая то и дело засыпала, как Мышь Соня. А Элси, Лэси и Тилли, тоже появляющиеся в этой главе, — зашифрованные прозвища трех сестричек Лидделл.

Был уже поздний вечер, когда доктор Доджсон и его друзья вернулись в Оксфорд. Прощаясь, Алиса воскликнула:

— Ах, мистер Доджсон, как бы мне хотелось, чтобы вы записали для меня приключения Алисы!

Доктор Доджсон обещал. Своим округлым почерком он записал сказку в небольшую тетрадь, украсил ее собственными рисунками, а на последней странице приклеил сделанную им самим фотографию Алисы. Он преподнес ей эту книжку в декабре, написав на ней: «Рож-

дественский подарок милой девочке — в память о летней прогулке».

4 июля 1865 года, ровно через три года после пикника, Доджсон подарил Алисе первый авторский экземпляр своей книжки.

Из послесловия Н. М. Демуровой
к ее переводу книги Л. Кэрролла

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ
(1858—1940)

«Уже с семи лет я мечтала стать писательницей», — рассказывала **Сельма Лагерлёф.** А родилась она в семье отставного военного и учительницы в Морбакке — старинной родовой усадьбе, где «всегда водилось все что угодно, кроме денег». Но отсутствие денег не мешало наслаждаться жизнью: «Я вспоминаю, что бабушка с утра до вечера сидела с нами и без конца рассказывала, а мы, дети, тихонько жались друг к другу и слушали. Вот была чудесная жизнь! Нет детей, которым бы жилось так, как нам». И бабушка, и тетушка маленькой Сельмы были великолепными сказочницами.

Время шло. Сельма Лагерлёф, дочь учительницы, сама стала учить девочек в школе маленького городка на юге Швеции. Вероятно, учительницей она была хорошей, раз ей предложили написать учебник географии родной страны для шведских ребят.

Лагерлёф приняла предложение. Но, поскольку к тому времени она была не только учительницей, но и писательницей, решила писать совершенно особенный учебник — в виде сказки.

«Хотя книга для чтения, предназначенная для девятилеток, вовсе не должна быть книгой ученой, но и ошибок в ней быть не должно». А потому Сельма Лагерлёф объехала многие области Швеции, специально изучала географию, ботанику, зоологию, геологию, историю.

Материалы для книги были собраны, но никак не удавалось объединить их общим сказочным сюжетом. И тут Лагерлёф вспомнила давнюю историю, случившуюся в имении Морбакка: туда залетела стая диких гусей и сманила за собой на север домашнего гусака. Осенью он вернулся — с гусыней и девятью гусятами. Осталось только придумать маленького человечка *Нильса Хольгерссона*...

Так был создан двухтомный поэтический и сказочный путеводитель по Швеции начала XX века: **«Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»** — учебник географии, превратившийся в удивительную сказку для детворы Швеции и других стран.

Листая страницы...

«ВСТРЕЧА» С НИЛЬСОМ ХОЛЬГЕРССОНОМ

Нильс Хольгерссон, маленький «гусенавт», как называют его в современной Швеции, — стал неотъемлемой принадлежностью, почти эмблемой своей страны. И хотя проехать по маршруту Нильса Хольгерссона не удалось, пути наши с ним скрестились трижды. Первый раз на родине Нильса, в южной провинции

Швеции — Сконе, откуда начался его удивительный полет. Он пролетал над этими зелеными лугами, видел эти плодородные пашни. Во второй раз — в соседнем Смоланде с его скалистым рельефом. И наконец в Стокгольме, куда знаменитая писательница более полувека назад привела своего героя. В городе Скансене, — музее деревянного зодчества, музее под открытым небом, — все осталось почти таким же, каким было при Нильсе Хольгерссоне. И чудилось, что вот сейчас в одной из клеток мы увидим коварного и злого лиса Смирре. Талантливое перо Сельмы Лагерлёф настолько реалистично нарисовало Скансен, что старинные дворянские усадьбы, крестьянские дома, кузницы и ветряные мельницы показались уже давно виденными и хорошо знакомыми. Впро-

чем, такой же старинной знакомой казалась утопающая в зелени цветущая область Сконе, «клетчатая скатерть», как назвала ее писательница. И дымчато-сероватый Смоланд. Тут же захотелось вернуться к замечательной книге «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», перечитать ее заново, взглянуть на нее глазами взрослого, понять секрет ее неувядаемого успеха и триумфального «полета» во времени, в пространстве....

Прошло более полувека с тех пор, как начался триумфальный «полет» Нильса в небе и по книжным прилавкам Швеции и всего мира. Но по-прежнему путешествие мальчика с дикими гусями дарит радость всем, кто узнает о нем.

И потому полет Нильса продолжается.

Из книги Л. Ю. Брауде
«Судьба книги
Сельмы Лагерлёф»

ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ ЛАГИН (1903—1979)

Вот как рассказывает об этом писателе его дочь: «...Отец любил сказки. Всю жизнь, когда у него появлялась, наконец, возможность завести для них отдельный книжный шкаф... он собирал книги сказок — фольклорных и авторских — со всего света. Он читал их страстно, упоенно, как ребенок, рассказывал друзьям и мне о только что узнанных им новых чудесах, и, откровенно говоря, это увлечение подчас мешало и его собственной работе... Пишущая машинка на столе, в нее вправлен лист

бумаги, а рядом, скажем, «Индонезийские сказки». И не успеваешь оглянуться, как смолкает стук машинки и наступает подозрительная тишина. Думает? Строит на черновике фразу? Заглядываю к нему в кабинет: конечно, не работает. С виноватой улыбкой поднимает глаза на меня — опять-таки как мальчишка, пойманный за шалостью. Читает. «Нет, ты только послушай, какая прелесть!..» — начинает было он говорить мне, но я, наученная мамой, которая еще до войны запирала его на ключ, чтобы он работал, и оставляла ему при этом килограмм конфет, потому что он обожал сладкое, — я сурово, с трудом сдерживая смех, говорю: «Папа, совесть надо иметь. Успеешь со своими сказками. Давай-ка за дело!..»

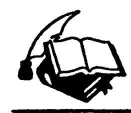
После гражданской войны **Лазарь Лагин** перепробовал множество профессий. Он окончил Институт народного хозяйства, защитил диссертацию, читал лекции студентам, писал научные труды, а потом вдруг решил стать журналистом. В газете «Правда» он много писал на хозяйственные темы, а затем перешел в журнал «Крокодил» и стал писать **фельетоны**.

Первая книжка Лагина вышла в 1934 году. Это был сатирический сборник, называвшийся «153 самоубийцы». В 1938 году появился **«Старик Хоттабыч»**, а за ним — другие, к сожалению, только «взрослые» книги. Дочь писателя вспоминает, что «за всю свою жизнь он ни разу не видел своих книг на прилавках книжных магазинов: они «разлетались» мгновенно».

Кроме сказок, Лазарь Иосифович любил читать детективы и фантастику, любил кино,

музыку, живопись, интересовался естествознанием и физикой. Всегда радовался успехам других авторов, был добрым и отзывчивым человеком.

А самого его «за глаза» частенько называли Хоттабычем.

Листая страницы...

Пионер Волька Костыльков нашел старинный сосуд, принес его домой и решил проверить, что внутри...

... В то же мгновение вся комната наполнилась едким черным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за тот самый крюк, на котором предполагалось повесить бабушкину люстру.

Пока Волька, раскачиваясь на крюке, пытался разобраться в том, что произошло, дым понемножку рассеялся, и Волька вдруг обнаружил, что в комнате, кроме него, находится еще одно живое существо. Это был тощий и смуглый старик с бородой по пояс, в роскошной чалме, тонком белом шерстяном кафтане, обильно расшитом золотом и серебром, в белоснежных шелковых шароварах и нежно-розовых сафьяновых туфлях с высоко загнутыми носками.

— Апчхи! — оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц: — Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

— Вы... вы... вы из домоуправления? — выпалил Волька, озадаченно вытаращив на него глаза.

— О нет, мой юный повелитель, — ответил старик, оставаясь в том же положении и немилосердно чихая. — Я не из домоуправления. Я вот из этого сосуда. — Тут он указал на загадочный сосуд, из которого еще вился тоненький дымок. — Знай же, о благословеннейший из прекрасных, что я могучий и прославленный во всех странах света джинн Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович. И случилась со мной — апчхи! — удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, ослушался Су-

леймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — я и брат мой Омар Юсуф Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и тот доставил нас насильно. И Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими! — приказал принести два сосуда, один медный, а другой глиняный, и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, — в медном. Он запечатал оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имен аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня — в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, — апчхи, апчхи! — извлек меня. Да продлятся дни твои, о... Прости меня, я был бы несказанно счастлив узнать твое имя, прелестнейший отрок.

— Меня зовут Волька, — ответил наш герой, продолжая медленно раскачиваться под потолком.

— А имя счастливого отца твоего, да будет он благословен во веки веков? Как твоя почтенная матушка зовет твоего благородного батюшку — мир с ними обоими?

— Она зовет его Алеша, то есть Алексей...

— Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алеша, что я буду впредь выполнять все, что ты мне прикажешь, ибо ты спас меня из страшного заточения. Апчхи!..

Из книги Л. Лагина
«Старик Хоттабыч»

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814—1841)

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомненью сердце предал
И, пе́рзрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный,
И в нем терялся мыслию послушной...

Это строки из поэмы **Михаила Юрьевича Лермонтова «Сашка»**. Их с полным правом можно отнести и к жизни самого поэта.

Родился великий русский поэт, прозаик и драматург в Москве, но раннее детство провел в имении своей бабушки в *Тарханах* (Пензенская губерния). Бабушка заменила ему мать, рано умершую от чахотки. Сам Михаил Лермонтов рос ребенком слабым и болезненным. Он рано начал говорить, а вот ходить стал только к четырем годам.

Учился Лермонтов в благородном пансионе при Московском университете, затем поступил и в университет. Из-за конфликта с преподавателем университет пришлось оставить, и юный поэт круто изменил свою жизнь: стал военным. Впоследствии он понял, что это было ошибкой: его творческой натуре стало тесно в армейских рамках, но отставки он так и не дождался...

1837 год. Смерть **Пушкина**. Лермонтов — в Царском Селе, в лейб-гвардии гусарском полку. Именно оттуда по всей стране разлетелось его стихотворение **«Смерть поэта»**. В сти-

хах этих было столько вольнодумства, что Лермонтова арестовали, а затем выслали на Кавказ, где шли военные действия против горцев.

В первый раз бабушке с помощью приближенного ко двору поэта **В. А. Жуковского** удалось вызволить его из-под пуль и перевести в другой полк, который стоял в Новгороде.

Но в феврале 1839 года у Лермонтова случилась дуэль с сыном французского посла. Никто не пострадал, но поэта снова арестовали, предали военному суду и снова отправили на Кавказ.

«Он был отчаянно храбр, удивляя своей удалью даже старых кавказских джигитов», — вспоминал один из сослуживцев Лермонтова. Дважды представляли его к награде за отвагу, но царь Николай I отклонял ходатайства командования — не мог простить поэту стихов на гибель Пушкина.

15 июля 1841 года, в Пятигорске, у подножия горы Машук, после ссоры с бывшим однокашником по военной школе Н. С. Мартыновым, Михаил Юрьевич Лермонтов был смертельно ранен на дуэли.

«Я мало жил...» — говорит поэт устами своего героя. Поэту было всего двадцать семь лет!

С ранней юности он писал стихи и прозу, повести, романы, пьесы. Сохранились его картины и рисунки. В каком бы жанре Лермонтов ни выступал, что бы ни делал, на все ложилась печать его гения... Он много создал — а сколько еще мог создать!..

Юрий Петрович Лермонтов (отец поэта. — *Ред.*) принадлежал к старинному, но обедневшему мелкопоместному роду. Он любил рассказывать о том, что его предки происходили от испанского герцога Лермы, который во время борьбы с маврами (XI—XIV вв.) вынужден был бежать из Испании в Шотландию. Действительно, в древних шотландских хрониках (летописях. — *Ред.*) упоминается некто *Лермонт*, бывший участником событий, воссозданных Шекспиром в трагедии «Макбет»... В начале XVII века, во время смут в Шотландии, один из Лермонтов, Георг, покинул родину. Сначала он отправился в Польшу, а затем, в 1613 году, после взятия русскими крепости Белой, перешел в числе шестидесяти шотландцев и ирландцев служить московскому царю. Вскоре Георг Лермонт как служилый человек,

«верстанный поместьями и денежными окладами», получил девять деревень с пустошами в Галицком уезде. От него и пошла русская ветвь Лермонтовых.

Можно представить, с каким интересом юный Лермонтов читал трагедию Шиллера «Дон Карлос», в которой среди действующих лиц он встретил имя графа Лермы, а также балладу Вальтера Скотта «Фома Рифмач» — о легендарном шотландском барде XIII века Фоме Лермонте (*бардами* называли бродячих поэтов. — *Ред.*).

Из книги В. А. Мануйлова «М. Ю. Лермонтов»

ЛЕТОПИСИ

Исторические произведения, в которых повествование ведется по годам, называются **летописями**. Рассказ о каждом годе начинается словами *«в лето...»* (то есть «в таком-то году») — отсюда и название. Древнерусские летописи обычно начинались изложением русской истории с глубокой древности, а заканчивались описанием современных **летописцу** (составителю летописи) событий.

Начиная новую летопись, автор включал в нее материалы из предыдущих, и среди них — наиболее известные литературные произведения. Именно в составе летописей дошли до нас «Поучение Владимира Мономаха», «Сказание о Мамаевом побоище», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

В начале XII века в Киеве была создана ле-

топись, не знавшая себе равных в Европе того времени по мастерству повествования. Называется она «Повесть временных лет». «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Кыеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть».

Летопись рассказывает о расселении славянских племен, о принятии Русью христианства, рисует образы первых русских князей, повествует о борьбе Руси с кочевниками. Вошли в нее и жития первых русских святых, рассказы о чудесах и всевозможных небесных *знамениях* (знаках, предшествующих какимлибо событиям).

В летописи часто используются *прямая речь*, пословицы, поговорки. Язык «Повести временных лет» очень близок к живому русскому языку XI — XII веков.

Известный исследователь древнерусской литературы И. П. Еремин писал: «Повесть временных лет»... — книга о прошлом Русской земли, но каждой строкой своей повернутая в сторону действительности, современной лето-

писцу; книга, проникнутая духом большой тревоги и беспокойства за будущее Русской земли».

Изучая отечественную историю, вы обязательно встретитесь с этим замечательным памятником древнерусской литературы — «Повестью временных лет».

АСТРИД ЛИНДГРЕН
(р. 1907)

«Вначале было слово. А потом додумались,что из слов можно составлять сказки и истории. А потом — что сказки и истории можно печатать в книжках», — так считает шведская писательница **Астрид Линдгрен.**

В Сконе, краю озер и скал на юге Швеции, родился мальчик Нильс — герой сказки **Сельмы Лагерлёф** «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». А через столетие в соседнем Смоланде родилась крестьянская дочь Астрид.

Взрослые трудились на земле — каждый год, прежде чем сеять, с полей нужно было собрать «урожай» камней, принесенных когда-то ледником. А дети долгими северными вечерами рассказывали друг другу всевозможные сказки и истории — прочитанные, услышанные, а иногда и самостоятельно сочиненные. Самые занимательные истории рассказывала Астрид. Друзья прозвали ее «Наша Сельма Лагерлёф».

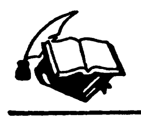
Время шло. Астрид вышла замуж, вела домашнее хозяйство, у нее родились дети. Од-

нажды дочка тяжело заболела, и мама, вспомнив свое детское прозвище, сочинила для нее историю девочки по имени Пеппи. А в 1945 году из устных рассказов для дочки собралась целая книжка **«Пеппи Длинный Чулок»**.

Потом появились знаменитый сыщик *Калле Блюмквист, Карлсон, который живет на крыше, Расмус-бродяга, Эмиль из Леннеберги, Рони — дочь разбойника*. Более тридцати книг вышло из-под пера ныне всемирно знаменитой писательницы Астрид Линдгрен.

«Все наши переживания и игры отразились в моих книгах», — говорит писательница. Но тот, кто читал ее книги, знает, что они отражают детство каким-то особенным, сказочным образом.

Есть у писателей-сказочников высшее отличие — *премия имени* **Г. Х. Андерсена**. Астрид Линдгрен удостоилась этой награды по решению авторитетного международного жюри. А земляки — читатели и почитатели — называют ее просто: «Андерсен наших дней».

Листая страницы...

Вот какую школу сочинила для себя героиня одной из книг Астрид Линдгрен:

«Помню, я в Аргентине ходила в школу, вот это была школа! — сказала Пеппи и поглядела на ребят. — Эх, вам бы туда попасть! После рождественских каникул там через три дня начинаются пасхальные. А когда кончаются пас-

хальные, то еще через три дня начинаются летние. Кончаются летние каникулы первого ноября, и тут-то, правда, ребятам приходится здорово поработать, потому что рождественские каникулы начинаются только одиннадцатого. Но в конце концов с этим можно смириться, потому что в Аргентине не задают уроков. Правда, иногда случается, что какой-нибудь аргентинский мальчик залезает в шкаф, чтобы его никто не видел, и тайком немножко поучит уроки. Но ему здорово влетает от мамы, если она это замечает. Арифметику там вообще не проходят, и если какой-нибудь мальчишка случайно знает, сколько будет пять и семь, да еще сдуру проговорится об этом учи-

тельнице, то она поставит его на весь день в угол. Чтением там занимаются только в свободные дни, и то, если найдутся книги для чтения, но книг там нет ни у кого...

— Что же они тогда делают в школе? — с изумлением спросил маленький мальчик.

— Едят конфеты, — ответила Пеппи. — Вблизи школы находится конфетная фабрика. Так вот, от нее прямо в класс провели специальную трубу, и поэтому у детей нет ни минуты свободного времени — только успевай жевать.

— А что же делает учительница? — спросила маленькая девочка.

— Глупышка! — сказала Пеппи. — Неужели сама не догадалась: учительница подбирает конфетные бумажки и делает фантики. Уж не думаешь ли ты, что там фантиками занимаются сами ребята? Нет уж, дудки! Ребята там даже сами в школу не ходят, а посылают младших братишек и сестренок... Ну, привет! — радостно крикнула Пеппи и помахала своей большой шляпой. — А вам, беднягам, самим придется сосчитать, сколько яблок было у Акселя. Меня вы здесь не скоро увидите...

Пеппи с шумом выехала за ворота, а Лошадь скакала так быстро, что камни летели у нее из-под копыт, а оконные стекла дребезжали...»

Из книги А. Линдгрен
«Пеппи Длинный Чулок»

АЛЬБЕРТ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛИХАНОВ
(р. 1935)

«Люди не выбирают родителей, люди не выбирают детства... Наше детство пришлось на войну, и нас прозвали детьми войны», — написал **Альберт Лиханов** в предисловии к одной из своих книг.

Мальчишки во все времена одинаковы. Когда бабушка впервые привела своего внука-первоклассника в библиотеку, шла Великая Отечественная война. Отец мальчика был на фронте, мать работала в госпитале. На вопрос библиотекаря, про что бы он хотел почитать, малыш ответил, как, пожалуй, ответил бы и сегодня любой мальчишка его возраста: «Про войну». Библиотекарь, грустно улыбнувшись, дала ему толстую, довольно потрепанную книжку **Бориса Житкова «Что я видел»**.

А дальше было так: «В толстой книге были большие буквы, и каждый день, сделав уроки и погуляв, по бабушкиному указанию, на улице, я читал эту книгу. По утрам, и вечерам, и днем мы слушали тогда из черной тарелки динамика сводки Совинформбюро, и хотя географию в первых классах начальной школы еще не проходили, я хорошо, как и все мои сверстники, знал, что война идет у Волги... Я просил про войну у старой библиотекарши, а мне дали книжку про мир, и я, смутно помнивший, что мир — это мороженое, сладкое, холодное и вкусное, которого теперь, в войну, днем с огнем не сыщешь, — я читал про этот мир, и мне очень, очень, очень нравилась та жизнь, про которую писал Борис Житков...

Первая книжка и та седая старушка, которая была моим первым библиотекарем, оказались счастливыми для меня», — вспоминает писатель. Так в его жизнь вошла Книга.

В Вятку, где жил Альберт Лиханов (тогда она называлась Кировом), во время войны было эвакуировано издательство «Детгиз», и оно работало — выпускало новые книги для ребят. Альберт помогал в библиотеке обрабатывать вновь поступающие книги, а в награду за это становился их первым читателем:

«Новая книжка! В те военные и первые послевоенные годы новая книжка была редкостью, праздником, — кстати, взяв новую книжку, дома надо было обернуть ее газетой, а на газете написать название, — и я начитал в те юные свои годы такое множество книг, такой набрал багаж, что он до сих пор мне помогает».

Не ленитесь и вы, дорогие читатели, набирайте багаж — тем более что этот багаж, как говорит русская пословица, «не за плечами носить».

«В комнате бабушки по отцу, Елены Степановны, в том самом старом деревянном доме, где родился будущий писатель, висел старинный портрет в золоченой раме. Альберт видел его с малых лет, и картина эта, изображавшая женщину в романтическом одеянии, всегда была манящей, волнующей загадкой. Бабушка говорила, что это портрет прабабки мальчика, что писана она художником-итальянцем по фамилии Андриолли, что писан портрет в Вятке, куда художника сослали за участие в июльском восстании 1863 года.

Елена Степановна, случалось, разыгрывала близких, и внук улыбался, не особенно доверяя ей. А женщина на портрете все оставалась загадкой, которую не терпелось разгадать. В старших классах Альберт добрался до энциклопедии Брокгауза и Ефрона в Публичной библиотеке имени Герцена — в ту пору к столь редкому изданию младшеклассникам прикасаться не дозволялось, — вспомнил таинственную фамилию Андриолли и нашел полное подтверждение бабушкиных слов.

Это был первотолчок. Все пять университетских лет — Альберт поступил на отделение журналистики Уральского университета, где, кстати, в ту пору хранилась библиотека из пушкинского Лицея, — то охладевая к затеянному, то вновь загораясь, собирал он скудные

сведения о польском художнике с итальянской фамилией.

Оказалось, Андриолли был классиком польской графики XIX века, иллюстратором «Пана Тадеуша» и других произведений Адама Мицкевича, великолепных изданий Шекспира и Купера, Тургенева и Ожешко. После разгрома восстания 1863 года он скрывался от преследования, а потом бежал в Париж на парусном судне, спрятавшись от таможни в ящике из-под сухарей. В Париже Андриолли иллюстрировал Гюго, работал в газете, решил вернуться в Польшу для продолжения повстанческой работы, был схвачен, приговорен к расстрелу, который заменили пожизненной каторгой, а затем ссылкой в Вятку — благодаря заступничеству друзей-художников. В Вятке он стал первым учителем Аполлинария Васнецова, устроил лотерею его ученических работ, на выручку от которой юный художник поехал учиться...

Будущий писатель делал, таким образом, маленькие, но важные открытия. Нашел, к примеру, работы, которые Аполлинарий выполнял под руководством поляка. И еще — мечтал о книге. О своей первой книге...»

Из книги И.Мотяшова
«Альберт Лиханов. Очерк творчества»

Нам остается только добавить, что первой книгой Альберта Анатольевича Лиханова стала историческая повесть «Да будет солнце» — о польском художнике с итальянской фамилией Андриолли.

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ
(1821—1897)

В семье академика живописи Н. А. Майкова было три сына. Один стал литературным критиком и публицистом, второй — историком литературы, библиографом и этнографом. А о третьем — наш рассказ.

Аполлон Николаевич Ма́йков окончил юридический факультет Петербургского университета, работал помощником библиотекаря при Румянцевском музее (сейчас это один из фондов Российской Госуда́рственной библиотеки), потом служил в Комитете иностранной цензуры (так называлась организация, следившая за тем, что печатают в книгах, газетах, журналах).

А еще Аполлон Майков всю жизнь писал стихи. Первые его творения были опубликованы в семейных рукописных сборниках «Подснежник» и «Лунные ночи», а первая настоящая книга стихов вышла из печати, когда автору было двадцать два года.

Майков был влюблен в историю. Он не раз бывал за границей — в основном в Италии и Греции, так как особенно интересовался **античной историей** (античным называют все имеющее отношение к Древней Греции и Древнему Риму). Критик В. Г. Белинский сказал о Майкове: «Он смотрел на жизнь глазами античного грека».

Но русская история тоже интересовала поэта. Ему принадлежит один из лучших переводов великой древнерусской поэмы **«Слово о полку Игореве»**. Есть старинное латинское изречение: «Времена меняются, и мы меняемся

вместе с ними». Вот и мы изменились: замечательное произведение древнерусской литературы современному русскому читателю без перевода не понять...

Листая страницы...

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет

Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет..
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

А. Майков

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН-СИБИРЯК (1852—1912)

Родился он в далеком Зауралье — выписанная для него из Петербурга книга **К. Д. Ушинского «Детский мир»** шла к своему юному читателю почти три месяца.

Дмитрий Мамин учился в духовных учебных заведениях, но стать священником не захотел. Поступил на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии, ушел на юридический факультет университета. Образование так и не закончил: не было денег. А писательский талант был — и под **псевдонимом Д. Сибиряк** в журналах стали появляться

первые произведения Дмитрия Наркисовича — и для взрослых, и для детей.

Счастье писать для детей было омрачено личным горем писателя: его жена умерла во время родов. Крошечной девочке Аленушке суждено было стать «отецкой дочерью» — так ее называл сам Мамин-Сибиряк.

Жил писатель с дочкой в Царском Селе, под Петербургом. Девочка часто и тяжело болела, порой не могла заснуть — и отец рассказывал ей удивительные сказки про *храброго Зайца, мохнатого Мишу, Воронушку — черную головушку, хитрого Кота*. Оживали в сказках игрушки, разговаривали цветы...

Пятый год шел девочке, когда вышла в свет книжка **«Аленушкины сказки»**. Дмитрий Наркисович писал матери: «Это моя любимая книжка — ее писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное». Это письмо было написано в конце 1896 года.

Сто лет прошло — а писателя помнят, читают его книги, и не только «Аленушкины сказки». А в Царском Селе, где в одно время с Маминым-Сибиряком жили многие русские писатели, его именем названа библиотека, читателям которой довелось быть и автору этих строк.

Листая страницы...

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную ка-

стрюльку с овсяной кашей, так и начнется. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

— Я — Молочко...

— А я — овсяная Кашка...

Сначала разговор идет тихонько, шепотом, а потом Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

— Я — Молочко!

— А я — овсяная Кашка!

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

— А я все-таки овсяная Кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль — какая-то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, подималось пеной и старалось вылезти из

своего горшочка. Чуть кухарка недосмотрит, глядит — Молочко и полилось на горячую плиту.

— Ах, уж это мне Молочко! — жаловалась каждый раз кухарка. — Чуть-чуть не досмотришь — оно и убежит.

— Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер! — оправдывалось Молочко. — Я и само не радо, когда сержусь. А тут еще Кашка постоянно хвастается: я — Кашка, я — Кашка, я — Кашка... Сидит у себя в кастрюльке и ворчит; ну, я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убегала из кастрюльки, несмотря на свою крышку, — так и поползет на плиту, а сама все повторяет:

— А я — Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

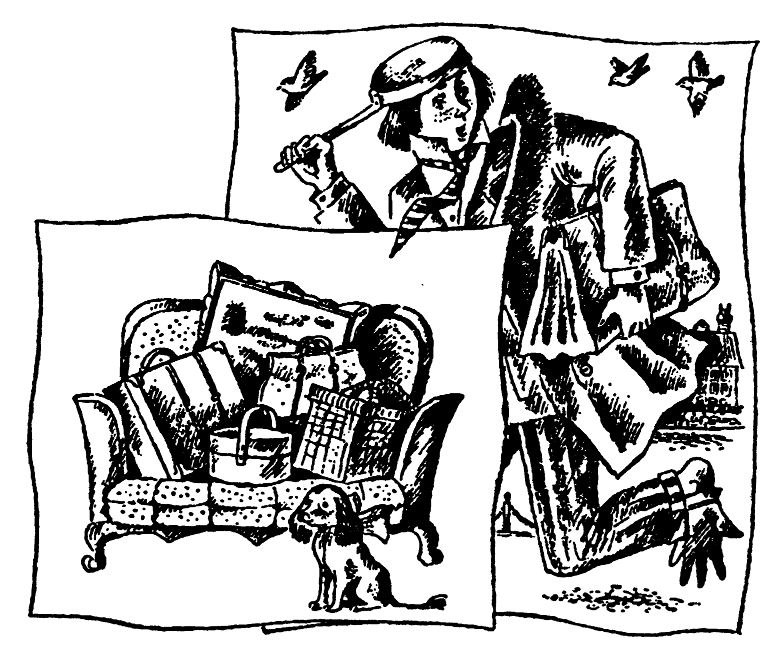
Правда, что это случалось не часто, но все-таки случалось, и кухарка в отчаянии повторяла который раз:

— Уж эта мне Кашка!.. И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!..

Из книги Д. Н. Мамина-Сибиряка «Аленушкины сказки»

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК (1887—1964)

Если любого школьника спросить, кого из детских писателей он знает, первой прозвучит фамилия «Маршак». Если попросить взрослого любителя английской поэзии прочитать по-русски один из сонетов Шекспира — скорее всего он выберет перевод Маршака. Пьесы «Двенадцать месяцев», «Умные вещи» напи-

сал драматург Маршак. Журнал для детей «Новый Робинзон» возглавлял в свое время редактор Маршак... Братья?.. Однофамильцы?.. Нет, речь идет об одном человеке — **Самуиле Яковлевиче Маршаке**. Просто деятельность его была так широка и разнообразна, так много он успел сделать в жизни. Писатель **Максим Горький** назвал его «основоположником детской литературы у нас» (то есть в нашей стране).

Родился Маршак в Воронеже. Писать начал рано. Напечатанными свои стихи впервые увидел в 1907 году — ему было тогда двадцать лет. В 1912 году молодой поэт уехал учиться в Англию. После возвращения опубликовал в русских журналах первые переводы. Это были английские и шотландские народные баллады

и стихи английских поэтов. С тех пор всю жизнь Маршак не расставался с английской литературой. Одним из первых его стихотворений для детей стала английская народная песенка **«Дом, который построил Джек»**. Она появилась в 1923 году, и все узнали Маршака как детского поэта.

Со временем собралась у Самуила Яковлевича целая книга произведений для детей — «Сказки, песни, загадки». Ее переводили на разные языки, много раз переиздавали. Возможно, она есть и на вашей книжной полке среди самых любимых книг.

В книге С.Баруздина «Заметки о детской литературе» есть такие строки: «Для самых маленьких... имя Маршака стало синонимом хорошей детской книжки. «Дядя, а вы Маршак?» — спрашивают они у автора понравившейся книжки. Для более старших книжки Маршака вечно будут добрыми спутниками, советчиками и товарищами».

МЕМУАРЫ

Этот вид литературы получил свое название от французского слова *mémoire* — воспоминание. Как правило, **мемуары** — это повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был. Мемуары очень близки к **автобиографии** (жизнеописанию автора произведения) и **дневнику** (записям о событиях текущей жизни). *Дневник* пишется «по горячим следам», *автобиография* отражает в основном факты жизни одного человека. Что касается

мемуаров — в них речь идет о событиях, уже отступивших в прошлое, уже оцененных «матерью историей». При этом *мемуарист* (автор мемуаров) описывает события со своей точки зрения, дает им свою оценку.

Первым мемуаристом, по мнению историков, был древнегреческий писатель **Ксенофонт**, написавший воспоминания о философе (мудреце) *Сократе* и записки о военном походе греков — «Анабасис» — в конце V века до нашей эры.

Мемуары пишут не только писатели, но и государственные деятели, артисты, полководцы, ученые — все те, кто считает, что их воспоминания будут интересны другим людям как маленькие факты большой и разнообразной жизни.

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН
(1882—1956)

Жил на свете англичанин **Алан Александр Милн**. Учился в *Кембридже* (одном из старейших университетов Европы). Воевал в Первую мировую войну. Работал в сатирическом журнале «Панч» (английский *Панч* — брат русского *Петрушки*). Писал стихи, пьесы, даже детективные романы. Женился, и в 1920 году у него родился сын Кристофер Робин.

Нет никакого сомнения в том, что с Кристофером Робином наши читатели очень хорошо знакомы: и книги о нем и его друзьях читали, и мультфильм видели. Правда, главным героем этих книг и мультфильма считается медвежонок *Винни-Пух*. Но ведь первые де-

сять историй о плюшевом Винни-Пухе Алан Александр Милн сочинил именно для своего сына Кристофера Робина в 1926 году.

Семьдесят лет минуло с тех пор, а герои сказки ничуть не состарились и даже не повзрослели. Только научились самым разным иностранным языкам. По-русски, например, они заговорили с помощью поэта и переводчика **Бориса Заходера.**

Листая страницы...

... Сова жила в великолепном замке «Каштаны». Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и звонок с кнопкой, и колокольчик со шнурком. Под звонком было прибито объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ.

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПАДЕРГАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ.

Оба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всем лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень-очень умная и умела читать и даже подписывать свое имя — *Сава*, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни-Пух внимательно прочел оба объявления, сначала слева направо, а потом — на тот случай, если что-нибудь он пропустил, — справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку

звонка и постучал по ней, а потом он подергал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

— Сова! Открывай! Пришел Медведь.

Дверь открылась, и Сова выглянула наружу.

— Здравствуй, Пух, — сказала она. — Какие новости?

— Грустные и ужасные, — сказал Пух, — потому что Иа-Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он очень убивается о нем. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

— Ну, — сказала Сова, — обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит Бычья Цедура? — сказал Пух. — Ты не забывай, что у меня в голове

опилки и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать...

А в чем заключалась обычная процедура, и чем закончилась история с хвостом ослика Иа-Иа, вы узнаете из книги Александра Милна **«Винни-Пух и все-все-все»** в переводе Бориса Заходера.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ (р. 1913)

Когда **Сергей Владимирович Михалков** встречается со своими юными читателями, кто-нибудь обязательно назовет его не настоящим именем, а именем его героя — дядя Степа. Почему? Вот как пишет об этом литературовед В.Разумневич:

«Журнал «Пионер» в № 7 за 1935 год опубликовал поэму Сергея Михалкова **«Дядя Степа»**...

Рассказывают, что редактор журнала, прочитав рукопись, решил напечатать ее в «Пионере» немедленно, в ближайшем же номере. Но нужны были иллюстрации к поэме.

— За такой короткий срок художнику рисунков не сделать, — вздохнул редактор. — Придется, видимо, выпуск журнала задержать, а не хотелось бы...

Он внимательно посмотрел на стоявшего перед ним поэта, измерил взглядом его долговязую фигуру с ног до головы и неожиданно произнес:

— Зачем нам рисунки, когда можно просто сфотографировать вас. — Вы — самый настоящий дядя Степа!

И редактор попросил фотографа срочно сделать необходимые снимки.

Поэма в журнале была проиллюстрирована не рисунками, а фотографиями Михалкова...»

Сергей Михалков родился в Москве, школьные годы провел в Пятигорске. Первые свои стихи — обыкновенные «взрослые» — напечатал в ростовском журнале. Поэту было пятнадцать лет, и из редакции он получил письмо: «Очень не восхищайтесь, учитесь работать и шлите нам свои стихи».

Первое стихотворение для детей — оно называлось «Три гражданина» — Сергей Михалков напечатал в журнале «Пионер» в 1935 году, а вскоре появился «Дядя Степа», и молодой поэт, как говорят в таких случаях, «проснулся знаменитым».

Шли годы, Михалков написал множество стихов для детей, не забывал и взрослых — для них он сочинял **басни, пьесы, киносценарии.** А юные читатели не хотели расставаться с дядей Степой. «У него что, детей нет?» — спросил однажды Михалкова юный читатель. И у дяди Степы появилась семья — жена и сын.

Среди летчиков военных —
Испытателей отменных —
В городке живет Егор,
Он по званию майор.
Сильный, смелый и серьезный,
Он достиг своей мечты
В изученье дали звездной,
В покоренье высоты.

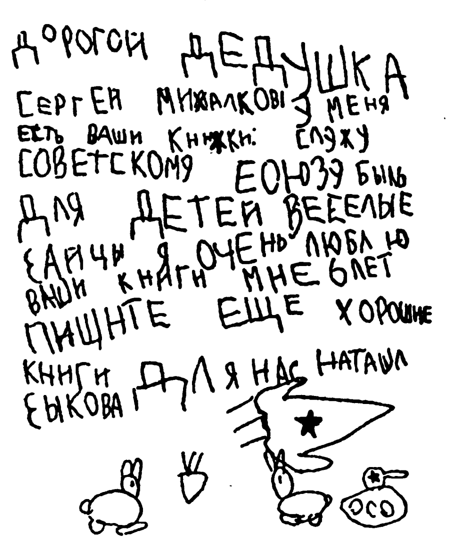
Чтобы выполнить заданье
На ракетном корабле,
Неземные испытанья
Проходил он на Земле.
И однажды утром рано
Мы услышим в тишине:
«Космонавт Егор Степанов
С Марса шлет привет Луне!»

Пришел срок — стал дядя Степа пенсионером, да и автор его уже далеко не молодой человек. Но оба они не хотят стареть, и по-прежнему ребята с удовольствием читают стихи «дяди Степы Михалкова».

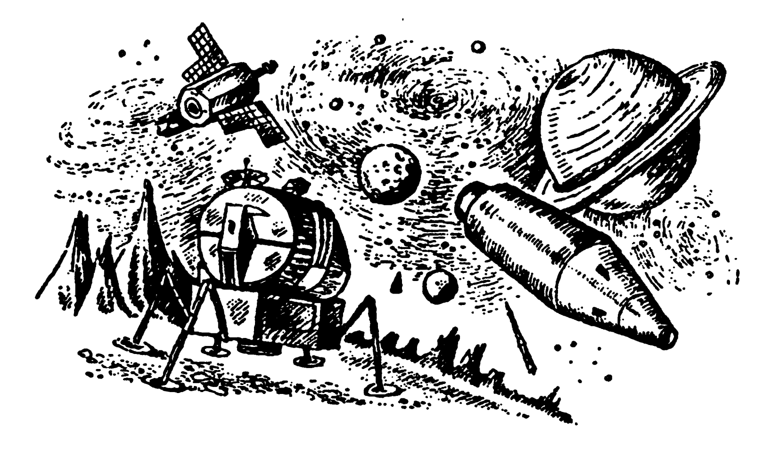

Листая страницы...

Вот какое письмо прислала С.В. Михалкову его юная читательница Наташа Зыкова.

ДОРОГОЙ ДЕДУШКА
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ! У МЕНЯ
ЕСТЬ ВАШИ КНИЖКИ: СЛУЖУ
СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ БЫЛЬ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ВЕСЕЛЫЕ
ЗАЙЧИ Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ
ВАШИ КНИГИ МНЕ 6 ЛЕТ
ПИШИТЕ ЕЩЕ ХОРОШИЕ
КНИГИ ДЛЯ НАС НАТАША
ЗЫКОВА

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Во второй половине двадцатого века, когда особенно бурно начала развиваться наука, появилось огромное количество произведений **научной фантастики**. Так называют обширную отрасль литературы, которая как бы «заглядывает в будущее», в мир невероятных, чудесных представлений и образов. Писатели, зная о возможностях современной науки, пытаются дать ответы на множество вопросов. Что ждет людей тогда, когда космические полеты станут обычным явлением повседневной жизни?.. Как произойдет первая встреча с представителями других миров — явятся ли они на Землю или земляне найдут их на бесконечных просторах Вселенной?.. Что станет со старушкой Землей, если человек по-прежнему будет бездумно расходовать природные ресурсы?.. Каким будет общество, когда создадут «искусственного» человека — такого, к примеру, как известный всем юным читателям Электроник?..

По-разному отвечают на эти вопросы *Рей Брэдбери и Станислав Лем*, братья *Стругацкие и Айзек Азимов, Герберт Уэллс* и *Александр Беляев*, а также десятки других писателей-фантастов. Возможно, прочитав их книги, вы захотите с ними поспорить?..

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (р. 1907)

«Случилось это в Москве, на Таганке, 22 декабря 1934 года, в четыре часа утра» — так вспоминал впоследствии **Андрей Сергеевич Некрасов** о «рождении» своего героя, капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля. А «крестным отцом» знаменитого капитана стал **Борис Степанович Житков** — это он посоветовал Некрасову «написать небольшую повестушку о капитане, который рассказывает о своем кругосветном плавании и к былям небылиц без счету прибавляет».

Профессиональный моряк, Андрей Некрасов был знаком в начале тридцатых годов с директором Дальневосточного китобойного треста Андреем Васильевичем Вронским. А Вронский в юности мечтал о кругосветном путешествии. Он нашел себе попутчика — Ивана Александровича Манна, были составлены карты и лоции, даже парусная двухместная яхта была готова к плаванию...

К сожалению, путешествие не состоялось. Карты и лоции затерялись, яхта так и осталась не у дел на берегу Финского залива. А капитан Вронский всю жизнь помнил о несбывшейся юношеской мечте. Иногда он рассказывал о

своем несостоявшемся кругосветном плавании, представляя при этом, как оно могло происходить. Однажды среди слушателей оказался Андрей Некрасов, в свою очередь, пересказавший байки Вронского нам с вами.

Родившемуся по совету Житкова новому литературному герою нужно было дать имя. А имена у вымышленных персонажей часто бывают «говорящими». Поскольку герой Некрасова частенько привирал, автор решил, что его фамилия должна перекликаться со словом «врать». А кто самый известный литературный враль? Конечно, *барон Мюнхгаузен*. Но истории известен другой барон — *Фердинанд Петрович Врангель*, русский моряк. В 1825—1827 гг. он руководил кругосветной экспедицией на судне «Кроткий». Вот и получилась «цепочка»: капитан Вронский — барон Мюнхгаузен — барон Врангель — капитан *Врунгель Христофор Бонифатьевич*.

А внешность капитану Врунгелю подарил художник Константин Ротов. Даже за рубежом большинство изданий повести А.С. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» выходило с его иллюстрациями.

Листая страницы...

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

— Навигация, — сказал он на первом уроке, — это наука, которая учит нас избирать

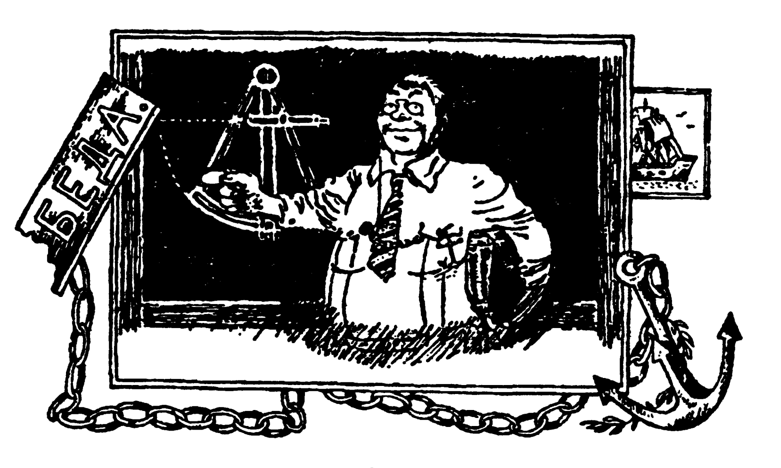
наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, — добавил он напоследок, — наука не точная. Для того, чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное выступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не иначе как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избороздил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор в отличие от прочих навигаторов сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приводили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы. Чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак

и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

— Ну, что вы! Не время сейчас, — возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что в отличие от прочих навигаторов Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его необычайно смелом кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений...

Так начинается книга А. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля».

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (1821—1878)

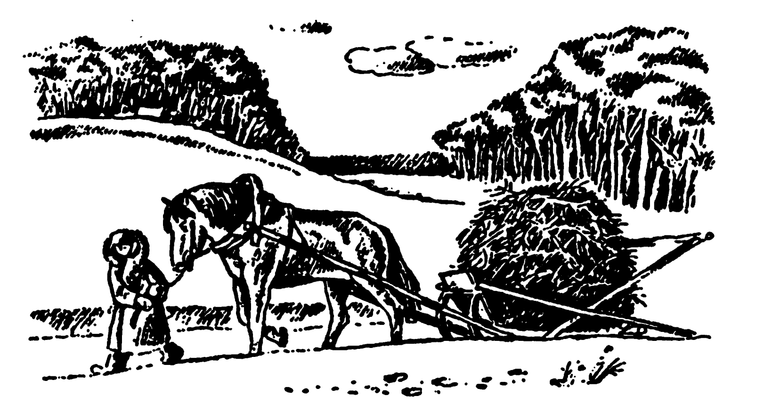
Невеселое детство было у **Николая Алексеевича Некрасова.** Отца его, грубого и жестокого человека, прозвали «диким барином». Он обижал не только принадлежавших ему крестьян, но и своих домашних. Мальчик часто видел слезы на глазах матери, любил ее и жалел. Ей он написал в семь лет свои первые стихи.

Мать позволяла мальчику играть с крестьянскими детьми — от них он узнавал о жизни простого народа.

В десять лет Николая отдали учиться в гимназию, но в пятом классе он тяжело заболел, несколько месяцев пролежал в постели — гимназия закончена не была.

Отец решил отдать сына для завершения образования в военную школу, а сыну хотелось учиться в университете, быть поэтом. У него уже была заветная тетрадь со стихами, которые он писал в тайне от всех и мечтал напечатать в Петербурге.

Семь суток добирался он до столицы, а добравшись наконец, решил не поступать в военную школу. Узнав об этом, «дикий барин» отказался посылать сыну деньги. Так семнадцатилетний юноша оказался один в чужом городе, без друзей и без всякой помощи. Потом он вспоминал: «Я боролся с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть, в двадцать че-

тыре года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба».

Упорство и настойчивость помогли Некрасову справиться с трудностями. Он стал настоящим поэтом, навсегда вошел в историю русской литературы. А главной темой его стихов стала жизнь русского народа — с ее большими трудностями и такими редкими радостями.

Листая страницы...

МУЖИЧОК С НОГОТОК

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам — с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»

— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.

Из стихов
Н. А. Некрасова

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН
(1824—1861)

На окраине Воронежа, в маленьком домике над рекой, в семье небогатого торговца родился **Иван Никитин.** Отец мечтал, что сын станет ученым лекарем, но этой мечте не суждено было сбыться. Торговля отца прогорела, и чтобы не разориться окончательно, он завел постоялый двор, где останавливались на ночлег возчики, прибывавшие в город с обозами. Иван помогал отцу, приходилось ему и торговать на базаре. А свободное время он отдавал чтению, начал писать стихи: «Найдя свободную минуту, я уходил в какой-нибудь отдаленный уголок моего дома. Там я знакомился с тем, что составляет гордость человечества, там я слагал скромный стих, просившийся у меня из сердца. Все написанное я скрывал, как преступление, от всякого постороннего лица и с

рассветом сжигал строки, над которыми я плакал во время бессонной ночи. С летами любовь к поэзии росла в моей груди, но вместе с нею росло и сомнение: есть ли во мне хоть искра дарования».

В 1859 году с помощью друзей Ивану Саввичу удалось открыть в Воронеже книжную лавку. Для тех, кто не мог покупать книги, была устроена библиотека. Кроме того, здесь можно было побеседовать о литературе, послушать стихи хозяина-поэта.

Главная тема стихов И.С. Никитина — *родная природа*. Композиторы написали на его слова свыше шестидесяти песен и романсов. Многие стихотворения Никитина вошли в песенный народный репертуар.

Листая страницы...

Вот как написал об одном из произведений Никитина русский писатель **И. А. Бунин**: «Красота ранней зари передавалась им так, что все стихотворение было как бы напоено ее росами, крепкой утренней свежестью, всеми запахами мокрых камышей, холодком дымящейся алой реки, горячим блеском солнца...»

А вот это стихотворение:

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок — воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко, далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит;
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет,
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ (1908—1976)

В 1957 году один авторитетный международный журнал произвел подсчет — какие из русских писателей чаще всего переводятся на другие языки. Получился список, в котором третьим — вслед за **М. Горьким и А.С. Пушкиным** — оказался детский писатель **Николай Носов.**

Свой первый рассказ — «Затейники» — он напечатал в журнале **«Мурзилка»** в далеком 1938 году. Но сегодняшние читатели считают носовских героев своими современниками. Автору этих строк знакома девочка, которая несколько раз перечитала «Повесть о моем друге Игоре», написанную, казалось бы, для взрослых. А один молодой человек лет десяти признался, что, читая «Приключения Незнайки», ощущает себя участником описываемых событий. Пожалуй, более высокой оценки труда писателя нет...

Николай Николаевич Носов не сразу стал профессиональным писателем. К тридцати годам он успел освоить множество профессий — газетного торговца, чернорабочего, землекопа, косаря, возчика бревен... Потом учился в Институте кинематографии в Москве, ставил научно-популярные и учебные кинофильмы. Многое видел, многое знал и умел. И пользовался своими обширными знаниями и богатым жизненным опытом при написании книг для ребят.

В **«Приключениях Незнайки»** Носов подробно рассказывает о таких машинах, прибо-

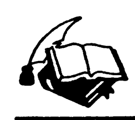

рах, инструментах, которым только еще предстояло появиться. Первое издание **«Незнайки в Солнечном городе»** вышло в свет в 1958 году — тогда подробно описываемая в книге телевизионная система наблюдения за уличным движением была еще фантастикой. Современные читатели знают, что такая система существует на самом деле. Значит, умел писатель заглянуть в будущее.

И еще один, очень важный момент. Все книги Носова наполнены **юмором** — веселым, доброжелательным изображением героев в смешном виде. Открывай любую страницу — без улыбки, а то и неудержимого смеха читать невозможно. Проведите *эксперимент* (то есть опыт): спросите кого-нибудь из взрослых, читали ли они книги Николая Носова. В ответ человек обязательно улыбнется и вспомнит смешной эпизод из «Незнайки» или «Вити Малеева», «Веселой семейки» или сказки «Бобик в гостях у Барбоса»...

А поскольку «взрослых» книг Носов почти

не писал, так и останется он в памяти читателей *«чистокровным детским юмористом»*.

Листая страницы...

Почему человек вдруг решает стать писателем? Вот как на этот вопрос отвечает Николай Носов:

«... Детским писателем я стал потому, что, когда я вырос, мне вообще захотелось стать писателем. А стать писателем мне захотелось потому, что у меня была интересная жизнь и у меня было о чем порассказать людям. К тому времени я уже заметил, что люди (даже взрослые) многого еще не понимают, а поскольку дети понимают еще меньше, то лучше писать для детей. Со временем дети вырастут, станут взрослыми, и им не нужно будет читать о том, о чем они уже прочитали в детстве. К тому же, по моим наблюдениям, дети гораздо серьезнее взрослых, и они не воображают о себе много, то есть не думают, что они все на свете уже постигли и им ничему не надо учиться.

Почему я стал юмористом? Насколько я себя помню, я всегда был юмористом. Когда я, совсем еще младенцем, ездил в трамвае, то очень любил, сидя на ручках у матери, смотреть в окно и вести репортаж о том, что я видел, то есть высказывал комментарии по поводу попадавшихся мне на глаза пешеходов, кошек, собак и извозчицких лошадей, которых в те времена много встречалось на улицах. Эти мои репортажи, или комментарии, почему-то

очень смешили пассажиров, ехавших с нами в трамвае, хотя я лично не находил ничего смешного в этом своем детском лепете. Когда это у меня началось, я никак не могу припомнить. По-моему, я так и родился, то есть это у меня от природы, как сказал поэт: «Дар природный, дар случайный...», и моей лично заслуги в этом никакой нет.

А вот сатириком меня сделала жизнь. Писателя не станут читать, если он не будет говорить людям правду. Но поскольку не всякую правду приятно слушать, то, чтоб было приятнее, лучше говорить ему правду, смягчив немножечко шуткой. Таким образом, получается и смешно, и приятно, и в то же время полезно. Это и есть сатира. А сатирики — это люди, которые смягчают жизненные удары, чтобы нам не было так уж больно. В общем, хорошие люди, полезные. И я не очень обижаюсь, когда меня иногда обзывают сатириком. Это еще пережить можно...»

Надеюсь, вы заметили, что все эти объяснения Николая Николаевича окутаны дымкой иронии, и не стоит их понимать впрямую. Но в любой шутке есть доля правды...

Из книги С. И. Сивоконя
«Веселые ваши друзья»

О. ГЕНРИ
(1862—1910)

Настоящее имя этого писателя — **Уильям Сидни Портер**, но весь мир знает его под **псевдонимом О. Генри** (произносится, как написано, — не *Генри*, а именно *О. Генри*).

Так уж угодно было судьбе, чтобы сын врача, дипломированный фармацевт стал кассиром в банке американского города Остина. Во время ревизии обнаружилось, что в кассе недостает значительной суммы, и Портера обвинили в растрате, хотя его вины в этом не было — сейчас это известно точно. Суд вынес приговор: три с половиной года тюрьмы.

На воле отца ждала Маргарэт, маленькая девочка, мечтавшая о кукле, которую он обещал подарить ей на Рождество. Чтобы заработать на подарок дочери, заключенный № 34627 написал рассказ и тайно переправил его за стены тюрьмы. Рассказ напечатали под псевдонимом О. Генри.

Потом были новые рассказы, и на свободу О. Генри вышел уже вполне известным и даже знаменитым американским писателем. Большую часть его творчества составляют именно рассказы, которые поражают читателей неожиданными концовками. Возможно, вы уже знакомы с юным «вождем краснокожих», которого двое бродяг похитили, чтобы получить выкуп. К концу рассказа они уже сами готовы были заплатить тому, кто избавит их от шустрого мальчугана...

При жизни О. Генри издал девять сборников своих рассказов; семь книжек вышли, когда их автора уже не было. И еще двадцать лет в США разыскивали и издавали произведения Уильяма Сидни Портера — О. Генри.

...Билл (Уильям Сидни Портер. — *Ред.*) ходил по своему номеру в гостинице «Каледония», изредка поглядывая на стол. По столу были разбросаны листы рукописи. Множество бумажных шаров валялось на полу. Билл писал рассказ о биржевом маклере. Он никогда не правил готовый текст. Если фраза не получалась, он комкал бумагу, скатывал ее в шар и бросал на пол. Весь предыдущий текст переписывался начисто. Сколько ошибочных фраз, неудачных определений или бледных сравнений — столько бумажных шаров на полу. Это сильно замедляет работу, но ничего не поделаешь.

На днях коммивояжер (разъездной продавец. — *Ред.*) фирмы «Ремингтон» предложил ему пишущую машинку. Он долго расхваливал ее качества, поставил ее на стол, заправил под валик лист бумаги и с пулеметной скоростью отстучал следующее:

«Тот, кто хочет идти в ногу с прогрессом, приобретает наш «Ремингтон». Для того, чтобы изучить клавиатуру и набрать соответствующую скорость, нужно затратить всего три или четыре недели. Это, так сказать, начальный капитал, который впоследствии все увеличивается. Наша машинка экономит ваше время, увеличивает ваш досуг и позволяет быстрее продвигать рукописи в издательствах».

Действия коммивояжера были похожи на манипуляции фокусника. Он щелкнул какими-то блестящими рычажками, отогнул длинную металлическую планку, выдернул из-под резинового валика бумагу и подал ее Биллу.

— Посмотрите, какая четкость! А шрифт! Это же загляденье. Наша фирма разрабатывает специальные формы шрифтов. Есть шрифты латинские светлые, латинский курсив или, если желаете, латинский полужирный. Если хотите, мы можем поставить вам даже гермес. Ну как, надеюсь, вам понравится?

— Неплохо, — сказал Билл.

Коммивояжер еще усерднее захлопотал около машинки.

— Смотрите, вот это — клавиша верхнего регистра. Вы можете, если хотите, писать крупными буквами. Вот здесь расположен звонок, он предупреждает вас о том, что строка кончилась. Вот здесь находится...

— Извините, — сказал Билл, — а автомобильного клаксона там нет?

Коммивояжер захохотал и подмигнул Биллу.

— И ведь дешево, — сказал он. — Всего-навсего сто долларов. Вы знаете, что на нашей машинке была отпечатана первая в мире рукопись для издательства? И знаете кем? Самим Марком Твеном! Он отпечатал на машинке своего «Тома Сойера».

Видимо, это был главный козырь торговца. Он торжественно умолк и многозначительно посмотрел на Билла.

— Вы говорите, «Том Сойер»? — переспросил Билл.

— Да! — воскликнул коммивояжер. — Именно поэтому «Том Сойер» был издан сразу после написания!

— Вы так думаете? — сказал Билл. — Может быть, в этом сыграло роль что-нибудь другое?

— Нет, нет! — сказал коммивояжер. — Сам Марк Твен говорил об этом.

— Вот как?! — воскликнул Билл. — Я доволен, что познакомился с приятелем Марка Твена. Весьма доволен и польщен! Скажите, а под диктовку на вашей мясорубке быстро выходит?

— Посмотрите сами, — сказал коммивояжер, заправляя в машинку чистый лист. — Что желаете продиктовать?

— Пишите, — Билл отошел в окну. — «В моей комнате существует такая замечательная вещь, как дверь. Она открывается наружу, в коридор. В девяти шагах налево по коридору — лестница вниз. Одиннадцать ступенек к выходу. Прошу убедиться, что этих ступенек ровно одиннадцать, а не десять или двенадцать». Все.

Коммивояжер с любезной улыбкой вынул лист и перечитал написанное. Улыбка погасла на его лице. Он бросил лист на стол, молча упаковал машинку и молча вышел из комнаты. Билл растворил окно. Он дождался, когда торговец появился на улице, и крикнул:

— Видите ли, мистер «Ремингтон», у меня нет времени осваивать клавиатуру вашей фисгармонии!..

Из книги Н. А. Внукова
«Тот, кто называл себя О. Генри»

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ (1803 или 1804—1869)

«Какой чудесный старик!» — написал об авторе книжки «Сказки и рассказы для детей дедушки Иринея» один из литературных критиков. А старика на самом деле не было. Дедушка Ириней — **псевдоним** (вымышленное имя) **Владимира Федоровича Одоевского**, которому в год выхода книги не исполнилось еще сорока лет.

Он был необыкновенным человеком: знал философию и математику, физику и химию. Был музыкальным критиком и сам писал музыку. Собирал и изучал русские народные

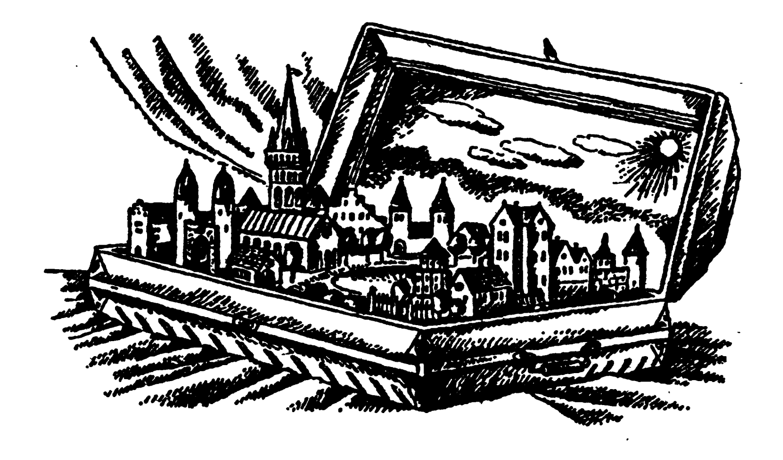
песни. Изобретал музыкальные инструменты. А еще — очень любил детей и хотел передать им свои знания.

Одоевский рассказывает в своих произведениях об устройстве различных вещей — даже таких необыкновенных, как музыкальная шкатулка. Показывает взаимоотношения между людьми. Размышляет об отношении человека к животным. При этом он не говорит назидательно: делайте так-то и так-то! Он просто рассказывает историю или сказку, заканчивая ее словами: «А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставление». Возможно, вы вспомнили при этих словах сказку «*Мороз Иванович*». Если же эта сказка вам не знакома, если вы не читали «**Городок в табакерке**», рассказы «*Столяр*» или «*Бедный Гнедко*», — не поленитесь, откройте книгу «дедушки Иринея»!..

Листая страницы...

Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», — сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый — и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые, а деревья-то

также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

— Что это за городок? — спросил Миша.

— Это городок Динь-Динь, — отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям — не из другой ли комнаты? и к часам — не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок все светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, все ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только не надолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый вы-

глянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок протянулись синеватые лучи.

— Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

— Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту...

Так начинается сказка В. Ф. Одоевского «Городок в табакерке». Но сказка — на то и сказка, чтобы в ней случались разные чудеса. Удалось Мише попасть в чудесный городок, а что он там увидел — читайте сами!..

ЮРИЙ КАРЛОВИЧ ОЛЕША (1899—1960)

«Время волшебников прошло. По всей вероятности, их никогда и не было на самом деле...», — так начинает свой роман-сказку **«Три толстяка» Юрий Карлович Олеша**. Но те, кто читал его книги, знают, что уж он-то, несомненно, был волшебником — волшебником слова.

Он родился в Одессе в самом конце XIX века. Впереди были трудные времена — и для всего мира, и для России, и для каждого человека. Шестилетний Юра вместе со всей Одессой наблюдал за мятежным броненосцем «Потемкин»... Когда он окончил гимназию, грянула революция, за ней — гражданская война. Олеша служил в Красной Армии.

После войны он приехал в Москву и нашел работу в железнодорожной газете «Гудок»: «Я

поступил в «Гудок»... вовсе не на журналистскую работу. Я служил в... «информационном отделе», и работа моя состояла в том, что я вкладывал в конверты письма, написанные начальником отдела по разным адресам...»

Однажды Юрию Карловичу предложили написать **фельетон** по письму, пришедшему в газету. Фельетоном называют короткое сатирическое произведение «на злобу дня». С тех пор в течение шести лет в «Гудке» появлялись фельетоны за подписью «Зубило» — это был псевдоним Олеши. Пятьсот фельетонов сочинил он, многие — в стихах.

В эти же годы родились его «Три толстяка». Олеша писал сказку на рулоне газетной бумаги, не на столе, а прямо на полу. Сказка эта переведена на многие языки, она стала худо-

жественным фильмом, балетом, мультфильмом.

Олеша писал рассказы, повести, пьесы. Свои записи — отчасти **мемуары** (воспоминания), отчасти дневники — он озаглавил **«Ни дня без строчки»**. Так он и жил — ни дня без строчки.

Листая страницы...

Вот как Юрий Карлович Олеша вспоминает свой гимназический вступительный экзамен.

...Наконец позвали и меня. Последний взгляд на бабушку, оставшуюся под деревом, и я уже на железной лестнице; раз-два-три, грохочущая железом лестница кончается, дверь, коридор... Еще с несколькими мальчиками я оказываюсь в не такой уж большой комнате; скорее, наоборот, это небольшая комната и даже узкая — правда, с тремя окнами. Так это класс? Да, да, это класс! За окнами, я вижу, улица, противоположные дома, вершины деревьев, такие же желтые, как и то, под которым осталась бабушка. В классе светло, четырехугольники света кое-где лежат в целости, кое-где они поломались, упав на углы, на парты. Да, я ведь впервые вижу парты... Так это парты? Парты! Прежде я только слышал о них от сестры, раньше меня поступившей в гимназию. И за партами сидят мальчики!

Довольно трудно мне разобраться в том, что происходит: я все же волнуюсь. Ого, еще как волнуюсь! Происходит экзамен. Перед доской, о которой мне тоже рассказывала сестра, — да, да, классная доска! Так это она? Она! — перед классной доской почти во всю стену — черной, но в меловой пыли, даже в окутывающем ее меловом тумане — стоят двое: старый и маленький. Старый — это учитель, он экзаменует; маленький — это экзаменующийся. Старый в форме — форменной тужурке, тоже в меловой пыли, и с куском мела в руке, маленький — в матросской куртке.

Ничто не изменит моего убеждения в том, что тогда, когда, стоя во время экзамена в приготовительный класс гимназии и почти роняя мел из пальцев, уже готов был согласиться со вставшей передо мной во всем своем ужасе судьбой, что я экзамена не выдержал, так как решить задачи не могу, — что тогда совершилось чудо — я ведь задачу решил!..

Из книги Ю. К. Олеши
«Ни дня без строчки»

ГРИГОРИЙ БЕНЦИОНОВИЧ ОСТЕР (р. 1947)

Взрослые относятся к его книгам по-разному. Одни весело смеются вместе с детьми, другие — пишут возмущенные письма и «разгромные» статьи. Ну как, в самом деле, реагировать на такое:

Если мама в магазине
Вам купила только мячик

И не хочет остальное, все, что видит, покупать,
Станьте прямо, пятки вместе,
Руки в стороны раздвиньте,
Открывайте рот пошире и кричите букву «А»!

Автор честно называет это «вредными советами для непослушных детей». И детям все понятно. Они тоже пишут письма, а в письмах есть такие строчки: «Мы же нормальные, мы понимаем, когда с нами шутят».

Первая книга **Григория Остера** вышла в 1975 году и называлась «*Как хорошо дарить подарки*». А сейчас он автор множества книг, среди которых и «**Вредные советы**», и «*Ненаглядные пособия*» по физике и математике, и даже «*Книга о вкусной и здоровой пище для людоедов*».

Кроме того, Остер сочинил сценарий для шестидесяти мультфильмов. Это он придумал котенка по имени Гав, героев сериала «38 попугаев» и маленьких обезьянок, доставляющих массу хлопот обезьянке-маме.

Детские писатели часто находят сюжеты своих произведений, общаясь с детьми, наблюдая за ними. Григорию Остеру для этого далеко ходить не надо: он отец пятерых детей, и многое из того, о чем написано в его книгах, увидел в своем собственном доме.

Листая страницы...

Вот еще пара вредных советов от Григория Остера.

Если вы по коридору
Мчитесь на велосипеде,
А навстречу вам из ванной вышел папа погулять,
Не сворачивайте в кухню —
В кухне твердый холодильник.
Тормозите лучше в папу —
Папа мягкий. Он простит.

Если друг на день рожденья
Пригласил тебя к себе,
Ты оставь подарок дома —
Пригодится самому.
Сесть старайся рядом с тортом.
В разговоры не вступай.
Ты во время разговора
Вдвое меньше съешь конфет.
Выбирай куски поменьше,
Чтоб быстрее проглотить.
Не хватай салат руками,

Ложкой больше зачерпнешь.
Если вдруг дадут орехи,
Сыпь их бережно в карман,
Но не прячь туда варенье —
Трудно будет вынимать.

Из книги Г. Остера
«Вредные советы»

Л. ПАНТЕЛЕЕВ
(р. 1908)

В середине шестидесятых годов толпы подростков осаждали кинотеатры страны: на экраны вышел фильм «Республика Шкид», снятый по повести Л. Пантелеева и Г. Белых. Псевдоним **Л. Пантелеев** принадлежит **Алексею Ивановичу Еремееву** — бывшему беспризорнику, воспитаннику петроградской школы для трудновоспитуемых ребят.

Ко времени выхода фильма Л. Пантелеев был уже вполне взрослым — если не сказать пожилым — человеком. А в 1927 году **М. Горький** писал одному из своих знакомых: «Не попадет ли в руки Вам книга **«Республика Шкид»** — прочитайте! «Шкид» — «Школа имени Достоевского для трудновоспитуемых» в Петербурге. Авторы книги — воспитанники этой школы, бывшие воришки, одному — 18, другому — 19 лет. Но это не вундеркинды, а удивительные ребята, сумевшие написать преоригинальную книгу, живую, веселую, жуткую. Фигуру заведующего школой они изобразили монументально. Не преувеличиваю».

В то время, когда писалась книга Л.Пантелеева, в моде были **аббревиатуры** — сокращения. Потому школа имени Достоевского и превратилась в Шкид, а ее заведующий — в Викниксора. На самом деле звали его Виктор Николаевич Сорока-Росинский. Он был прекрасным учителем, а в свое время его юношеским стихам завидовал сам **Александр Блок**, знаменитый русский поэт.

У всех воспитанников были клички. Алексея Еремеева товарищи прозвали Ленькой Пантелеевым — в честь бандита, который в двадцатые годы совершал налеты на частные магазины и кафе. На месте грабежа он обязательно оставлял свою визитную карточку, где именовал себя «свободным художником-грабителем». Он также имел обыкновение переводить небольшие суммы из награбленных денег на нужды бедных студентов. В глазах воспитанников Шкид уголовник выглядел «благородным разбойником», этаким русским Робин Гудом...

Такова история появления псевдонима «Л.Пантелеев». Правда, буква «Л» в нем не расшифровывается, поэтому называть писателя Леонидом Пантелеевым, как это иногда делают, неправильно.

«Республика Шкид» — не единственное произведение Л.Пантелеева. Он написал несколько повестей, многим знакомы его рассказы «Честное слово», *«Буква «Ты»*, целый цикл о Белочке и Тамарочке. Есть у писателя и забавная сказка **«Фенька»**.

ФЕНЬКА

Дело было вечером. Я лежал на диване, курил и читал газету. В комнате никого, кроме меня, не было. И вдруг я слышу — кто-то царапается. Кто-то чуть слышно, тихонечко стучит по оконному стеклу: тик-тик, тук-тук.

«Что, — думаю, — такое? Муха? Нет, не муха. Таракан? Нет, не таракан. Может быть, дождь капает? Да нет, какой там дождь, — дождем и не пахнет...»

Повернул я голову, посмотрел — ничего не видно. На локте привстал — тоже не видно. Прислушался — как будто тихо.

Лег я. И вдруг опять: тик-тик, тук-тук.

«Фу, — думаю. — Что такое?»

Надоело мне, встал я, бросил газету, подошел к окну и — глаза вытаращил. Думаю: ба-

тюшки, что это мне — во сне снится, что ли? Вижу: за окном, на узеньком железном карнизе, стоит — кто вы думаете? Стоит девочка. Да такая девочка, о каких вы и в сказках не читывали.

Ростом она будет поменьше самого маленького Мальчика-с-пальчика. Ножки у нее босые, платье все изодрано; сама она толстенькая, пузатая, нос пуговкой, губы какие-то оттопыренные, а волосы на голове рыжие и торчат в разные стороны, как на сапожной щетке.

Я даже не сразу поверил, что это девочка. Я подумал сначала, что это какой-то зверек. Потому что я никогда раньше таких маленьких девочек не видел.

А девочка стоит, смотрит на меня и изо всех сил своим кулачишкой по стеклу барабанит: тик-тик, тук-тук.

Я у нее через стекло спрашиваю:

— Девочка! Тебе что надо?

А она не слышит меня, не отвечает и только пальцем показывает: дескать, открой, пожалуйста, а ну открой поскорей!..

О том, что произошло дальше, читайте в книге Л. Пантелеева.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ (1892—1968)

Свой первый рассказ ученик выпускного класса гимназии **Константин Паустовский** напечатал в 1911 году. Молодость писателя при-

шлась на трудные годы: Первая мировая война, потом революция. Сам он рассказывает об этом времени так: «В начале мировой войны я работал вожатым и кондуктором на московском трамвае, потом — санитаром в тыловом и полевом санитарных поездах.

Осенью 1915 года я перешел с поезда в полевой санитарный отряд и прошел с ним длинный путь отступления...

В отряде из попавшегося мне обрывка газеты я узнал, что в один и тот же день убиты на разных фронтах оба моих брата. Я вернулся к матери — она в то время жила в Москве, но долго высидеть на месте не смог...»

После Октябрьской революции Паустовский работал журналистом в разных редакциях. Когда в 1932 году вышла в свет его книга *«Кара-Бугаз»*, он решил заняться «писательством»: «С тех пор писательство стало моей единственной, всепоглощающей, порой мучительной, но всегда любимой работой».

Всю жизнь Константин Георгиевич путешествовал, объездил страну вдоль и поперек. Впечатления, полученные в этих путешествиях, легли в основу многих его произведений. «Мне не давала покоя «муза дальних странствий», — говорил он об этом своем пожизненном увлечении.

Паустовский писал о человеческих чувствах, о природе, о творчестве. Его очень интересовал труд людей искусства — художников, писателей, композиторов. Написал он и о своей жизни, о странствиях, о встречах с интересными людьми.

Однажды осенью я ехал из Москвы в Ленинград, но не через Калинин и Бологое, а с Савеловского вокзала — через Калязин и Хвойную.

Моим попутчиком оказался маленький человек с узенькими, но очень живыми глазами. Одет он был мешковато. Человек этот вез большой ящик с масляными красками и рулоны загрунтованного холста. Нетрудно было догадаться, что это художник.

Мы разговорились. Мой попутчик рассказал, что едет под город Тихвин, где есть у него приятель — лесник, будет жить у него на кордоне и писать осень.

— А почему же вы забираетесь так далеко, под Тихвин? — спросил я.

— Там у меня облюбовано одно место, — доверительно ответил художник. — Всем местам место! Такого второго нигде не найдете. Чистый осиновый лес! Кое-где только попадаются редкие ели. Осина дает осенью такой нарядный убор, как ни одно дерево. Лист у нее чистой раскраски. Пурпурный, лимонный, лиловый и даже черный с золотым крапом. Под солнцем получается великолепный костер. Поработаю там до зимы, а зимой подамся на берег Финского залива, за Ленинград. Там, вы знаете, самый лучший иней в России. Нигде я такого инея не видел.

Я сказал, конечно, шутя, что при таких

познаниях мой спутник мог бы составить ценный путеводитель для художников, где что писать.

— А что же вы думаете! — серьезно ответил художник. — Составить нетрудно. Но только нет смысла. Все набьются в одно место, тогда как сейчас каждый ищет себе красоту в отдельности. А это не в пример лучше.

— Почему?

— Разнообразнее раскрывается страна. В русской земле столько прелести, что всем художникам хватит на тысячи лет. Но знаете, — добавил он с тревогой, — что-то человек начал очень уж затаптывать и разорять землю. А ведь красота земли — вещь священная, великая вещь в нашей социальной жизни. Это одна из конечных наших целей. Не знаю, как вы, но я в этом убежден. Без понимания этого, какой же может быть передовой человек!..

Из «Книги о художниках»
К. Г. Паустовского

ШАРЛЬ ПЕРРО
(1628—1703)

Давным-давно в тридевятом царстве, в тридесятом государстве жили-были пятеро братьев. Жан — адвокат, Пьер — сборщик налогов, Клод — врач и любитель архитектуры, Николя — ученый богослов и математик. А самый младший из братьев — Шарль — достиг самых больших высот: стал генеральным секретарем в интендантстве королевских построек, членом Французской академии, физиком, анатомом, языковедом...

Много с тех пор воды утекло — ведь жили братья в XVII веке. Но кто из вас не знает *Кота в сапогах, Золушку* или *Мальчика-с-пальчика*? Всех их — и еще многих других сказочных героев — придумал и описал в книжке **«Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен»** французский писатель **Шарль Перро.** Правда, первое издание книги было подписано именем Пьера д'Арманкура — так звали одиннадцатилетнего сына автора сказок. Почему писатель скрыл свое имя? Потому, что сочинение сказок считалось в то время занятием, недостойным взрослого человека, а тем более — такой «важной птицы», как господин генеральный секретарь. Но уже во втором издании справедливость была восстановлена: на обложке стояло подлинное имя автора.

Государственные заслуги господина Перро со временем забылись, а вот сказки, им сочиненные, по-прежнему живы. В нашей стране их впервые читали в 1768 году (книга называлась «Сказки о волшебницах с нравоучениями»). В 1845 году «Кота в сапогах» переводил **В. А. Жуковский.** Сказка **«Золушка»** стала оперой Дж. Россини и балетом С.С. Прокофьева, есть даже опера «Замок герцога Синяя Борода» композитора Б. Бартока. А уж мультипликационных и художественных фильмов по сказкам Шарля Перро снято видимо-невидимо!..

На самом деле в волшебных сказках Шарля Перро не так уж много волшебства, и все, что он рассказывает, вполне могло произойти с обыкновенными людьми. Например, в «*Золушке*» есть одна-единственная по-настоящему волшебная сцена. Помните?..

... — Тебе хотелось бы поехать на бал, не правда ли? — спросила крестная.

Она была фея — волшебница — и слышала не только то, что говорят, но и то, что думают.

— Правда, — сказала Золушка, всхлипывая.

— Что же, будь только умницей, — сказала фея, — а уж я позабочусь о том, чтобы ты могла побывать сегодня во дворце. Сбегай-ка на огород да принеси мне оттуда большую тыкву!

Золушка побежала на огород, выбрала самую большую тыкву и принесла ее крестной. Ей очень хотелось спросить, каким образом простая тыква поможет ей попасть на королевский бал, но она не решилась.

А фея, не говоря ни слова, разрезала тыкву и вынула из нее всю мякоть. Потом она прикоснулась к ее желтой толстой корке своей волшебной палочкой, и пустая тыква сразу превратилась в прекрасную резную карету, позолоченную от крыши до колес.

Затем фея послала Золушку в кладовую за

мышеловкой. В мышеловке оказалось полдюжины живых мышей.

Фея велела Золушке приоткрыть дверцу и выпустить на волю всех мышей по очереди, одну за другой. Едва только мышь выбегала из своей темницы, фея прикасалась к ней палочкой, и от этого прикосновения обыкновенная серая мышка сейчас же превращалась в серого, мышастого коня.

Не прошло и минуты, как перед Золушкой уже стояла великолепная упряжка из шести статных коней в серебряной сбруе.

Не хватало только кучера.

Заметив, что фея призадумалась, Золушка робко спросила:

— Что, если посмотреть, не попалась ли в крысоловку крыса? Может быть, она годится в кучера?

Золушка принесла крысоловку, из которой выглядывали три большие крысы.

Фея выбрала одну из них, самую крупную и усатую, дотронулась до нее своей палочкой, и крыса сейчас же превратилась в толстого кучера с пышными усами — таким усам позавидовал бы даже главный королевский кучер.

— А теперь, — сказала фея, — ступай в сад. Там за лейкой, на куче песка, ты найдешь шесть ящериц. Принеси-ка их сюда.

Не успела Золушка вытряхнуть ящериц из фартука, как фея превратила их в выездных лакеев, одетых в зеленые ливреи, украшенные золотым галуном.

Все шестеро проворно вскочили на запятки кареты с таким видом, словно всю свою жизнь служили выездными лакеями и никогда не были ящерицами.

— Ну, вот, — сказала фея, — теперь у тебя есть свой выезд, и ты можешь, не теряя времени, ехать во дворец. Что, довольна ты?

— Очень! — сказала Золушка. — Но разве можно ехать на королевский бал в этом старом, испачканном золой платье?

Фея ничего не ответила. Она только слегка прикоснулась к Золушкиному платью своей волшебной палочкой, и старое платье превратилось в чудесный наряд из серебряной и золотой парчи, весь усыпанный драгоценными камнями.

Последним подарком феи были туфельки из чистейшего хрусталя, какие и не снились ни одной девушке.

Когда Золушка была уже совсем готова, фея усадила ее в карету и строго-настрого приказала возвратиться домой до полуночи.

— Если ты опоздаешь хоть на одну минутку, — сказала она, — твоя карета снова сделается тыквой, лошади — мышами, лакеи — ящерицами, а твой наряд опять превратится в старенькое, залатанное платьице.

— Не беспокойтесь, я не опоздаю! — ответила Золушка и, не помня себя от радости, отправилась во дворец...

Вот и все. И больше никакого волшебства — только *Доброта, Трудолюбие* и *Любовь...*

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЛЕЩЕЕВ (1825—1893)

Возможно, читателям этой книги приходилось в ответ на какую-либо свою просьбу слышать от взрослых: «Будет вам и белка, будет и свисток». Это строчка из стихотворения **Алексея Николаевича Плещеева «Старик»**. Он много писал специально для детей, и стихи его искрятся добротой...

Плещеев — представитель родовитого рус-

ского дворянства. Он учился в Петербурге, в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров — там же, где и М.Ю.Лермонтов. Но, так же, как и Лермонтова, его ждала не блестящая армейская карьера, а совсем другая жизнь. Вот как об этом пишет в книге «Родные поэты» Н.С.Шер:

«Ранним утром 22 декабря 1849 года по улицам Петербурга двигался длинный ряд карет. Каждую карету сопровождали четыре конных жандарма с шашками наголо. Доехав до Семеновской площади, кареты остановились. Посреди площади стоял высокий эшафот — место казни, — обтянут черным сукном. Из карет одного за другим выводили людей и вели на эшафот — их должны были казнить. На них надели белые длинные саваны с капюшонами и длинными рукавами, уже раздался барабанный бой, как вдруг к эшафоту подъехал царский офицер с приказом: смертную казнь заменить ссылкой.»

Среди приговоренных был 24-летний Алексей Плещеев. Его ждала смерть за участие в революционном кружке. Из Оренбургской губернии, где отбывал ссылку, он вернулся только через десять лет — в 1859 году.

Кроме стихов, Плещеев писал рассказы и повести, переводил на русский язык стихи украинского поэта Т.Г.Шевченко.

Своим современникам, писавшим для детей, он говорил так: «Помните, что маленькие читатели — будущие строители жизни русской. Научите их любить добро, родину, помнить свой долг перед народом».

...По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнезда вьет,
Просеки, тропинки знал наперечет.

А какой охотник был до соловьев!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зеленой чаще песни их звучат;
И еще любил он маленьких ребят.

На своем крылечке сидя каждый день,
Ждет, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

— Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые, как лен...

Из стихотворения А. Н. Плещеева
«Старик»

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ
(1787—1836)

Очень мало известно о жизни человека, чье настоящее имя — Алексей Алексеевич Перовский — по сути, тоже является псевдонимом. Ведь отцом его был екатерининский вельможа А. К. Разумовский. Он не мог дать сыну свою фамилию, потому что не был женат на его матери.

Отец любил Алешу. Мальчика сначала учили дома, потом отправили в закрытый пансион в Петербург. Затем был Московский университет, где Алексей получил степень доктора философии и словесных наук.

Алексей Перовский во многом походил на английского поэта Байрона — он был красив, отчаянно смел и даже, подобно Байрону, немного прихрамывал. Причиной хромоты, по семейной легенде, было падение с забора в детстве, когда Алеша убегал из пансиона — видно, несладко ему там жилось...

В 1812 году «русский Байрон» добровольно пошел на войну с Наполеоном, храбро воевал. Товарищи часто слышали его боевой клич: «Пусть хоть тысяча французов!»

Первую свою книгу Алексей Перовский напечатал в 1825 году под псевдонимом **Антоний Погорельский** (имение писателя называлось «Погорельцы»; к сожалению, управляющий имением по невежеству уничтожил архив писателя — потому мы и знаем о нем очень мало).

Через некоторое время история детства Алеши Перовского повторилась: в пансионе на

Васильевском острове Петербурга тосковал его племянник — Алеша Толстой. Чтобы скрасить его одиночество, писатель рассказывал мальчику разные фантастические истории, где причудливо переплетались сказка и реальные события из жизни двух мальчиков — Алеши Перовского и Алеши Толстого. Одну из этих историй Погорельский записал и в 1829 году опубликовал. Это была чудесная сказка **«Черная курица, или Подземные жители»**.

Алеша Толстой помнил эту сказку всю жизнь. А когда вырос, стал одним из выдающихся писателей России — **Алексеем Константиновичем Толстым.**

Листая страницы...

...В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда

было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед этим привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умненький, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особливо сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме...

... Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было — подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей... и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он все ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто, даже похожий на волшебницу...

Из сказки А. Погорельского
«Черная курица,
или Подземные жители»

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Раньше словом **поэзия** обозначали художественную литературу, а **прозой** называли все остальные словесные сочинения. Связано это было с тем, что возникло искусство слова в форме **стихов** — соразмерных, ритмичных отрезков речи. Обычно в стихах присутствует **рифма** — созвучные окончания слов (вести — брести, строем — боем). Вот пример из стихов **А. С. Пушкина:**

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем.

Сегодня мы относим к поэзии лишь то, что написано стихами, а все остальное считаем прозой. Тех, кто пишет большей частью стихи, принято называть поэтами. Тех, кто предпочитает прозу, — писателями.

Французское слово **жанр** обозначает вид искусства, в данном случае — вид литературы. Бывают литературные произведения *исторические, приключенческие, фантастические*. Жанры очень часто «переплетаются»: в книгах *А. Дюма*, например, рядом стоят приключения и история, а у **Ж. Верна** приключения соседствуют с наукой.

Различаются литературные произведения и по форме. Небольшое по размеру поэтическое произведение мы называем стихотворением. А большое повествование в стихах — **поэмой**. В прозе различают **рассказ, повесть, роман** — в зависимости от сюжета, его протя-

женности во времени, количества персонажей (действующих лиц).

Но случается, что поэмой называют прозаическое произведение (например, **«Мертвые души» Н. В. Гоголя**), а большое стихотворное повествование — романом («Евгений Онегин» А. С. Пушкина).

Листая страницы...

В стихах не всегда присутствует рифма. Великий русский писатель **Иван Сергеевич Тургенев** создал новый литературный жанр — **стихотворение в прозе.** До сегодняшнего дня он остался непревзойденным мастером этого вида литературы.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. С. Тургенев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

И ребята, и взрослые любят читать книги, в которых много загадок, исключительных ситуаций, неожиданных поворотов действия. Сюжеты, насыщенные преследованиями и похищениями, переходами от опасности к избавлению, неожиданными катастрофами, — все это признаки **приключенческого жанра.**

Именно приключения, случающиеся с героями, привлекают многие поколения читателей произведений *Р. Л. Стивенсона, А. Дюма* и многих других авторов. Часто приключения тесно связаны с научной фантастикой, с детективной литературой и особенно — с путешествиями.

Мы не будем приводить в этой статье имена авторов и названия произведений — их великое множество. Найти книги этого жанра в библиотеке очень просто: обычно они самые «зачитанные», да и названия их чаще всего начинаются со слова «*приключения*».

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН (1873—1954)

«Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее жизнь и воспел ее, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю Михаила Пришвина», — считал писатель **Константин Паустовский.** По его мнению, Пришвин — «один из своеобразных писателей. Он ни на кого не похож — ни у нас, ни в мировой литературе».

Родился **Михаил Михайлович Пришвин** в Орловской губернии, близ города Ельца. О своем детстве он рассказывает в романе «Кащеева цепь». Жилось семье трудно — мать осталась вдовой с пятью детьми. Всякое бывало в жизни будущего писателя. Он убегал из первого класса гимназии в «золотую страну Азию» — его вернули обратно, но затем из гимназии все-таки исключили. За революционную работу он отсидел год в тюрьме, потом вынужден был уехать за границу.

В Лейпциге (Германия) Пришвин окончил университет, стал агрономом. Он собирался заниматься наукой, даже писал агрономические книги, но к тридцати годам твердо решил стать писателем.

Его первая книга вышла в 1905 году и называлась «В краю непуганых птиц». Из названия ясно, что Пришвин решил писать книги о природе. Он внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг него, и не только наблюдал, но и исследовал. Михаил Михайлович с детства любил охоту, но его охота была особенной: чаще всего не за птицей или зверем, а за открытиями. Вот как он вспоминал об этом:

«После чаю я уходил на охоту за перепелками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горлинками, бабочками. Ружья тогда у меня еще не было, да и теперь ружье в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда, и теперь — в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я еще не видел, и может быть, и никто еще в своей жизни с этим не встречался.

Перепелку самку надо было поймать силками такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца поймать сетью самого голосистого. Соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы потом пел лучше всех. А поди-ка найди такой муравейник да ухитрись набить мешок этими яйцами, а потом отманить муравьев на ветки от своих драгоценных яичек.

Хозяйство мое было большое, тропы бесчисленные».

Очень часто в произведениях Пришвина (он называл их **очерками**) читатели встречаются с собаками. Все собаки, о которых рассказывает писатель, были «лично известны» автору — принадлежали ему самому или его друзьям.

Он очень любил этих животных и даже немного завидовал их «нюхательному аппарату»: «Вот если бы мне такой аппарат, вот побежал бы я на ветерок по цветущей красной вырубке и ловил бы и ловил интересные мне запахи!»

Особенно нравилась Михаилу Михайловичу Пришвину природа средней полосы России. Дом, где жил писатель в последние свои годы, — в деревне Дунино, недалеко от Звенигорода, — давно стал музеем. А книги его с удовольствием читают и сегодня.

Листая страницы...

ПЕРВАЯ СТОЙКА

Мой легавый щенок называется Ромул, но я больше зову его Ромой, или просто Ромкой, а изредка величаю его Романом Василичем.

У этого Ромки скорее всего растут лапы и уши. Такие длинные у него выросли уши, что, когда вниз посмотрит, так и глаза закрывают, а лапами он часто что-нибудь задевает и сам кувыркается.

Сегодня был такой случай: поднимался он по каменной лестнице из подвала, зацепил своей лапиной полкирпича, и тот покатился вниз, считая ступеньки. Ромушка этому очень удивился и стоял наверху, опустив уши на глаза. Долго он смотрел вниз, повертывая голову то на один бок, то на другой, чтобы ухо отклонилось от глаза и можно было смотреть.

— Вот штука-то, Роман Василич, — сказал я, — кирпич-то вроде как живой: ведь скачет!

Рома поглядел на меня умно.

— Не очень-то заглядывайся на меня, — сказал я, — не считай галок, а то он соберется с духом, да вверх поскачет, да тебе даст прямо в нос.

Рома перевел глаза. Ему, наверное, очень хотелось побежать и проверить, отчего это мертвый кирпич вдруг ожил и покатился. Но спуститься туда было очень опасно: что, если там кирпич схватит его и утянет вниз навсегда в темный подвал?

— Что ж делать-то, — спросил я, — разве удрать?

Рома взглянул на меня только на одно мгновение, и я хорошо его понял, он хотел мне сказать:

— Я и сам подумываю, как бы удрать, а ну как я повернусь, а он меня схватит за прутик? (Хвост у пойнтера называется по-охотничьи прутом. — *Прим. авт.*)

Нет, и это оказывается невозможным, и так Рома долго стоял, и это была его первая стойка по мертвому кирпичу, как большие собаки постоянно делают, когда носом почуют в траве живую дичь.

Чем дольше стоял Ромка, тем ему становилось опасней и страшней: по собачьим чувствам выходит так, что чем мертвее затаится враг, тем ужаснее будет, когда он вдруг оживет и прыгнет.

— Перестою, — твердит про себя Ромка.

И чудится ему, будто кирпич шепчет:

— Перележу.

Но кирпичу можно хоть и сто лет лежать. живому песику трудно, устал и дрожит.

Я спрашиваю:

— Что же делать-то, Роман Василич?

Рома ответил по-своему:

— Разве брехнуть?

— Вали, — говорю, — лай!

Ромка брехнул и отпрыгнул. Верно со страху ему показалось, будто он разбудил кирпич и тот чуть-чуть шевельнулся. Стоит, смотрит издали, — нет, не вылезает кирпич. Тихонечко подкрадывается, глядит осторожно вниз: лежит.

— Разве еще раз брехнуть?

Брехнул и отпрыгнул.

Тогда на лай прибежала Кэт, Ромина мать, впилась глазами в то место, куда лаял сын, и медленно, с лесенки на лесенку стала спускаться. На это время Ромка, конечно, перестал лаять, доверил это дело матери и сам глядел вниз много смелее.

Кэт узнала по запаху Роминой лапы след на страшном кирпиче, понюхала его: кирпич был совершенно мертвый и безопасный. Потом, на случай, она постепенно обнюхала все, ничего не нашла подозрительного и, повернув голову вверх, глазами сказала сыну:

— Мне кажется, Рома, здесь все благополучно.

После того Ромул успокоился и завилял прутиком. Кэт стала подыматься, он нагнал мать и принялся теребить ее за ухо.

Из книги М. М. Пришвина «Кладовая Солнца»

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799—1837)

Каждый год *10 февраля* множество самых разных людей приходит к петербургскому дому с простым адресом — Мойка, 12. Здесь можно встретить поэтов и ученых, студентов и школьников, учителей и инженеров. Все они приходят почтить память **Александра Сергеевича Пушкина**. Здесь была его последняя квартира, здесь завершилась его яркая, но короткая жизнь. Того, что он создал за свою короткую жизнь, хватило бы на несколько жизней, значительно более длинных.

Родился Александр Пушкин в 1799 году в Москве. Его отец, Сергей Львович, принадлежал к старинному дворянскому роду. Мать Надежда Осиповна была внучкой знаменитого «арапа Петра Великого» — Абрама Петровича Ганнибала. «Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями», то есть в самом раннем возрасте, — так вспоминал брат поэта, Лев Сергеевич.

Двенадцати лет мальчика отдали в *Лицей* — новое, *уникальное* (то есть единственное в своем роде) учебное заведение. Первые лицеисты, среди которых был и наш герой, на всю жизнь сохранили свое лицейское братство. (Подробно о Лицее и лицеистах вы можете узнать из книги «Культура» серии «Я познаю мир».) В первом лицейском выпуске было много впоследствии очень известных людей, но памятная доска на стене Лицея говорит лишь об одном — Александре Пушкине.

Уже в годы учебы и товарищам-лицеистам, и преподавателям было ясно, что призвание Пушкина — литература. Конечно, вы уже знаете некоторые *стихи* Пушкина, его прекрасные *сказки, поэмы, прозаические произведения*. Но это малая доля того, что создано им. Знакомство с большей частью его творчества у вас еще впереди.

А жизнь самого поэта была полна трудностей. Трудно было напечатать стихи, неугодные царям (его не жаловали ни Александр I, ни сменивший его на престоле Николай I). Трудно было обеспечить жизнь большой семьи. Зависть недругов поэта вызывала его красавица жена Наталья Николаевна, которую он очень любил.

На дуэли с французом Дантесом, жестоко оскорбившим поэта и его жену, Пушкин был тяжело ранен. Его доставили в дом на Мойке, 12. У его постели дежурил **В.И. Даль**, который был не только языковедом, но и военным врачом. Говорят, сегодняшняя медицина не дала бы поэту умереть, но тогда рана оказалась смертельной — 10 февраля, по словам писателя **В.Ф. Одоевского**, *«солнце русской поэзии закатилось»*...

Жизнь великого поэта оборвалась, а книги его остались. Благодаря Пушкину русская литература стала одной из величайших литератур мира. Его называют творцом современного русского литературного языка. Язык Пушкина прост, ясен и всем понятен. Но за этой простотой и понятностью — удивительная глубина, великая мудрость.

Листая страницы...

Чтобы понять глубокий смысл этого стихотворения, нужно знать историю России и историю рода Пушкиных. Александр Сергеевич знал и то, и другое.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!

Не офицер я, не ассесор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.

Бывало, нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского дворца,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

А. С. Пушкин

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ РАСКИН (1914—1971)

Истории литературы известны случаи, когда писатель, пытаясь утешить своего забо-

левшего ребенка, создавал значительное литературное произведение. Например, К. И. Чуковский, сочинив для сына сказку «Крокодил», сделался детским писателем.

Александр Борисович Раскин детским писателем не стал. Книга **«Как папа был маленьким»** осталась единственной его детской книгой. Но — обо всем по порядку.

Раскин родился в 1914 году в Витебске. Он окончил Литературный институт имени Горького и стал профессиональным писателем. Еще до войны его знали как сатирика и фельетониста. Он — один из авторов сценария знаменитого фильма «*Весна*». Любимым литературным жанром у него была **пародия** — шуточное подражание творчеству других авторов.

Когда заболела дочка писателя Саша, он попробовал рассказать ей несколько историй из собственного детства. Истории эти так понравились девочке, что потом она уже сама стала просить рассказать ей, «как папа был маленьким». Когда из этих рассказов сложилась книжка, автор сообщил в предисловии, что, рассказывая дочке о своем детстве, он выбирал истории посмешнее — ведь девочка болела и ее нужно было развеселить. «И еще я старался, — продолжает он, — чтобы моя дочка поняла, как нехорошо быть жадным, хвастунишкой, зазнайкой. Но это вовсе не значит, что я сам всю жизнь был таким. Просто я старался вспоминать только такие случаи. А когда мне их не хватало, я брал их у других знакомых пап. Ведь каждый из них был когда-то маленьким. Так что все эти истории не выдуманы мной, а были на самом деле».

Была в жизни маленького папы такая история.

КАК ПАПА ОТОМСТИЛ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Когда папа был маленьким и учился в школе, у него были разные отметки. По русскому языку — хорошо. По арифметике — удовлетворительно. По чистописанию — неудовлетворительно. По рисованию — плохо с двумя минусами. И учитель рисования обещал папе третий минус.

Но вот однажды в класс вошла новая учительница. Она была очень симпатичная. Молодая, красивая, веселая, в каком-то очень нарядном платье.

— Меня зовут Елена Сергеевна, а вас как? — сказала она и улыбнулась.

И все закричали:

— Женя!

— Зина!

— Лиза!

— Миша!

— Коля!

Елена Сергеевна зажала себе уши, и все умолкли. Тогда она сказала:

— Я буду вас учить немецкому языку. Согласны?

— Да! Да! — закричал весь класс.

И вот маленький папа начал учиться немецкому языку. Сначала ему очень понравилось,

что стул по-немецки — дер штуль, стол — дер тыш, книга — дас бух, мальчик — дер кнабе, девочка — дас медхен.

Это было похоже на какую-то игру, и всему классу было интересно это узнать. Но когда начались склонения и спряжения, некоторые кнабе и медхен заскучали. Оказалось, что заниматься немецким языком надо серьезно. Оказалось, что это не игра, а такой же предмет, как арифметика и русский язык. Надо было сразу учиться трем вещам: писать по-немецки, читать по-немецки и говорить по-немецки. Елена Сергеевна очень старалась, чтобы на ее уроках было интересно. Она приносила в класс книжки с веселыми историями, учила ребят петь немецкие песенки и шутила на уроке тоже по-немецки. И тем, кто занимался как следует, было действительно интересно. А те ученики, которые не занимались и не готовили уроков, ничего не понимали. И, конечно, им было скучно. Они все реже заглядывали в дас бух и все чаще молчали, как дер тыш, когда Елена Сергеевна их спрашивала. А иногда, перед самым уроком немецкого языка, раздавался дикий крик: «Их хабе шпацирен!» — что в переводе на русский язык означало: «Я имею гулять!» А в переводе на школьный язык означало: «Я имею прогуливать!» Услышав этот вопль, многие ученики подхватывали: «Шпацирен! Шпацирен!» И бедная Елена Сергеевна, придя на урок, замечала, что все мальчики изучают глагол «шпацирен», а за партами сидят одни девочки. И это ее, понятно, очень огорчало. Маленький папа тоже занимался главным образом шпациреном.

Он не хотел этим обидеть Елену Сергеевну. Просто очень весело было убегать с урока, прятаться от директора и учителей, скрываться на школьном чердаке от Елены Сергеевны. Это было гораздо интереснее, чем сидеть в классе, не выучив урока, и на вопрос Елены Сергеевны: «Хабен зи дер федермессер? (Есть ли у тебя перочинный нож?)» — отвечать после долгого раздумья: «Их нихт...» (что по-русски звучало очень глупо: «Я нет...»). Когда маленький папа так ответил, над ним смеялся весь класс. Потом смеялась вся школа. А маленький папа очень не любил, когда над ним смеялись. Он гораздо больше любил сам смеяться над другими. Если бы он был умнее, то начал бы заниматься немецким языком, и над ним перестали бы смеяться. Но маленький папа очень обиделся. Он обиделся на учительницу. Он обиделся на немецкий язык. И он отомстил немецкому языку. Маленький папа никогда им серьезно не занимался. Потом он не занимался как следует французским языком в другой школе. Потом он почти не занимался английским язы-

ком в институте. И теперь папа не знает ни одного иностранного языка. Кому же он отомстил? Теперь папа понимает, что он обидел самого себя. Он не может читать многие свои любимые книги на том языке, на котором они написаны. Ему очень хочется поехать в туристическое путешествие за границу, но ему стыдно ехать туда, не умея говорить ни на одном языке. Иногда папу знакомят с разными людьми из других стран. Они плохо говорят по-русски. Но все они учат русский язык, и все они спрашивают папу: «Шпрехен зи дейч?», «Парле ву франсе?», «Ду ю спик инглиш?» А папа только разводит руками и качает головой. Что он может ответить им? Только: «Их нихт...» И ему очень стыдно.

Из книги А. Б. Раскина
«Как папа был маленьким»

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЕ
(1737—1794)

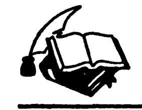
«Не любо — не слушай, а лгать не мешай» — так был озаглавлен первый русский перевод книги о бароне Мюнхгаузене, сделанный в 1791 году Н. П. Осиповым. Интересна история появления этой книги.

В немецком городе Касселе жил знаток древностей и хранитель монет **Рудольф Эрих Распе**. Он оказался нечист на руку — совершил кражу и бежал от наказания в Англию. Случилось это в 1785 году, а через год Распе *анонимно* (то есть без указания автора) опубликовал перевод на английский язык из ано-

нимного же немецкого сборника «Спутник веселых людей».

Героем публикации был **барон Мюнхгаузен** — невозможный враль. Распе ввел в повествование дополнительные эпизоды из истории Англии. Кстати, барон Карл Фридрих Мюнхгаузен существовал на самом деле. Он служил в русской армии, участвовал в двух турецких походах и, вероятно, очень любил приврать...

Ученые до сих пор не могут решить, кто же на самом деле является автором **оригинала** (первоначального произведения) на немецком языке. А книга о Мюнхгаузене уже более двухсот лет популярна и любима читателями — как юными, так и взрослыми.

Листая страницы...

Маленький старичок с большим носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях.

Его слушатели смеются ему прямо в лицо:

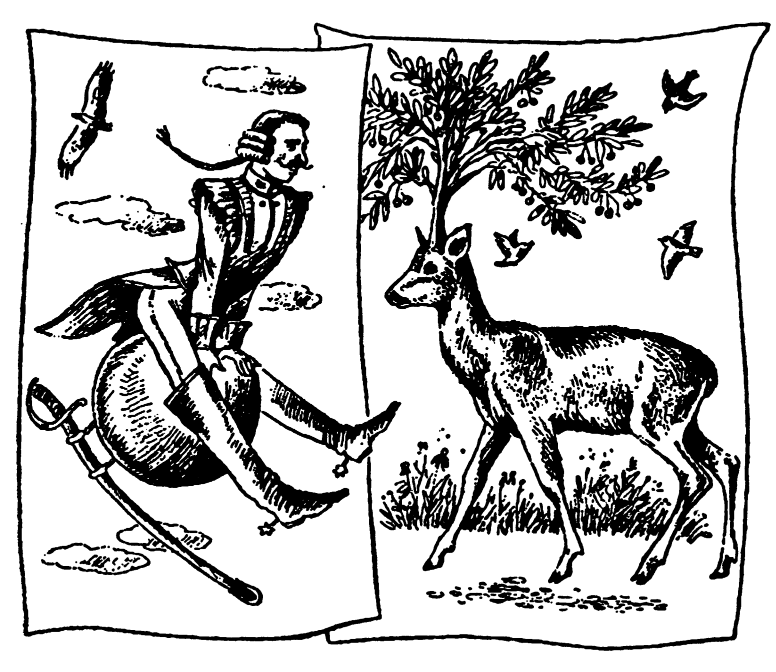
— Ай да Мюнхгаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на луну, как он жил среди трехногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал, слушал его и вдруг закричал:

— Все это выдумки! Ничего этого не было, о чем ты рассказываешь.

Старичок насупился и важно ответил:

— Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имел честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на земле.

Кругом захохотали еще громче.

— Мюнхгаузен — правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

А Мюнхгаузен, как ни в чем не бывало, продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

— Дерево?.. На голове у оленя?!

— Да. Вишневое. И на дереве — вишни. Такие сочные, сладкие...

Все эти невероятные рассказы напечатаны в книге Э. Р. Распе. Прочтите их и посудите

сами, был ли на земле человек правдивее барона Мюнхгаузена...

Из книги «Приключения барона Мюнхгаузена» в переводе К. И. Чуковского

ДЖАННИ РОДАРИ (1920—1980)

Этот детский писатель прославился в нашей стране раньше, чем у себя на родине, благодаря прекрасным переводам С. Я. Маршака.

В молодости он работал учителем начальных классов, очень дружил с ребятами и придумывал для них веселые игры. Потом стал журналистом итальянской коммунистической газеты «Унита» и получил редакционное задание: писать для детей. В 1951 году вышла в свет первая его *«Книжка веселых стихов»*. На обложке стояло имя автора — Джанни Родари.

Какой итальянский ребенок не знаком с *Пиноккио*? Джанни Родари «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы» с детства знал наизусть. Эта книга *Карло Коллоди* подсказала нашему герою замысел сказки о Чиполлино.

Возможно, вы уже знакомы с *Джельсомино*, читали о путешествии игрушечного поезда «Голубая Стрела»? А может быть, вам еще только предстоит познакомиться с книгами прекрасного писателя, который сам определил свое место в жизни и литературе коротко и ясно: на службе у ребят.

Не откладывайте знакомство!..

ГОВОРЯЩИЙ КОТ

Один мальчик попросил меня написать сказку про говорящего кота. Я передал его просьбу моему коту Пинни, и тот принес мне следующее послание:

«Дорогой Джанни, я славный кот из хорошей семьи. Моя мать была самой толстой кошкой во всей округе, а старые миланские коты еще хорошо помнят, какой хвост был у моего деда — длиной в сорок сантиметров и походил

скорей на конский, чем на кошачий. Я мог бы стать очень знаменитым котом, потому что умею говорить и писать и даже немного играю на рояле — четырьмя лапками. Правда, когда я прохаживаюсь по клавишам, ты всегда гонишь меня прочь. Почему бы это? Наверно, тебя не устраивает моя музыка? Но мне не нравится твоя, так что мы квиты. Когда ты играешь на рояле, может быть, мне тоже шлепками гнать тебя прочь, как это делаешь ты?

И вот еще на что я хочу пожаловаться: ты все время пользуешься моей подушкой, и это несправедливо. Не успею я задремать, как ты гонишь меня и сам усаживаешься на нее. Это некрасиво с твоей стороны. Я ведь оставляю тебе кровать, диван, кресло-качалку, а ты уж мог бы не трогать мою подушку.

Наконец, должен заметить, что я не очень-то люблю сырое мясо. Поэтому прежде, чем оставить его на столе в кухне, чтобы я мог, если проголодаюсь, подкрепиться ночью, прошу тебя отварить мясо и добавить сливочного масла, а также немного оливкового и веточку петрушки. А теперь я прощаюсь с тобой и отправляюсь на прогулку. Включи, пожалуйста, электрическую печку, потому что, когда вернусь, мне нужно будет согреться. Вчера вечером я пришел совсем промокший и простуженный.

Твой любящий кот Пинни».

Так что вы скажете о моем коте?

Из книги Джанни Родари
«Пестрые сказки»

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ РЫЛЕЕВ (1795—1826)

Родился в семье армейского офицера. Пошел по стопам отца — поступил в Первый Кадетский корпус в Петербурге. Юным кадетом участвовал в Отечественной войне 1812 года. Так — совершенно обычно, как у многих, — начиналась биография **Кондратия Рылеева.**

Свои поэтические способности он использовал, чтобы рассказать о героическом прошлом родной земли, о Вещем Олеге, Дмитрии Донском, Ермаке, Иване Сусанине... Свои стихи об исторических событиях он называл **думами**, а о себе сказал: «Я не поэт, а гражданин».

В 1823 году Рылеев стал членом Северного тайного общества, готовившего восстание против царской власти в России.

Восстание это началось 14 декабря 1825 года и было подавлено царскими войсками. **Декабристов** — так назвали участников восстания — арестовали, судили, многих сослали в Сибирь на каторгу.

Рылеев семь месяцев просидел в Петропавловской крепости. Зная, что приговор будет очень суровым, он и в тюрьме продолжал писать стихи:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?

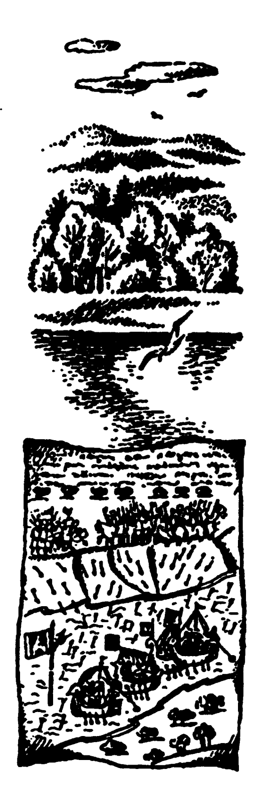
Сам царь Николай I вел следствие по делу руководителей восстания. По приговору суда *К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин* и *П. Г. Ка-*

ховский были казнены на кронверке (внешнем укреплении) Петропавловской крепости. На этом месте сейчас стоит скромный памятник первым русским революционерам.

Листая страницы...

Стихотворение К. Ф. Рылеева о народном герое Ермаке было положено на музыку, и песню эту поют до сих пор.

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...

...Но роковой его удел*
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом...

... Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать**
презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,

---

* *Роковой удел* — судьба. Здесь: судьба Ермака — смерть — как бы уже поджидала его.

** *Тать* — вор.

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря*, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!..

...Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною...

Из стихотворения К. Ф. Рылеева:
«Смерть Ермака»

ДАВИД САМУИЛОВИЧ САМОЙЛОВ (1920—1990)

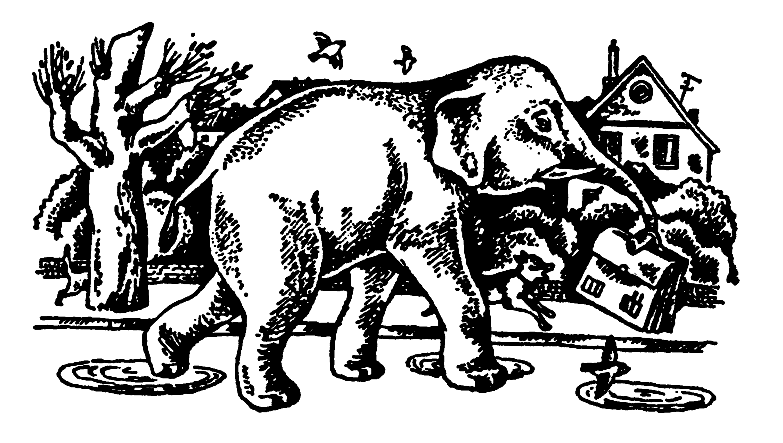
В прекрасный, солнечный, далеко не осенний день семилетний мальчик сочинил стихи:

Осенью листья желтеть начинают,
С шумом на землю ложатся они.
Ветер их снова наверх поднимает
И кружит, как вьюгу в ненастные дни.

Это было первое стихотворение Давида Самойлова.

Отца поэта звали Самуил Абрамович Кауфман. Он был врачом, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. А в годы Великой Отечественной, когда на фронте воевал его сын, работал в тыловом госпитале. Это в его

* *Зря* — видя; *зреть* — видеть.

честь и в память о нем, уже после войны, Давид Кауфман взял псевдоним «Самойлов».

Другом семьи был автор исторических романов В. Ян — он пробудил у Давида интерес к истории. В восьмом классе юный поэт создал драму в стихах «Спартак» и историческую поэму «Жакерия» — о восстании в средневековой Франции.

1938 год. Окончена школа. Началась учеба в Литературном институте. А впереди — страшная, кровопролитная война, на которую поэта и его ровесников призвали в числе первых.

Давид Кауфман стал разведчиком. Ему повезло вернуться с войны живым. А сколько его товарищей по Литературному институту полегло на полях сражений! Он помнил о них всю жизнь.

«Никогда не чувствовал себя детским писателем, и всегда мне хотелось писать для детей — может быть, потому, что у меня самого дети, четверо», — писал Самойлов. И это желание — писать для детей — вылилось в му-

зыкальные радиопьесы. Их главный герой — *Слоненок* (*«Слоненок пошел учиться»*, *«У Слоненка день рождения»* и др.). Музыку к этим пьесам сочинил композитор Борис Чайковский (не путать с П. И. Чайковским!).

Через сорок лет после окончания школы встретились одноклассники. Один из них предложил: «Пусть каждый оглянется назад, задумается над прожитым и скажет, как он собирается прожить оставшееся ему время». Многие планировали, выйдя на пенсию, заняться совсем не тем, чему посвятили большую часть жизни. А Давид Самойлов сказал: «Я как писал стихи, так и буду писать...»

Листая страницы...

Война забрала лучшие годы поэта и его ровесников. Вот как он вспоминает о ней:

СОРОКОВЫЕ...

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.
Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...
А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.
Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Д. Самойлов

ДЖОНАТАН СВИФТ
(1667—1745)

Знаменитый английский писатель **Джонатан Свифт** прожил долгую и трудную жизнь, полную тревог и испытаний. Отец его, мелкий судейский чиновник Джонатан Свифт, внезапно умер за несколько месяцев до рождения сына. Мальчика в память об отце тоже назвали Джонатаном. Мать оставила его на попечение дяди, а сама уехала.

В 14 лет, окончив школу, Свифт поступил в Дублинский университет. Но закончить обучение юноше не удалось: нужно было зарабатывать на жизнь. Он нанялся секретарем к отставному министру Вильяму Темплю, который «баловался» на досуге литературой. Служба эта тяготила Свифта, но давала кусок хлеба.

После смерти Темпля Джонатан Свифт становится священником в бедной ирландской деревушке. Но главным делом его жизни стало служение не Богу, а литературе. Он начинает писать **памфлеты** — сатирические произведения, обличавшие порядки, существовавшие в Англии того времени. Занимая скромное место в церковной иерархии, Свифт был одним из самых известных литераторов Англии, блестящим сатириком, пародистом и памфлетистом.

Все свои произведения Свифт издавал *анонимно* (то есть не указывая имени автора). Так случилось и в 1726 году: издатель получил «от неизвестного лица» рукопись романа неизвестного автора. Роман назывался **«Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей»**.

Книга сразу нашла своего читателя. В отличие от нас современники Свифта без всяких подсказок увидели в фантастических странах, описываемых в романе, черты, присущие Английскому королевству начала XVIII века.

Первый и единственный роман Свифта перевели на многие языки. Русский перевод «Путешествий Гулливеровых» появился в 1772 году, — Ерофей Коржавин сделал его, пользуясь французским текстом.

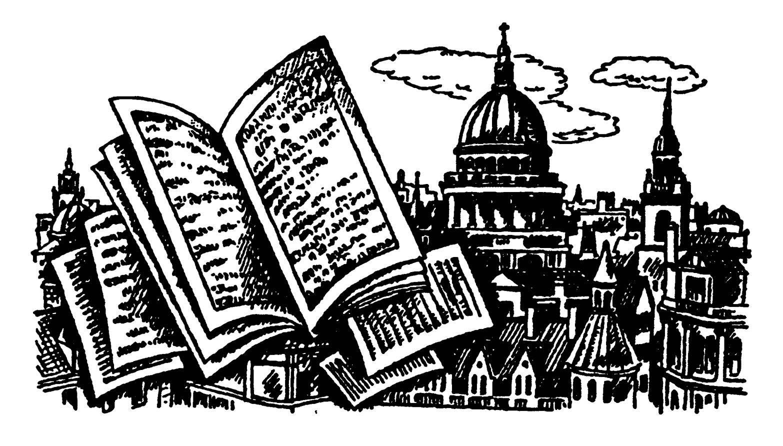
В последние годы жизни Свифт тяжело болел, жил в полном одиночестве. Ничего не писал и даже не мог читать. Похоронили его в Дублинском соборе, а надгробную надпись он составил сам. Вот она: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этой кафедральной церкви, и суровое негодование уже не раздирает здесь его сердце. Пройди, путник, и подражай, если можешь, ревностному поборнику могущественной свободы».

Листая страницы...

СВИФТ ШУТИТ

Время от времени Свифт позволял себе такие чудачества и шутки, которые сначала приводили в замешательство, а потом заставляли покатываться от хохота весь Лондон. Такова, например, была известная проделка Свифта с астрологом Джоном Партриджем, который регулярно выпускал календари с предсказаниями на будущий год. Свифт не любил

шарлатанов и решил хорошенько проучить этого мнимого ясновидца, разбогатевшего за счет народного невежества.

В начале 1708 года на лондонских улицах появилась брошюра «Предсказания на 1708 год» за подписью некоего Исаака Бикерстафа. «Мое первое предсказание, — пророчил Бикерстаф, — относится к Партриджу, составителю календарей. Я исследовал его гороскоп своим собственным методом и нашел, что он обязательно умрет 29 марта сего года, около одиннадцати часов вечера, от горячки. Я советую ему подумать об этом и своевременно урегулировать все свои дела».

Через несколько дней появилась новая брошюра — «Ответ Бикерстафу», в которой прозрачно намекалось, что под этим именем укрылся прославленный писатель Джонатан Свифт. Читателям предлагалось внимательно следить за тем, что будет дальше. Лондон насторожился...

И вот наступило долгожданное 29 марта.

Уже на следующий день мальчишки бойко распродавали листовку «Отчет о смерти миcте-

ра Партриджа, автора календарей, последовавшей 29-го сего месяца». Здесь сообщалось с протокольной точностью о том как Партридж заболел 26 марта, как ему становилось все хуже и хуже и как он признался затем, когда почувствовал приближение смерти, что его «профессия» астролога основывалась на грубом обмане народа. В заключение сообщалось, что Партридж умер не в одиннадцать, как было предсказано, а в пять минут восьмого; Бикерстаф допустил ошибку на четыре часа.

Почтенный мистер Партридж бегал по улицам, ловил мальчишек, продававших «отчет» о его смерти, уверял, что он жив и здоров, что он и есть тот самый Партридж, что он вовсе и не думал умирать... «Отчет» был составлен настолько деловито и правдоподобно, что к Партриджу один за другим явились: гробовщик — снять мерку с его тела, обойщик — обтянуть комнату черным крепом, пономарь — отпеть покойника, лекарь — омыть его. Цех книгопродáвцев, к которому принадлежал Партридж, поспешил вычеркнуть его имя из своих списков, а португальская инквизиция (церковный суд. — *Ред.*) в далеком Лиссабоне предала сожжению брошюру «Предсказания Бикерстафа» на том основании, что эти предсказания сбылись и, следовательно, их автор связан с нечистой силой.

Но Свифт не остановился на этом. Великолепно владея сатирическим стихом, он написал «Элегию на смерть Партриджа». Тысячи экземпляров этой «элегии» были раскуплены за несколько часов.

Тем временем глупый Партридж решил выпустить новый календарь с предсказаниями на

1709 год. Разоблачая «обманщика» и «мошенника» Бикерстафа, астролог сообщает, что он по-прежнему здравствует и неопровержимым доказательством его бытия служит только что вышедший календарь.

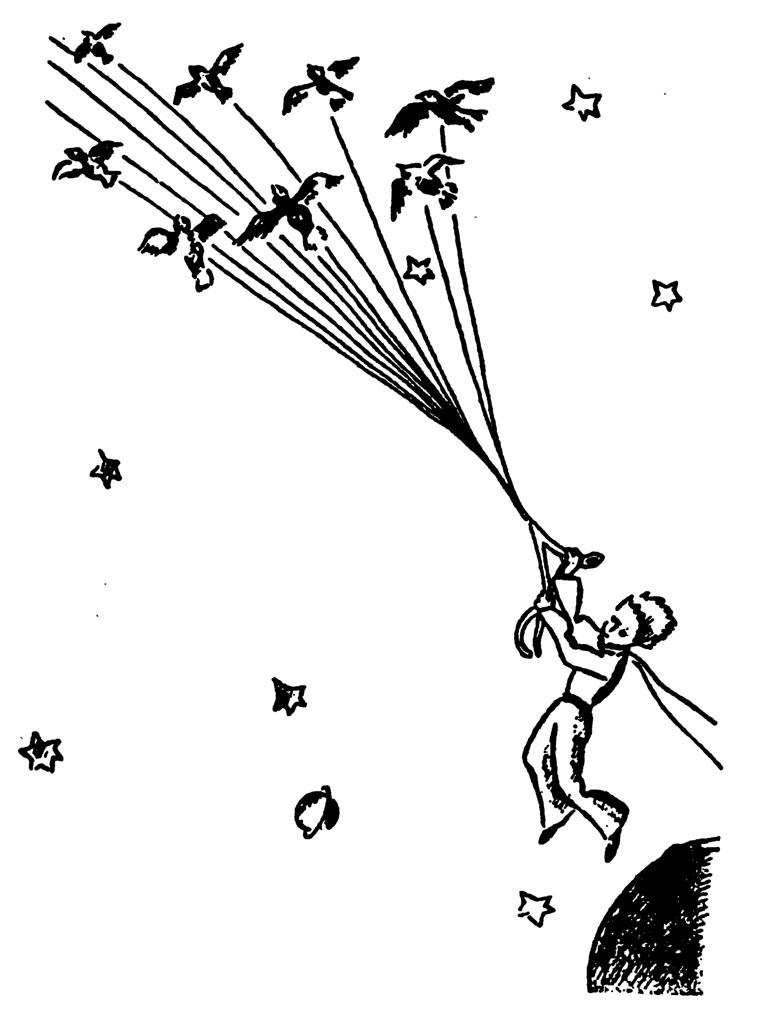
А Свифту только этого и надо было. В заключение всей этой небывалой комедии появилась еще одна брошюрка — «Опровержение Исаака Бикерстафа». Автор брошюры уверял читателей, что Партриджа после 29 марта не существует, ибо ни один живой человек не написал бы такой чепухи, которая содержится в календаре на 1709 год. Быть может, мистер Партридж воскрес? Но этот факт Исааку Бикерстафу неизвестен, и он за него не отвечает...

Так рассказывает в своем послесловии к роману Джонатана Свифта писатель Е. П. Брандис.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900—1944)

«Я родом из детства», — так говорил о себе этот прекрасный писатель, создавший одну из лучших сказок XX века — «Маленький принц». Это была вторая его сказка. А первую — историю шляпы-цилиндра — он написал в детстве.

«Прежде чем писать, нужно жить», — считал Экзюпери. Жизнь его была богата событиями — он был летчиком. Летал, испытывал самолеты, изобретал всевозможные механизмы. Правда, изобретение, которым он особен-

но гордился, не имело отношения к самолетам: это были усовершенствованные мыльные пузыри, не лопавшиеся при ударе об стену (сообщим по секрету: в мыльный раствор нужно добавить капельку глицерина). А в перерывах между полетами Экзюпери писал «взрослые» книги.

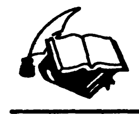
Началась Вторая мировая война. Во Францию пришли немцы. Экзюпери сначала отправляется в Америку, а затем возвращается на родину, чтобы сражаться с врагом. В Америке и родился «Маленький принц». Рисунки к сказке автор сделал сам.

Он был одним из лучших летчиков своего времени. Он налетал шесть тысяч пятьсот часов — это десять месяцев непрерывного полета. Он погиб 31 июля 1944 года, совершая разведывательный полет. Его уже не было, когда во Францию пришло его последнее письмо:

«Дорогая мамочка, я так хотел бы, чтобы вы не беспокоились обо мне и чтобы к вам дошло это письмо. Чувствую себя очень хорошо. Я горюю, что так долго вас не видел. Я беспокоюсь за вас, моя дорогая старушка мама. Какое все же несчастное время! Когда, наконец, станет возможным сказать тем, кого любишь, что ты их любишь!

Мамочка, поцелуйте меня, как я вас целую, от всей души.

Антуан».

Листая страницы...

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живет во

Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же все это меня не оправдывает, я посвящу свою книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту,
когда он был маленьким

Вот каким нарисовал своего Маленького принца сам Экзюпери. Посвящение перевела на русский язык *Нора Галь*.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Писатель *Анатоль Франс* так выразил свое отношение к словарям: «Я люблю их не только за большую пользу, приносимую ими, но и за все то, что есть в них прекрасного и величественного... Здесь мысли, радости, труды и горести наших предков и наши собственные, памятники общественной и личной жизни всех тех, кто дышал священным воздухом, — тем сладостным воздухом, которым мы дышим теперь, в свою очередь; подумайте, что каждому слову словаря соответствует мысль или чувство, которые были мыслями или чувствами бесчисленного множества людей; подумайте, что все эти собранные вместе слова — дело плоти, крови и души родины и человечества».

Словарь — сборник слов (обычно в алфавитном порядке) с пояснениями, толкования

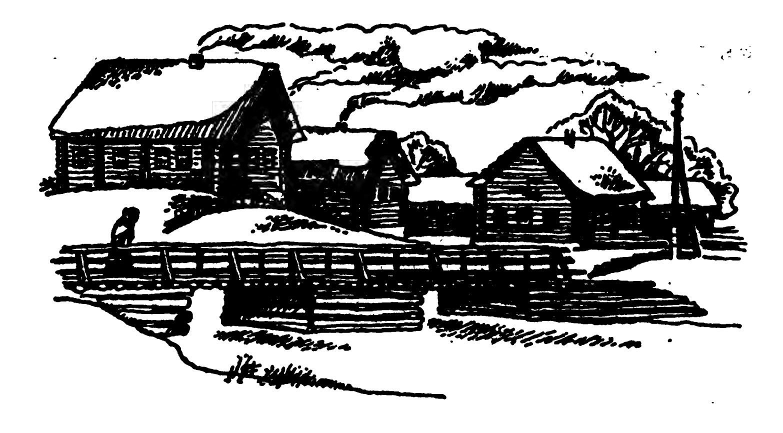
ми или с переводом значений слов с одного языка на другой. Это книга, без которой трудно обойтись школьнику и студенту, преподавателю и учёному, журналисту и писателю. Словари и справочники позволяют человеку расширить свои знания, повысить свою языковую культуру.

Лексикографы (составители словарей) делят все словари на два основных вида: языковые (лингвистические) и энциклопедические. Если нужно узнать значение слова, его произношение, написание, особенности употребления, перевести это слово на другой язык — обращаемся к языковым словарям. А если нас интересуют различные явления жизни — природа, наука и техника, искусство, — поможет словарь энциклопедический.

Любой словарь, как правило, снабжен *предисловием*. Его следует внимательно прочитать, чтобы не тратить времени впустую на поиски нужной справки. Именно в предисловии говорится о составе и расположении слов, о том, как они объясняются.

Научившись пользоваться словарями, вы обязательно полюбите их и согласитесь с Самуилом Яковлевичем Маршаком, который однажды написал:

Усердней с каждым днем смотрю в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь...

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ-МИКИТОВ (1892—1975)

Он прожил долгую, богатую событиями жизнь. Вот что записано в автобиографии: «Родился в 1892 году под Калугою, в лесной конторе купцов Коншиных, у которых отец ходил в приказчиках по лесному делу. Мать — крестьянка Калужской губернии. Ее отец — крепостной, у барина, охотника и доброго чудака, был псарем. Многочисленную псарню барин сохранил и после воли. Поэтому первая память матери — большой двор, и на нем обглоданные конские кости (собак кормили кониной). Семья деда была велика, семнадцать душ, как вообще были велики семьи — со стороны матери и со стороны отца. После учреждения земства (местного самоуправления. — *Ред.*) дед много лет проходил членом управы и, будучи неграмотным, всю «бухгалтерию» вел на бирках — на березовых палках зарубками, — которых после него осталось на чердаке полный «архив». То, что ранние годы, описан-

ные потом в автобиографической повести «Детство» прошли в лесу, в одиночестве, оставило печать на всю жизнь. Учился в Смоленске, в реальном (училище. — *Ред.*). Окончательно изгнали из пятого класса, после чего жизнь «пошла колесом».

Семнадцати лет Иван Соколов-Микитов впервые ушел в море учеником матроса, и жажда странствий не давала ему покоя всю жизнь. На Первую мировую войну отправился добровольцем. Служил в санитарном отряде, а затем стал летчиком. Потом пришлось стать матросом. Потом грянула революция...

Весной 1918 года демобилизовался и уехал в деревню работать школьным учителем. К тому времени уже шесть лет печатались его небольшие произведения. Позже из них складывались целые книги, например сборник очерков *«Северные рассказы»*. В школе Иван Сергеевич вместе с ребятами издавал «Заячью газету» — учились писать друг у друга.

Волей судьбы оказался он в занятом белыми Крыму. Вырваться оттуда удалось только на иностранном пароходе, и лишь в 1922 году он снова вернулся в Россию.

Когда началась Великая Отечественная война, этот уже не очень молодой человек хотел остаться в тылу у немцев, чтобы писать «с натуры» книгу о партизанах. Ему не разрешили — эвакуировали с семьей в Пермь...

В последние годы жизни у писателя пропало зрение, но он не сдался — наговаривал свои произведения на диктофон. Вот такая жизнь — полная любви и внимания к людям к природе, к родной стране.

А напоследок — несколько строк из записной книжки русского писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова: «Никогда не должно быть праздным сердце, — это самый тяжкий порок».

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН (1850—1894)

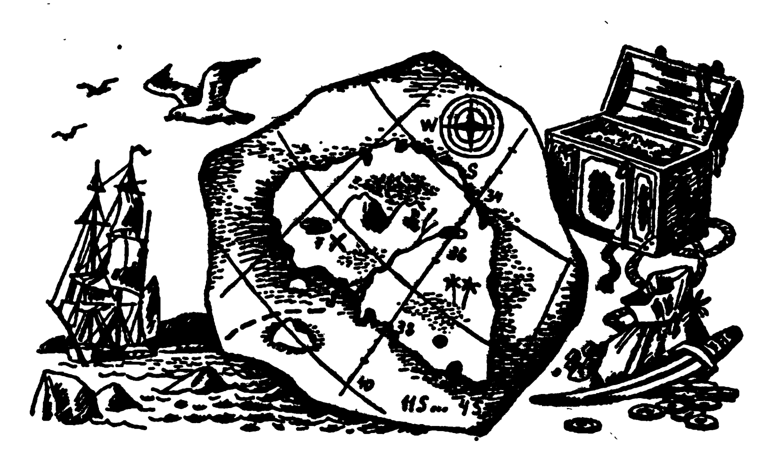
В детстве большую часть времени маленький Роберт Льюис Стивенсон проводил в «Стране кровати». Мальчик был очень слабым и болезненным — иногда родителям казалось, что он не выживет.

Отец и дед его были знаменитыми инженерами, строителями маяков. Стивенсон готовился продолжить семейную традицию: изучал влияние лесов на береговые туманы, даже написал работу о новом источнике света для маяков. Но чахотка (так в те времена называли туберкулез) не позволила осуществить эти планы.

Первую книгу Роберт написал в пятнадцать лет и издал на средства отца. Называлась она «Пентландские восстания. Страница истории, 1666». А мировая слава пришла к нему с романом «Остров сокровищ». Книга была написана в 1883 году, а уже через три года с ней могли познакомиться русские читатели.

Возник роман из игры. Вот как это было:

«Однажды Стивенсон нарисовал для пасынка карту воображаемого острова, потом вокруг карты стало складываться повествование о людях, посетивших этот остров. В ход пошли рассказы моряков, бакенщиков, маячных сто-

рожей, которые Стивенсон слышал в детстве, сопровождая отца в инспекционных поездках по маякам. К юному слушателю присоединился старый, и это именно он, отец Стивенсона, подсказал содержимое пиратского сундука, название корабля капитана Флинта. Так реальные вещи — карта, сундук — породили вымышленную повесть о пиратах, память о которых еще жива была в Англии времен Стивенсона», — пишет в послесловии к роману И. А. Кашкин.

Потом были другие произведения — *«Черная стрела»*, *«Похищенный»*, *«Катриона»*... Стивенсон мечтал, чтобы его книги стали любимыми спутниками моряков, солдат, путешественников. Он хотел, чтобы их перечитывали и пересказывали во время длинных ночных вахт, у походных костров.

Похоже, эта мечта сбылась...

Когда я много дней хворал,
На двух подушках я лежал,
И, чтоб весь день мне не скучать,
Игрушки дали мне в кровать.

Своих солдатиков порой
Я расставлял за строем строй,
Часами вел их на простор —
По одеялу, между гор.

Порой пускал я корабли;
По простыне их флоты шли;
Брал деревяшки иногда
И всюду строил города.

А сам я был как великан,
Лежащий над раздольем стран —
Над морем и громадой скал —
Из простыней и одеял!

Р. Л. Стивенсон,
Перевод В. Я. Брюсова

ИВАН ЗАХАРОВИЧ СУРИКОВ (1841—1880)

Иван Суриков был сыном крепостного крестьянина. Помещик отпустил его отца на заработки в Москву, откуда тот должен был присылать барину деньги — оброк.

Раннее детство Вани прошло в деревне под Ярославлем, но отцу нужен был помощник. С семи лет пришлось мальчику работать в отцовской лавке — убирать, разносить товары.

Он научился читать, полюбил поэзию, сам стал писать стихи. Отец считал, что все это — баловство, что в жизни нужно заниматься прибыльным делом, что «купцу лишняя книжность дохода не даст». А сын продолжал стоять на своем — писать стихи.

Всю жизнь ради куска хлеба он вынужден был заниматься мелкой торговлей, — стихами заработать на жизнь поэту-самоучке не удавалось. Сам Суриков писал об этом в одном из своих стихов:

Поэт! Трудна твоя дорога, —
На ней ты радости не жди:
Тебе страдать придется много
И много слез скопить в груди...

Но постепенно стихи его начинают появляться в печати и даже становятся народными песнями — кто не знает «*Тонкую рябину*» или «*Степь да степь кругом*»...

А вокруг Сурикова собираются такие же, как он, писатели-самоучки. Образуется *Суриковский литературный кружок*. Иван Захарович, уже имевший свои стихотворные книги, помог своим товарищам-поэтам издать общий сборник стихов — «*Рассвет*».

В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далеком неба
Зорька заалела.

Но и та потухла. Топот
В поле раздается:
То табун коней в ночное
По лугам несется.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье!
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Все темней, темней и тише...
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст — и снова
Все смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несется ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то, все в белом,
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонек разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

И. З. Суриков

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ (1910—1971)

В древнем русском городе Смоленске не так давно открыли памятник. Сидят на бревнышке и беседуют Александр Твардовский и Василий Теркин. Поэт и его герой.

Поэт родился на Смоленщине, в семье кузнеца. Стихи начал писать с раннего детства. С

отличием окончил Московский институт истории, философии и литературы. За поэму «Страна Муравия» студент последнего курса Александр Твардовский был награжден высшим орденом страны — орденом Ленина.

В 1939 году началась советско-финская война, в которой Александр Твардовский принимал участие как военный корреспондент газеты «На страже Родины». В редакции работала целая группа писателей и художников. Они решили завести в газете коллективный ежедневный фельетон со стихами и картинками. Так родился литературный герой — боец Вася Теркин.

Когда завершилась война, казалось, что закончится и литературная жизнь солдата Теркина. Но впереди была другая война, более долгая и кровопролитная, — Великая Отечественная.

Поэта на той войне ждали новые испытания: с редакцией он попал в самое пекло, в кромешный ад отступления:

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной...

Первые главы новой поэмы Твардовского «Книга про бойца» со старым героем — Василием Теркиным были напечатаны 4 сентября 1942 года. И всю войну солдат Василий Теркин шел рядом со своим создателем-поэтом по трудным военным дорогам.

Война давно закончилась. Все меньше старых солдат приходит на встречи ветеранов в

День Победы. А поэт и его герой сидят рядышком и беседуют. Вспоминают войну. Наблюдают за нами — сегодняшними...

Листая страницы...

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Это стихотворение написано А.Т. Твардовским в 1966 году — более, чем через двадцать лет после окончания войны.

МАРК ТВЕН
(1835—1910)

«Вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется **«Приключения Гекльберри Финна»**. Это лучшая наша книга... Ничего подобного до нее не было. Ничего равного не написано до сих пор». Так оценил творчество Марка Твена американский писатель *Эрнест Хемингуэй.*

Настоящее имя Марка Твена — **Сэмюэл Клеменс**. Он родился в маленькой деревушке Флорида (штат Миссури), у самого *фронтира*. Фронтиром называли границу, отделяющую

обжитые земли от необжитых, — в ту пору шло активное освоение Дикого Запада.

В автобиографии (описании собственной жизни) Твен рассказал об этом так: «В деревушке было сто человек жителей, и я увеличил население ровно на один процент. Не каждый исторический деятель может похвастаться, что сделал больше для родного города».

Вскоре семья переехала в Ганнибал — городок на берегу реки Миссисипи. Там Сэмюэл Клеменс подружился с маленьким бродягой Томом Бленкеншипом, которого вывел потом на страницы своих произведений под именем Гека Финна. В Ганнибале будущий писатель познакомился и с индейцем Джо. «В книге, которая называется «Том Сойер», я заморил его до смерти в пещере, но единственно в интересах искусства — на самом деле этого не было», — писал потом Марк Твен.

Сэмюэлу Клеменсу было двенадцать лет, когда отец его умер, и сыну пришлось зарабатывать на жизнь своим трудом. Он изучил профессию наборщика и стал работать в разных

типографиях — превратился в «странствующего» наборщика. Заметим, что Марк Твен стал первым в истории писателем, сдавшим в издательство свою рукопись, отпечатанную на пишущей машинке, что очень облегчило работу наборщиков.

В двадцать лет Клеменс стал *лоцманом* (специалистом по проводке судов) на Миссисипи. Он так полюбил эту профессию, что даже в качестве псевдонима взял лоцманский термин (терминами языковеды называют специальные слова, употребляемые в той или иной профессии или области знаний).

Нелегка была жизнь Сэмюэла Клеменса, а произведения Марка Твена искрятся *юмором*. Один из первых его юмористических рассказов назывался «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». В 1955 году в Америке в память о Марке Твене прошел первый чемпионат по прыжкам среди лягушек.

А в маленьком американском городке Ганнибале и сегодня можно встретить двух отлитых из бронзы мальчишек: это куда-то спешат по своим важным делам знаменитые герои Марка Твена — *Том Сойер* и *Гек Финн*.

Листая страницы...

Став взрослым, он не часто бывал там, где прошли его детство и юность. Но река оставалась с ним и в эти долгие годы разлуки. Сердце Марка Твена было отдано ей навеки. Своему другу писателю Хоуэлсу он признавался: «Я из

тех, кто в любую минуту бросил бы литературу, чтобы снова встать за штурвал».

И свое литературное имя он выбрал не случайно. Во времена, когда он был лоцманом, на всем течении Миссисипи, перерезавшей Америку пополам с севера на юг, не было ни одного маяка — только одноразовые буйки, которые ставил сам лоцман, шестом прощупав дно и сбросив с вельбота загнутую доску с тяжелым камнем на одном конце, свечкой в бумажном фонарике — на другом. Лоцман замерял глубину и кричал своему помощнику на рубку: «Марк твен!» — отметь, что до дна две сажени (около четырех метров), и, значит, пароход может пройти.

За этой подписью — Марк Твен — с 1863 года выходило в свет все, что он напечатал. Должно быть, закончив книгу и подписывая ее, он каждый раз вспоминал свои родные места и вольную речную жизнь. И ему хотелось, чтобы в написанном им всегда была частичка этого неповторимого света, глоток воздуха, который при одном воспоминании кружил ему голову ощущением бесконечного счастья.

Из книги А. М. Зверева
«Мир Марка Твена»

ДЖОН РОНАЛЬД РУЭЛ ТОЛКИЕН
(1892—1973)

Какие они — *хоббиты*? Спросим того, кто их придумал. Кстати, во всем мире его называют не длинно — **Джон Рональд Руэл Толкиен**, а гораздо короче: **Дж.Р.Р.**

Итак, вот данное Дж.Р.Р. описание хоббитов: «...В наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа, как они называют нас, людей. Сами они низкорослый народец, примерно вполовину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже в общем-то ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами, с шумом и треском ломятся, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зеленое и желтое; башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов длинные ловкие темные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится)...»

Дж.Р.Р. родился более ста лет назад в Оранжевой республике, на самом юге Африки. В

десять лет он влюбился в девочку, а став взрослым, женился на ней. А еще он стал известным английским ученым и одним из самых известных и читаемых писателей мира. Как ученый, профессор английской филологии (языкознания), он составил словарь среднеанглийского языка, а как писатель — создал новый жанр, объединивший *сказку, приключения, фантастику*. Этот жанр сейчас называют фэнтэзи.

«Хоббит» был написан в 1937 году, а русский его перевод появился лишь в 1976-м, когда самого Дж.Р.Р. уже не было на свете. Кроме «Хоббита», Толкиен написал трилогию «Властелин колец», которая пришлась по вкусу подросткам и тем, кто постарше, — они с удовольствием и «на полном серьезе» играют, перевоплощаясь в героев, придуманных Дж.Р.Р.

Листая страницы...

Вот карта местности, где разворачивались приключения, описанные в книге «Хоббит, или Туда и Обратно». Ее, как и хоббита, нарисовал художник М. Беломлинский.

А вот как все начиналось:

Жил-был в норе под землей хоббит. Не в какой-то там мерзкой, грязной, сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего

съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная.

Она начиналась идеально круглой, как иллюминатор, дверью, выкрашенной зеленой

краской, с сияющей медной ручкой точно посередине. Дверь отворялась внутрь, в длинный коридор, похожий на железнодорожный туннель, но туннель без гари и дыма и тоже очень благоустроенный: стены там были обшиты панелями, пол выложен плитками и устлан ковром, вдоль стен стояли полированные стулья, и всюду были прибиты крючочки для шляп и пальто, так как хоббит любил гостей. Туннель вился все дальше и дальше и заходил довольно глубоко, но не в самую глубину Холма, как его именовали жители на много миль в окружности. По обеим сторонам туннеля шли двери — много-много круглых дверей. Хоббит не признавал восхождений по лестницам: спальни, ванные, погреба, кладовые (целая куча кладовых), гардеробные (хоббит отвел несколько комнат для хранения одежды), кухни, столовые располагались в одном этаже и, более того, в одном и том же коридоре. Лучшие комнаты находились по левую руку, и только в них имелись окна — глубоко сидящие круглые окошечки с видом на сад и на дальние луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельный хоббит по фамилии Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времен и считались очень почтенным семейством не только потому, что были богаты, но и потому, что с ними никогда ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного: всегда можно было угадать заранее, не спрашивая, что именно скажет тот или иной Бэггинс по тому или иному поводу. Но мы вам поведаем историю о том, как одного из Бэггин-

сов втянули-таки в приключения, и, к собственному удивлению, он начал говорить самые неожиданные вещи и совершать самые неожиданные поступки. Может быть, он и потерял уважение соседей, но зато приобрел... впрочем, увидите сами, приобрел он что-нибудь в конце концов или нет...

Из книги Дж.Р.Р. Толкиена «Хоббит» в переводе Н. Рахмановой

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ (1817—1875)

Возможно, вы уже читали сказку А. Погорельского «Черная курица...», в которой мальчик Алеша попал к подземным жителям. Эту сказку писатель сочинил для своего племянника Алеши Толстого. В жизни сказочного героя много похожего на жизнь реально существовавшего мальчика.

Случилось так, что родители Алеши расстались сразу после его рождения. Воспитанием мальчика занималась мать, она приглашала для сына русских учителей и иностранных *гувернеров* (воспитателей). Читать Алеша научился очень рано, полюбил стихи и начал сочинять сам. «С шестилетнего возраста я начал марать бумагу — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов», — вспоминал он, став взрослым.

Всю жизнь **Алексей Константинович Толстой** любил путешествовать; в поездках вел дневники, где записывал свои путевые впечатления, встречи, события. Не забывал и стихи.

Дядя-писатель поощрял поэтические опыты племянника. Он показал стихи юного Алексея своим знакомым поэтам — А. С. Пушкину и В. А. Жуковскому. Стихи произвели на них хорошее впечатление.

Так литература стала главным делом Алексея Константиновича Толстого. Наряду со *стихами* он писал *фантастические повести, драматические произведения* на темы русской истории. Широко известен его исторический роман «Князь Серебряный».

Следовало бы рассказать подробно еще об одной стороне творчества А. К. Толстого, но мы, пожалуй, предложим нашим читателям самостоятельно отыскать нужную статью в книге «Культура» серии «Я познаю мир». Для этого в предметно-именном указателе найдите имя «Козьма Прутков» — и перед вами откроется еще одна грань таланта Алексея Константиновича Толстого.

Листая страницы...

Илья Муромец — богатырь, герой русских былин. Вот каким его увидел Алексей Константинович Толстой:

Под броней с простым набором*,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

---

* *Под броней с простым набором* — в броне, просто, скромно украшенной.

* * *

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир*, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

* * *

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

Но обнес меня ты чарой**
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

* *Владимир* — киевский князь.

** *Обнес чарой* — не первому предложил на пиру чару вина и этим обидел старого богатыря.

* * *

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

Душно в Киеве, что в скрине*,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

* * *

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

* *Скрин или скриня* — сундук, ларец.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ
(1882—1945)

Толстые — старинная русская дворянская фамилия. Эту фамилию носили три знаменитых русских писателя: Алексей Константинович, Лев Николаевич и **Алексей Николаевич** — «третий Толстой», «Толстой-младший», как он сам себя называл.

Еще в детстве будущий писатель познакомился с деревянным сказочным человечком: в Европе была широко известна повесть о Пиноккио. Написал ее Карло Коллоди. Свою настоящую фамилию — Лоренцини — он заменил названием маленького итальянского городка Коллоди. Пиноккио в конце концов

превращается в настоящего живого мальчика, умного и красивого. А в городе Коллоди стоит памятник деревянному человечку (в мире не так уж много памятников литературным героям).

Много лет работал Алексей Николаевич Толстой над пересказом итальянской сказочной повести. Но писательская фантазия завела его в совершенно другую сказочную страну — не ту, о которой писал Коллоди. Другим стало имя героя, появились совершенно новые персонажи, и приключения они переживают совершенно новые. Так родилась сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

И пусть Буратино в отличие от Пиноккио так и не стал живым мальчиком, остался деревянной куклой — он был и остается одним из самых любимых героев русской детской литературы.

Разумеется, А. Н. Толстой писал не только сказки. «Взрослые» его книги — такие, как исторический роман «Петр I», *трилогия* (цикл из трех произведений) «Хождение по мукам», фантастические романы «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» — вы прочтете, когда станете старше.

Листая страницы...

Однажды мальчик Никита поднял выпавшего из гнезда скворчонка. Птенца оставили в доме, дав ему кличку «Желтухин». Вот что из этого вышло:

«...Он (скворчонок. — *Ред.*) опять обошел подоконник и увидел ужасное животное: оно шло, кралось на мягких коротких лапах, животом ползло по полу. Голова у него была круглая, с редкими усами дыбом, а зеленые глаза, узкие зрачки, горели дьявольской злобой. Желтухин даже присел, не шевелился.

Кот Василий Васильевич мягко подпрыгнул, вцепился длинными когтями в край подоконника — глядел сквозь марлю на Желтухина — и раскрыл рот... Господи!.. во рту, длиннее Желтухиного клюва, торчали клыки... Кот ударил короткой лапой, рванул марлю... У Желтухина нырнуло сердце, отвисли крылья... Но в это время — совсем вовремя — появился Никита, схватил кота за отставшую кожу и швырнул к двери. Василий Васильевич обиженно взвыл и убежал, волоча хвост.

«Сильнее Никиты нет зверя», — думал после этого случая Желтухин, и, когда опять подошел Никита, он дал себя погладить по головке, хотя со страху все же сел на хвост.

Кончился и этот день. Наутро совсем веселый Желтухин опять пошел осматривать помещение и сразу же увидел дыру в том месте, где кот рванул марлю когтем. Желтухин просунул туда голову, осмотрелся, вылез наружу, прыгнул в текучий легкий воздух и, мелко-мелко трепеща крылышками, полетел над самым полом.

В дверях он поднялся и во второй комнате, у круглого стола, увидел четырех людей. Они ели — брали руками большие куски и клали их в рот. Все четверо обернули головы и, не двигаясь, глядели на Желтухина. Он понял, что нужно остановиться в воздухе и повернуть назад, но не мог сделать этого трудного, на всем лету, поворота — упал на крыло, перевернулся и сел на стол, между вазочкой с вареньем и сахарницей... И сейчас же увидел перед собой Никиту. Тогда, не раздумывая, Желтухин вскочил на вазочку, а с нее на плечо Никиты и сел, нахохлился, даже глаза до половины прикрыл пленками.

Отсидевшись у Никиты на плече, Желтухин вспорхнул под потолок, поймал муху, посидел на фикусе в углу, покружился под люстрой и, проголодавшись, полетел к своему окну, где были приготовлены для него свежие червяки.

Перед вечером Никита поставил на подоконник деревянный домик с крылечком, дверкой и двумя окошечками. Желтухину понравилось, что внутри домика — темно, он прыгнул туда, поворочался и заснул.

А той же ночью, в чулане, кот Василий Васильевич, запертый на замок за покушение на

разбой, орал хриплым мявом и не хотел даже ловить мышей — сидел у двери и мяукал так, что самому было неприятно.

Так в доме, кроме кота и ежа, стала жить третья живая душа — Желтухин...»

Из повести А. Н. Толстого «Детство Никиты»

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1828—1910)

Полное собрание сочинений этого писателя составляет девяносто томов. Его книги, переведенные на разные языки, уже более ста лет читают люди во всем мире. Вам еще предстоит познакомиться с большей частью написанного великим писателем, но одна из его книг прекрасно известна даже самым юным читателям и тем, кто читать еще не умеет. Это «Азбука» Льва Николаевича Толстого.

Толстой умел разговаривать с детьми, знал множество сказок и историй. Его с удовольствием слушали как родные внуки, так и крестьянские дети. А рассказать он мог о многом, ведь его собственные интересы были очень разносторонними.

В шестнадцать лет Лев Толстой поступил в Казанский университет, но после трех лет учебы решил перейти на *самообразование* — учиться самостоятельно по собственному плану. Он изучал историю и музыку, рисование и медицину, юридические науки и сельское хозяйство. И всю жизнь Толстой пополнял свои знания.

Пришлось Толстому и в армии служить. В 1855 году, во время *Крымской войны*, он командовал батареей в осажденном Севастополе и там же — в окопах, под пулями — писал свои «Севастопольские рассказы». Возможно, он достиг бы высоких чинов в армии, но после окончания войны решил оставить службу, поселился в усадьбе *Ясная Поляна* под Тулой и занялся литературой.

В Ясной Поляне Лев Николаевич Толстой открыл школу для крестьянских детей, сам преподавал в ней и решил написать учебную книжку для самых маленьких. Назвал он ее *«Азбука»*, но это была скорее энциклопедия в четырех томах. Огромную работу проделал писатель, добиваясь, чтобы, как он сам говорил, все было «красиво, коротко, просто и, главное, ясно».

Первое издание «Азбуки» пришло к читателям в 1872 году, и писатель отмечал, что она «печатается с одного конца, а с другого все пишется и прибавляется. Эта азбука одна, — продолжал Толстой, — может дать работы на сто лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литературы, нужны все естественные науки, астрономия, физика».

Когда вы будете читать «взрослые» книги Толстого — «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», — вспомните, как серьезно относился он к книгам для детей. Может быть, потому и помнят маленькие дети, взрослые и даже очень пожилые люди сказку *«Три медведя»*, быль *«Филипок»*, басню *«Два товарища»*, что написаны они коротко, просто и ясно.

Этот рисунок был сделан *А. Пахомовым* для книжки, напечатанной в 1954 году, а текст — из «Азбуки» Л.Н.Толстого, которой к тому времени было уже без малого сто лет.

У Груши не было куклы, она взяла сена, свила из сена жгут, и это была ее кукла; звала она ее Маша. Она взяла эту Машу на руки: «Спи, Маша! Спи, дочка! Баю, баю, бай!»

ЦАКАРИАС ТОПЕЛИУС
(1818—1898)

Старинная скандинавская легенда рассказывает о княгине лебедей Радигундис. Пролетает она в лебединой стае над землей и изредка роняет перо. Кто поднимет это перо — станет поэтом. Однажды белое перо Радигундис поднял Цакариас Топелиус, и начал он писать книги. Его имя узнали и богачи, и бедняки, и стар, и млад...

Родился Цакариас Топелиус в Финляндии, но писал по-шведски (шведский — второй государственный язык в Финляндии, которая до 1809 года входила в состав Швеции). Отец его был знаменитым ученым — врачом и собирателем финских рун (народных сказаний). Говорили в семье по-шведски, а финскому языку маленький Цакариас учился, слушая сказки

своей старой няньки Бриты. Мальчик рос, веря в сказки, а когда вырос, сам начал их сочинять. Топелиус помнил слова отца: «Настоящий человек должен жить с пером в руке».

Не только сказки писал своим волшебным пером Топелиус, но именно они принесли ему славу «Волшебника из Финляндии» и были переведены на многие языки. Русские дети отлично знакомы с Сампо-лопаренком и другими героями Топелиуса.

Одна норвежская писательница рассказывала: «В детстве я читала Топелиуса и любила его до такой степени, что до сих пор помню каждую его книгу и каждую его сказку». Писательнице этой было тогда шестьдесят три года.

А вы помните сказки Топелиуса?..

Листая страницы...

Жили-были когда-то лопарь и лопарка, муж и жена... А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут?

Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Живут лопари далеко на Севере — севернее, чем шведы, норвежцы и финны.

Если ты взглянешь на большую карту, ты увидишь — как будто белый колпак надет на голову Финляндии. Вот это и есть страна, где живут лопари. Называется она Лапландия.

Удивительная это страна! Полгода там не заходит солнце, и тогда ночью, так же, как днем, совсем светло. А потом полгода длится

непрерывная ночь, и тогда даже днем на небе сверкают звезды.

Зима там тянется долгих десять месяцев — почти весь год, а на весну, лето и осень остается только два месяца. Но лопари не боятся зимы. Пусть хоть круглый год держится санный путь! Все они — и взрослые, и маленькие — где угодно проедут в своих небольших, легких санях.

И в упряжке там ходят не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя?

Он похож на низкорослую лошадку, шерсть у него серая, шея короткая, а его маленькую голову с большими ясными глазами украшают ветвистые рога.

И, когда олень бежит, кажется, будто ветер проносится по горам и холмам, взметая снежные тучи.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из оленьих шкур.

Построить такой дом очень просто: надо взять несколько длинных, тонких жердей, воткнуть их в снег, потом верхние концы жердей связать вместе и покрыть оленьими шкурами. Вот и все. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а чум.

Вверху оставляют небольшое отверстие — оно заменяет в чуме печную трубу. Когда в очаге разводят огонь, через это отверстие дым вытягивает наружу. Внизу, с южной стороны, тоже оставляют отверстие — оно служит дверью: через него можно забраться в чум и выбраться из него.

Вот как живут лопари! Вот какая это страна!

А теперь начнем сказку сначала...

Из сказки Ц. Топелиуса
«Сампо-лопаренок»
в пересказе А. Любарской

ПАМЕЛА ТРЕВЕРС

Откуда пришла Мэри Поппинс? На этот вопрос ответить очень трудно. Обычно считается, что литературного героя придумывает автор. Но писательница **Памела Треверс** заявляет: «Я никогда ни минуты не воображала, что я ее выдумала. Возможно, она выдумала меня...»

Жизнь самой писательницы окутана тайной. Известно только, что родилась она в Австралии, а сейчас живет в Англии. Когда вышла первая книга о **Мэри Поппинс**, читатели не знали об авторе ничего — не знали даже, мужчина это или женщина...

Русских читателей впервые познакомил с героями Памелы Треверс поэт и переводчик **Борис Заходер**, потом появились и другие переводы сказочной повести о Мэри Поппинс. А таинственная Памела Треверс продолжает писать историю жизни своей героини и всех, кто интересуется ее, Памелы, биографией, отсылает к биографии «неизвестно откуда взявшейся» мисс Поппинс.

Многие книги о Мэри Поппинс проиллюстрированы художницей *Мэри Шепард.* Вот какой она видит героиню Памелы Треверс.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ
(1818—1883)

«Я никогда не мог творить из головы. Мне для того, чтобы вывести какое-нибудь вымышленное лицо, необходимо избрать себе живого человека, который служил бы мне как бы руководящей нитью...» Это слова великого русского писателя **Ивана Сергеевича Тургенева.**

С многими героями своих будущих произведений Тургенев познакомился еще в детстве. Отец его был гусарским офицером. Мать — из богатой помещичьей семьи Лутовиновых. Раннее детство писателя прошло в родительском поместье Спасское-Лутовиново на Орловщине. Потом семья переехала в Москву, где братья Иван и Николай учились сначала в частном пансионе, а потом — с домашними учителями.

В пятнадцать лет Иван Тургенев стал студентом словесного отделения Московского университета, через год перешел в университет в Петербурге, а завершил свое образование за границей. Свой литературный путь он начал как поэт.

Вернувшись в Россию, Тургенев стал писать рассказы о жизни русской деревни. Со временем эти рассказы составили замечательную книгу — **«Записки охотника»**. Книга не понравилась властям. Министр просвещения в докладе царю писал, что рассказы «имеют решительное направление к унижению помещиков, которые представлены в карикатурном или, еще чаще, в предосудительном виде». Был найден повод, и Тургенева арестовали. Затем отправили в ссылку — все в то же Спасское-Лутовиново...

Основная тема всего творчества писателя — жизнь русской деревни, помещичьих усадеб, крестьянских общин. К этой теме писатель обращался и в своих знаменитых романах — *«Рудин»*, **«Отцы и дети»**, *«Дворянское гнездо»* и др. Тургенев — прекрасный мастер литературного пейзажа, страстно любящий русскую природу, свое Спасское-Лутовиново.

Последние годы жизни Иван Сергеевич, к тому времени автор многих литературных произведений, провел за границей, вспоминая родину. Одному из своих знакомых он писал: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, — родине поклонитесь...»

Этот день навсегда остался в памяти Ивана Сергеевича Тургенева... Был летний вечер, заря погасла, в саду «начинали густеть и разливаться холодные тени...». В доме Тургеневых необычно рано все затихло: барыня удалилась в свои покои и приказала ее не тревожить. В доме не зажигали света, говорили шепотом.

В этот час крепостной слуга, осторожно ступая, прошел по комнатам, остановился возле детской и едва слышно постучал. И тотчас из нее вышел мальчик лет девяти.

— Достал ключ? — шепотом спросил он.

— Выпросил у камердинера... Но боязно, барин: ну как маменька узнают...

— Она спит, наверно... Пойдем, — сказал мальчик, тоже замирая от страха. Стараясь не произвести никакого шума, они двинулись дальше. В комнате, куда они вошли, было почти темно. По стенам стояли высокие шкафы.

— Сюда, — сказал мальчик, подходя к одному из шкафов, за стеклами которого тускло поблескивали переплеты старинных книг. Затаив дыхание, он с трудом открыл дверцу шкафа.

— Высоко... Недостать, — вздохнул он.

— А я подсажу, — с готовностью предложил провожатый и нагнулся. Вскарабкавшись к нему на плечи, мальчик достал из шкафа две книги...

Долго потом не мог уснуть Ваня, младший сын Варвары Петровны Тургеневой, — властной и своенравной помещицы. Своеволие ее не

имело границ. В доме была богатая библиотека, но шкафы хозяйка держала на замке и пользоваться книгами не разрешала никому, даже своим сыновьям.

Все в имении подчинялись воле капризной барыни. Малейшее непослушание грозило жестокой расправой. «Матери я боялся как огня... Меня наказывали за всякий пустяк... Редкий день проходил без розог», — вспоминал Иван Сергеевич.

Родители Тургенева жили в Орле. Здесь в 1818 году родился Иван Сергеевич. Вскоре после его рождения семья переехала в родовое имение Спасское-Лутовиново. Здесь и прошло детство будущего писателя. С ранних лет видел Тургенев, как живут крепостные крестьяне. На глазах мальчика их пороли, высылали в дальние деревни, разлучали с родными. «Хочу казню, хочу милую», — часто повторяла она (мать).

Маленький Ваня подружился с крепостным слугой, который был страстным любителем чтения. Тайно от матери открыли они однажды заветный книжный шкаф. Это событие стало знаменательным в жизни Вани. С этого времени и началось его увлечение литературой, которая позднее стала делом всей его жизни.

Улучив удобную минуту, когда барыня после обеда удалялась на покой, крепостной слуга, словно «сказочный пустынник или добрый дух», появлялся перед Ваней и звал его в глубь сада. Там он читал мальчику одну из добытых ими книг — поэму Хераскова* «Россия-

---

* Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — русский писатель.

да», где рассказывалось о взятии города Казани царем Иваном Грозным. На всю жизнь запомнил Тургенев эти чтения и впоследствии рассказал о них в повести «Пунин и Бабурин».

«И вот удалось нам уйти незамеченными, — писал он, — вот мы благополучно достигли одного из наших тайных местечек, мы сидим уже рядком, и книга медленно раскрывается... Раздаются наконец первые звуки чтения! Все вокруг исчезает... никто не знает, где мы, что мы — а с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое тайное дело...»

Фрагмент статьи И.В. Румянцева
из сборника «Люблю Отчизну я...»

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ (1803—1873)

Первое свое стихотворение этот поэт написал в четырнадцать лет, а первая его книжка вышла, когда ему уже стукнуло пятьдесят. Было в ней сто стихотворений, а всего он создал их чуть более трехсот. Не очень много для известного поэта — и этому есть объяснение. Главным делом в жизни **Федора Ивановича Тютчева** была дипломатическая служба, а уж потом — стихи.

Богато одаренный с раннего детства — сегодня такого ребенка назвали бы *вундеркиндом*, — Федор Тютчев в пятнадцать лет уже был студентом Московского университета, в восемнадцать закончил учебу и уехал на службу в русское посольство за границу.

«Я более всего любил в мире отечество и

поэзию», — писал он. Особенно часто вспоминал Тютчев вдали от России родную природу с ее неброской, скромной красотой...

Листая страницы...

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Ф. И. Тютчев

ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ УСПЕНСКИЙ (р. 1937)

Рассказ об этом писателе начнем с диалога его героев — *кота Матроскина* и *профессора Семина*. Профессор изучал язык зверей и вдруг узнал, что его собственный кот может говорить по-человечьи:

— Вот я уточнить хочу. Как будет на́ кошачьем языке: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю»?

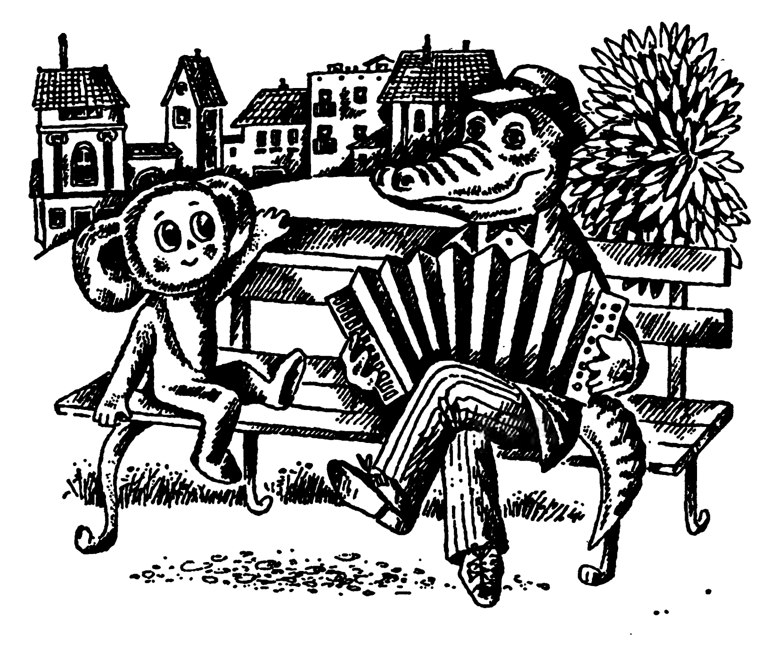
Матроскин отвечал:

— Это не на языке, это на когтях будет. Надо спину выгнуть, пра́вую лапу поднять и когти вперед выпустить.

— А если «ш-ш-ш-ш-ш-ш» добавить? — спрашивает профессор.

— Тогда, — говорит кот, — это уже ругательство получается кошачье. Что-то вроде: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю. А идите лучше к собачьей бабушке».

Эдуард Успенский сам прекрасно умеет разговаривать с животными. Пожалуй, лучше

него никто не беседует с героями телепередачи «Спокойной ночи, малыши!» Филей, Степашкой и особенно с Хрюшей! Рядом с ним в его доме постоянно живут собака, две кошки и попугай. А недавно состоялось замечательное событие — торжественное открытие *«кошкохода»* (специального туннеля в стене, через который кошки могут покидать дом и возвращаться в него без помощи хозяина).

Эдуард Успенский окончил в 1961 году Московский авиационный институт. Почему-то именно в этом институте учились многие писатели-юмористы. Только Успенский — не простой юморист, а детский. Поэтому среди его героев много детей, которые часто попадают в различные забавные ситуации. Но пересказывать произведения Успенского здесь нет

никакого смысла, ведь его книгу можно найти в каждой библиотеке.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ (1824—1870)

«Когда исчезает народный язык — народа нет более», — считал **Константин Дмитриевич Ушинский.** Окончив юридический факультет Московского университета, он всю свою жизнь отдал *педагогике* — науке о воспитании детей.

Ушинский работал учителем и считал, что все ученики должны обязательно овладеть «даром слова», хорошо освоить родной язык. А для этого нужно читать хорошие книги, чувствовать и понимать народную мудрость, выраженную в пословицах, загадках, сказках.

Вот эти-то хорошие книги, написанные разными писателями, а также народное творчество решил Константин Дмитриевич собрать «под одной обложкой». Ведь в его время библиотек было не так много, как сейчас, и найти нужную книгу порой бывало трудно даже учителям.

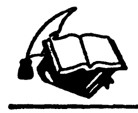
Первая книга, составленная Ушинским, называлась **«Детский мир»** и предназначалась для ребят 10—11 лет. В этой книге были разделы: «Первое знакомство с родиной», «Из русской истории», «Из географии» и другие. Входили в книгу также стихи, басни, отрывки из произведений русских писателей.

Через три года Ушинский создал еще одну книгу — **«Родное слово»**. Она была адресована

младшим детям — 6—9 лет, поэтому состояла из азбуки и двух книг для чтения. В «Родном слове» было особенно много поговорок, пословиц, скороговорок, загадок.

Книгу сразу приняли во все начальные школы, и более сорока лет многие поколения русских людей учились грамоте и чтению по книгам Константина Дмитриевича Ушинского.

Листая страницы...

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО

Наше Отечество, наша Родина — матушка Россия. Отечеством мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовем ее потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком и все в ней для нас родное; а матерью — потому, что она вскормила нас своим хлебом,

вспоила своими водами, выучила своему языку; как мать она защищает и бережет нас от всяких врагов...

Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

К. Д. Ушинский

ИВАН ФЕДОРОВ
(ок. 1510—1583)

В 1563 году в Москве, в **типографии**, устроенной на средства царской казны, началась работа над первой русской книгой, имеющей *выходные данные*. До этого книги в Москве уже печатались, но их называют «безвыходными» — неизвестно, кто и когда выпустил их в свет. Первая книга с указанием времени и места издания, а также имен мастеров-печатников была закончена в марте 1564 года, а руководил ее выпуском дьякон церкви Николы Гостунского **Иван Федоров**. Помогал ему *Петр Мстиславец*. Называлась эта книга «Апостол».

Вскоре Иван Федоров покинул Москву и следующую свою типографию устроил в Заблудове, имении украинского *гетмана* (правителя) Г. А. Ходкевича. Потом во Львове он напечатал первый русский **Букварь**, единственный экземпляр которого дошел до наших дней и сейчас хранится в США. Князь В.К. Острожский предложил мастеру книжного дела поработать в городе Остроге. Здесь в 1581 году была напечатана знаменитая Острожская Библия.

Все книги, созданные Иваном Федоровым, — замечательные образцы печатного искусства. Они отличаются четким, красивым **шрифтом** (начертанием букв), искусно гравированными украшениями — *заставками, концовками, фигурными заглавными буквами*. Многие книги снабжены предисловиями или послесловиями, написанными от имени мастеров-печатников. В них Иван Федоров сообщил сведения об истории книгопечатания, рассказал о себе.

Закончил свою жизнь русский первопечатник во Львове, не нажив богатства.

В 1909 году в Москве был установлен памятник Ивану Федорову, созданный скульптором С. М. Волнухиным. Стоит бронзовый книжных дел мастер неподалеку от того места, где была его типография, где печатал он первые в России книги.

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ (1820—1892)

Сын орловского помещика **Афанасий Фет**, по его собственным словам, с детства был «жаден до стихов». Он разыскивал их, учил наизусть, сам очень рано стал писать.

Когда Фет уже был студентом философского факультета Московского университета, он решил показать свои стихи **Н. В. Гоголю.** Гоголь нашел у юного поэта «несомненное дарование», и в 1840 году вышел первый сборник стихов Афанасия Фета.

Фет очень любил русскую природу — ведь вырос он в деревне, вместе с крестьянскими ребятишками бегал по лесу, ловил птиц, ездил верхом. Русской природе посвящена значительная часть его стихов.

Листая страницы...

Мама! Глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый*

* *Тороватый* — щедрый.

Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

А. А. Фет

ФОЛЬКЛОР

Английское слово **фольклор** (народная мудрость, народное знание) впервые употребил в одной из своих статей английский историк Вильям Томсон. Было это в 1846 году. Новое слово приняли ученые и в других странах, но понимают его по-разному. Американские и западноевропейские ученые фольклором называют все виды народного искусства — музыку и танцы, резьбу по дереву и вышивку, словесное творчество. А российские ученые

словом *фольклор* обозначают лишь словесное искусство народа.

Возник фольклор тогда, когда еще не было письменности. Его произведения передавались от человека к человеку устно — отсюда русское название фольклора: *устное народное творчество*. И в этом — главное отличие фольклора от литературы, устного искусства слова от письменного.

Конечно, сейчас не составляет труда записать любое фольклорное произведение — *былину, сказку, песню, частушку*. Но один ученый-фольклорист сказал об этом так: «Фольклорное произведение, распространяемое устно, и фольклорное произведение, записанное, напечатанное, — это все равно что живая жизнь и фотография: на снимке запечатлен какой-то миг, но жизнь от этого не остановилась, продолжается дальше».

Вот так и живет народная мудрость — передаваясь из уст в уста. Правда, теперь все реже можно услышать **былины** — сказания о русских богатырях — **и сказки** детям теперь чаще не рассказывают, а читают по книжке. Но можно еще на гулянье услышать веселую **частушку** или **народную песню**. А ребята из поколения в поколение передают **загадки**, **считалки**, *дразнилки*, не думая при этом, что они являются хранителями народной мудрости.

Вот какую сказку записал ученый-фольклорист *В. Бахтин* в одной из экспедиций.

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Жили-были три брата. Один безногий удался — наперегон с зайцами гонялся. Второй косолапый, больно прыток удался. А третий одно и знал, что ворон считал.

Вот собрались три брата в лес дрова резать. Пока безногий за зайцами гонялся, косолапый ноги распрямлял, третий всех ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Надо ужин варить. А огня-то нет!

Вот срубили три брата большую сосну. Сложили костер. Полез смотреть один из братьев — нет ли где огоньку. И увидел впрямь огонек. Ну вот и пошел безногий. Видит: около огонька сидит старичок. Он и просит:

— Дедушка, дай огоньку!

Тот говорит:

— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь. Хоть песню спой!

Тот говорит:

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не учился.

— Сказку скажи!

— Тоже не знаю.

— Ну и убирайся с чем пришел!

Так и второй брат пошел и тоже ни с чем вернулся. Такие же ответы были. Тогда подошел третий:

— Здорово, дед!

— Здорово, свет!

— Дедушка, дай огоньку!

— А ты старика меня потешь, — говорит. — Песню спой!

— Не умею.

— Ну так, — говорит, — спляши!

— Тоже не горазд.

— Ну так сказку скажи!

— Ну, — говорит, — это мое дело. Только уговор: не любо — не слушай, а врать не мешай! А если перебьешь — сто рублей с тебя.

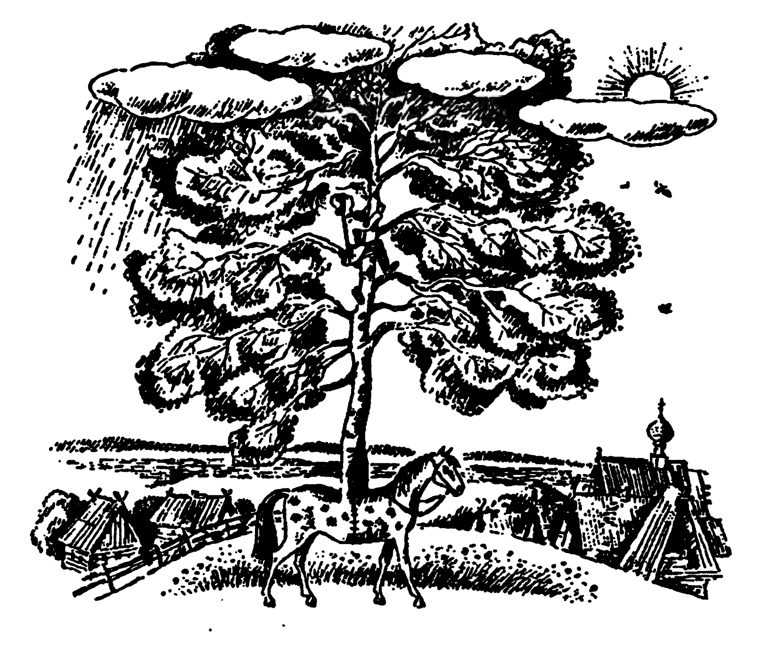
Согласился старик этот.

И стал брат говорить сказку.

Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат. Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот-иноход.

Изба была большая: на земле порог, и тут же потолок. Хоть сидеть нельзя, да зато посмотреть хорошо. А земли было — и глазом не окинешь! Пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Вот засеяли мы на полу ячмень, а на лавку семян не хватило.

Ну и вырос наш ячменек высок да густ. Да завязалась в нем крыса. Как пошла наша кошка лыса ловить крысу — заблудилась. И теперь там бродит. Ну, а ячмень мы сжали, а сложить-то и некуда. А я хоть меньшой, да

разумом большой. Склал скирду на печном столбу.

А бабушка моя куды была ре́зва — на печь три года лезла. Лезла, лезла, скирду нашу в лохань уронила, сама надвое переломилась.

Дед завыл. Я заголосил. Бабушку мы лычком сшили, так она еще десять лет так ходила.

Да была у нас еще кобыла сива. Поехал я в лес дрова рубить. Еду трусцой — трюх-трюх, а топор у меня за поясом сзади тюх-тюх. И отрубил лошади весь зад! Так на передке я три года катался. Вот еду раз лесом, глядь — на опушке задок моей лошади пасется. Вот я его поймал, обротал, березовым прутиком и сшил.

Ну и стала березка вверх расти. Росла, росла и выросла под самые облака. Надумал я по ней влезть — узнать, как так люди живут.

Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего. Надумал я назад спускаться, глядь, а кобылку-то мою дедушка увел поить. И не по чему спускаться. И стал я на облаках проживать, голодом голодовать. Завелися с той худобы у меня блохи немалые. Стал я блох ловить, да шкуры с них сдирать, да веревку вить.

Свил веревку длинную! Привязал одним концом к облакам и стал спускаться. На ту беду мне веревки не хватило. Ну, я сверху срежу — на низ наставлю. И все-таки веревки не хватает! Я сижу — не тужу, по сторонам гляжу. Смотрю — мужик овес веет, а полова (шелуха. — *Ред.*) вверх летит.

Вот я стал полову ловить да веревку вить. Вил, вил... и мертвую крысу завил. А она ни с того, ни с другого ожила, веревку перегрызла. Ну и полетел я в болото, по самый рот ушел.

Хотел воды напиться — шеи не нагнуть. Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо волк — лисеняток уволок. Да я ему тут за хвост вцепился. Вцепился да и крикнул:

— Утю-лю-лю!

Волк меня и вытащил из болота. Вышел я из болота голодный-преголодный. Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят. Хотел руку просунуть — не лезет! Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак не вылезти! Сбегал домой за топором, прорубил дупло пошире — выкарабкался!..

Узнал я, что за синим морем скот нипочем. За муху с мушонком дают корову с теленком, за больших оводов — больших быков. Вот я наловил мух да мушат три куля. Наменял

быков да коров три табуна. Пригнал к синему морю и давай горевать: как стадо домой гнать?

Вплавь пускать? Половина перетонет. Корабли нанять? Дорого возьмут. Вот я схватил одну корову за хвост да на ту сторону и швырнул. Раза два на лету перевернулась да на ту сторону носом и уткнулась. Так перешвырял я все три табуна. Остался один бык — бурый, большущий. Вот окрутил я хвост вокруг руки, собрался с силой, развернулся — да как пустил! На ту сторону вместе с быком перелетел.

Ну вот, так ненароком попал я в самую преисподнюю, где черти живут. И три года все у них навоз возил... И все на твоем дедушке.

А старик говорит:

— Не может быть, чтоб на моем дедушке!

— Может не может, а плати сто рублей! Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Получил он сто рублей, получил огонек. Пришел к братьям. Сварили они ужин. Поужинали. Спать легли. И теперь еще спят...

Из книги В. Бахтина
«От былины до считалки»

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Читая эту книгу, вы, возможно, обратили внимание на то, что многие писатели, прежде чем посвятить себя литературе, занимались другим делом. Так было и с англичанином Джеймсом Хэрриотом. Сорок лет своей жизни отдал он непростому делу — лечению животных. «Человеческий» врач может расспросить пациента, выяснить — где болит, как болит. Пациенты ветеринара не могут ничего расска-

зать своему врачу, он должен во всем разобраться сам.

В тридцатых годах, когда Хэрриот начинал свою ветеринарную практику, в Англии свирепствовала безработица. Молодой ветеринар считал большой удачей найденное им место помощника врача — с крышей над головой, столом и круглосуточной работой без выходных.

В любую погоду спешил он к своим пациентам, среди которых были лошади, коровы, овцы, собаки, кошки... Нередко приходилось оказывать помощь прямо в поле, под открытым небом. Хозяева животных — фермеры, люди простые, — не всегда придавали значение таким «пустякам», как мыло, полотенце и теплая вода, чтобы врач после работы мог вымыть руки.

В своих записках Дж. Хэрриот рассказывает не только о животных и всевозможных случаях из практики. Всегда — помогая корове дать жизнь теленку, оперируя кота, наглотавшегося собственной шерсти, облегчая страдания захромавшей лошади — рядом с пациентом он видел человека, хозяина больного животного. Похоже, что люди ни разу не обманули его надежд — все хозяева животных относились к ним именно так, как подобает человеку относиться к «братьям нашим меньшим».

Почитайте книги Джеймса Хэрриота, и вы убедитесь, что свою трудную работу он делал хорошо. И написал о ней замечательно — просто, искренне, с юмором.

Вот один случай из ветеринарной практики Дж. Хэрриота.

Водя стетоскопом по ребрам старого пса, я взвешивал, долго ли еще он протянет.

— С сердцем у Дона не лучше, — сказал я старенькому мистеру Чандлеру, который сидел сгорбившись в кресле у очага.

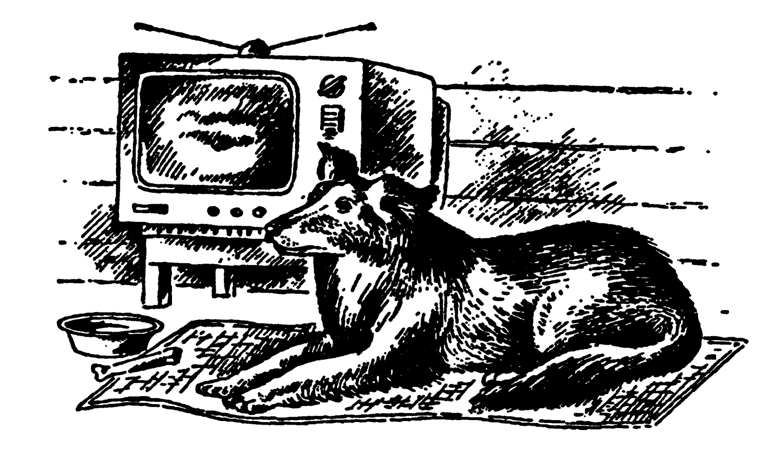
Я старался говорить бодрее. Сердце работало заметно хуже. Собственно говоря, казалось, что я никогда еще не выслушивал такого скверного сердца. Какие там шумы! Мешанина всплесков и хлюпанья: я только диву давался, каким образом животворная кровь еще циркулирует по телу дряхлой собаки.

Дону, косматому нечистопородному колли, было четырнадцать лет, и к сердечной слабости добавлялся неизбежный хронический бронхит, внося свою лепту бульканья и хрипов в симфонию, оглашавшую его грудь.

— Может, и так. — Мистер Чандлер наклонился вперед. — А в остальном-то он еще ничего. Ест даже очень хорошо.

Я кивнул.

— Да, удовольствие он от жизни получает, это несомненно. — Я потрепал старого пса по голове, и его хвост энергично застучал по коврику у очага, служившему ему подстилкой. — Боли он не испытывает и радуется, чему может.

— Если бы не чертов кашель, — проворчал его хозяин. — Покоя ему не дает! А сегодня совсем разыгрался, вот я вас и вызвал.

— Ну, совсем кашель не пройдет, но помочь, когда очень скверно становится, все-таки можно. Сейчас сделаю укол и оставлю таблетки.

После инъекции я отсчитал запас моих верных окцитетрациклиновых таблеток.

— Спасибо, мистер Хэрриот. — Старик взял пакетик и положил его на полку. — А вообще-то он как?

— Трудно сказать, мистер Чандлер. — Я замялся. — Я видел много собак с больным сердцем, которые жили годы и годы, а с другой стороны... Ждать можно всего. В любую минуту.

— Ну да... понимаю, понимаю. Будем надеяться на лучшее. Только старому-то вдовцу вроде меня немножко тоскливо становится. — Он поскреб в затылке и виновато улыбнулся. — Ночь сегодня скверная выдалась. С телевизором повеселей было, да он не работает. —

Старик кивнул на темный экран в углу. — За чаем совсем разладился. Я чертовы ручки крутил и так, и эдак, и все без толку. Вы в этих штуках понимаете?

— Боюсь, что нет, мистер Чандлер. Я телевизор купил совсем недавно.

В начале пятидесятых телевизор был еще новым чудом, а для тупиц в технике вроде меня — непостижимым чудом. Тем не менее я подошел к нему и включил, а затем принялся вертеть ручки, нажимать на кнопки, подтягивать проволочки, щелкать выключателями.

Внезапно старик у меня за спиной вскрикнул:

— Э-эй! Есть оно! Есть изображение!..

Я растерянно уставился на экран, где по техасской равнине несся галопом отряд шерифа. Чем-то я пронял таинственный ящик.

— Колдун вы, мистер Хэрриот! — Лицо старика просияло. — Сразу мне веселее стало.

Я испытал непривычное горделивое торжество:

— Ну очень рад, что сумел помочь! — Однако, взглянув на собаку, прильнувшую к коврику, я перестал радоваться.

— Если ему станет хуже, позвоните, — сказал я и вышел из домика со скверным предчувствием, что скоро услышу от мистера Чандлера печальное известие. И что-то для меня кончится. Я ведь успел привязаться к старому Дону, одному из самых покладистых пациентов, усердному хвостовиляльщику, которого лечил много лет.

Ждать пришлось недолго. В семь часов вечера три дня спустя зазвонил телефон.

— Чандлер говорит, мистер Хэрриот.

Голос был расстроенный, и я приготовился к худшему.

— Не хочется мне вас беспокоить, мистер Хэрриот, но, может, вы ко мне заглянули бы?

— Ну конечно, мистер Чандлер. Сию же минуту. Я понимаю, как вам тяжело.

— Да уж, худо, дальше некуда. Но я знаю, вы его подправите.

Мне вспомнилась какофония, звучавшая в стетоскопе, и я почувствовал, что обязан сказать правду:

— Мистер Чандлер, четырнадцать лет — срок долгий. Все изнашивается.

— Четырнадцать? Так ему, чертову сыну, и двух нет!

— ДВУХ?! — Неужели у старика в голове помутилось? — Дону еще и двух нет?

— Дону? Да причем тут Дон? Ему от таблеток очень даже полегчало. А вот телевизор этот треклятый опять не работает, хоть ты что! Может, заглянете починить его, а?

Из книги Дж. Хэрриота
«Среди йоркширских холмов».
Перевод И. Гуровой

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
(1860—1904)

В начале восьмидесятых годов девятнадцатого века в юмористических журналах стали появляться маленькие рассказы с забавной подписью — Антоша Чехонте. За этим псевдонимом скрывался студент-медик **Антон Чехов.** Гонорары (вознаграждение автору)

были неплохой поддержкой семье молодого писателя.

А семья Чеховых богатством не отличалась. Сказать точнее — жили в постоянной нужде. Когда отец — мелкий торговец — разорился и вынужден был уехать в Москву, к старшим сыновьям, шестнадцатилетний гимназист Антон остался в родном Таганроге один и зарабатывал на жизнь, давая частные уроки. При этом он умудрялся еще помогать родителям. Окончив гимназию, Антон Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета. Вот тогда и начал он печататься в журналах.

Студент выучился на врача но продолжал писать — *рассказы, повести пьесы.* Нет у него специальных «детских» произведений. Более того, сам Чехов говорил: «Писать для детей вообще не умею». Но кто из ребят не знаком с Каштанкой и *Белолобым*, кто не помнит *Ваньку Жукова* с его письмом «на деревню дедушке»?..

Почему «взрослые» произведения Чехова вполне понятны детям? Вероятно, потому, что

Чехов хорошо знал жизнь — и умел о ней рассказать. Он побывал и в центре России, и на ее далеких окраинах. В 1890 году он совершил путешествие через всю страну на далекий остров Сахалин. Кроме того, писатель Чехов продолжал оставаться врачом, лечил в основном людей простых, небогатых.

Многие произведения Чехова занимают всего несколько страниц, но порой на этих нескольких страницах умещается целая жизнь. Чтобы так писать, требуется большой талант. У Антона Павловича Чехова он был. Сам писатель считал, что «краткость — сестра таланта». А современник Чехова Лев Николаевич Толстой назвал его «несравненным художником жизни».

Листая страницы...

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы, и ему посоветовали обратиться к человеку, который умел их «заговаривать». Жил этот человек в Саратове, и просить о помощи его нужно было письменно.

... Генерал сел за стол и взял перо в руки.

— Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл! Васильичу... Черт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

— Ну, что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... Словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников?

— Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

— Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Все не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, черт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу...

Что сталось с генералом и его больным зубом, а также — какова была фамилия лекаря, вы узнаете из рассказа Антона Павловича Чехова «Лошадиная фамилия».

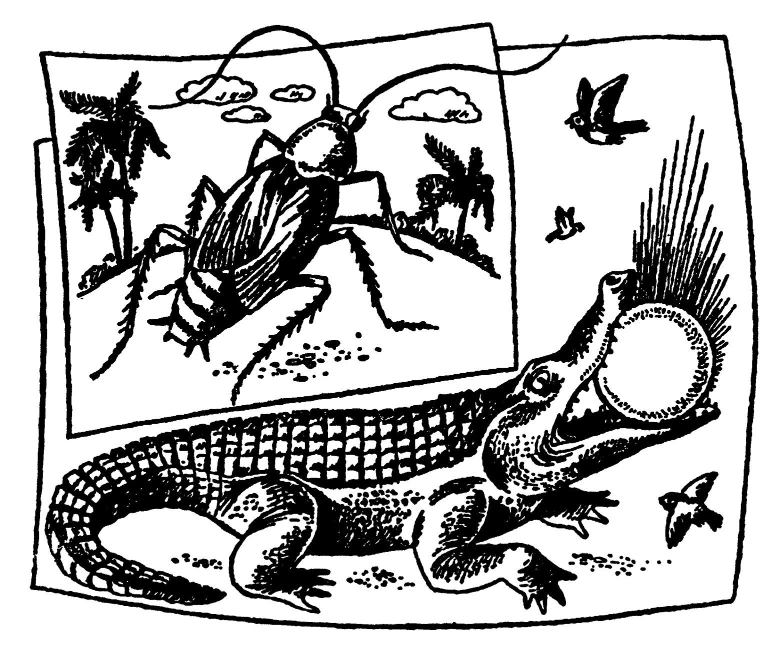
КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ (1882—1969)

Нам жалко дедушку Корнея:
В сравненье с нами он отстал,
Поскольку в детстве «Бармалея»
И «Крокодила» не читал,
Не восхищался «Телефоном»
И в «Тараканище» не вник.
Как вырос он таким ученым,
Не зная самых главных книг?

Вот такое шутливое стихотворение посвятил Корнею Ивановичу Чуковскому поэт Валентин Берестов.

Действительно, трудно представить, что когда-то этих «самых главных книг» не было. И сказочник Чуковский занимался совсем другим делом. Когда вышла первая его книга для детей, он писал в предисловии: «Собранные здесь стихи написаны мною нечаянно. Долгое время мне и в голову не приходило, что из меня выйдет поэт для детей. Своей единственной профессией я считал литературную критику...» (Литературной критикой называют разбор произведений различных авторов.)

А как же сказки? А сказки родились случайно. Первым появился «Крокодил». Заболел маленький сын Корнея Ивановича. Отец вез его домой в ночном поезде, и чтобы хоть

чуть-чуть облегчить страдания мальчика, под перестук вагонных колес стал рассказывать:

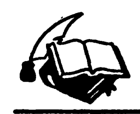
> Жил да был
> Крокодил.
> Он по улицам ходил,
> Папиросы курил,
> По-турецки говорил —
> Крокодил, Крокодил Крокодилович...

А знаменитый «Мойдодыр» начался с того, что маленькая дочка писателя не желала умываться...

«Переквалифицировавшись» в детского поэта, Корней Иванович Чуковский не забывал и взрослых — продолжал писать статьи на литературные темы, переводить стихи зарубежных поэтов.

Жил Чуковский в Переделкине, под Москвой, и была там у него еще одна очень важная работа. Рядом со своим домом он построил детскую библиотеку. Книги в эту библиотеку по просьбе Корнея Ивановича присылали детские писатели, а сам «дедушка Корней» был в ней главным работником.

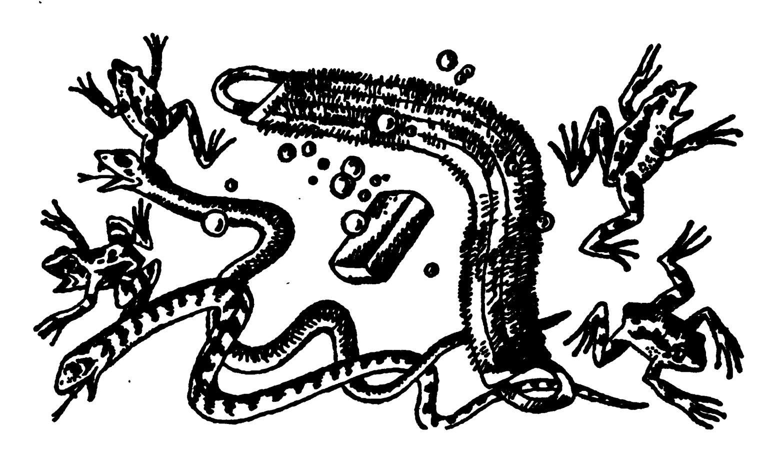
Давно нет с нами писателя Чуковского, но стихи и сказки его, пожалуй, будут с удовольствием читать и слушать внуки тех ребят, которые держат сейчас в руках эту книгу.

Листая страницы...

Корней Иванович Чуковский сочинил для ребят множество загадок. Попробуйте отгадать одну из них:

Возьмите меня, умывайтесь, купайтесь,
А что я такое — скорей догадайтесь.
И знайте: большая была бы беда,

Когда бы не я да вода, —
На грязной, немытой шее
У вас жили бы гадкие змеи
И ядовитыми жалами
Кололи бы вас, как кинжалами.
А в каждом невымытом ухе
Засели бы злые лягухи.
И если б вы, бедные, плакали,
Они бы смеялись и квакали.
Вот, милые дети, какая беда
Была бы, когда бы не я да вода.
Берите меня, умывайтесь, купайтесь,
А что я такое — скорей догадайтесь.

Из книги загадок К. И. Чуковского
«Шел Кондрат в Ленинград»

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ ШВАРЦ (1896—1958)

Если спросить человека любого возраста, какие он знает фильмы-сказки, среди прочих названий обязательно прозвучит «Золушка». А первого сентября по телевидению снова и снова показывают «*Первоклассницу*». А ведь этим фильмам почти полвека: «Золушка» снята в 1947 году, а «Первоклассница» — в 1948-м. Сценарии этих фильмов написал **Евгений Львович Шварц.**

Он родился в семье врача, учился на юридическом факультете Московского университета, с детства увлекался театром, стал **драматургом** — автором произведений для сцены.

А первая книга Шварца была написана для ребят и называлась «Рассказ старой балалайки». Детские стихи и рассказы Евгения Льво-

вича охотно печатали выходившие в двадцатых годах журналы «Чиж» и «Еж». Пьесы же Шварца печатали мало. Возможно, потому, что в сказочных государствах, придуманных драматургом, жизнь была слишком похожа на то, что происходило в то время в нашей стране.

Евгений Львович, помимо литературных произведений, оставил тридцать семь полностью исписанных толстых конторских тетрадей. Их друзья писателя в шутку называли «*Ме*» (от слова **мемуары** — воспоминания). В этих «Ме» портреты знаменитых современников перемежаются с рассуждениями о жизни и творчестве. Есть там и детские воспоминания писателя. А книга воспоминаний тех, кто лично знал Евгения Львовича Шварца, называется «Житие сказочника».

Герой пьесы Е. Л. Шварца по мотивам сказки Андерсена «Снежная королева» говорит: «Разные люди бывают на свете: кузнецы, повара, доктора, школьники, учителя, кучера, актеры, сторожа. А я вот — сказочник. И все — и актеры, и учителя, и кузнецы, и доктора, и повара, и сказочники, — все мы работаем, и все мы люди нужные, необходимые, очень хорошие люди». Эти слова писатель мог бы сказать и о себе самом.

Листая страницы...

Предлагаем вам почитать отрывок из воспоминаний Евгения Львовича Шварца.

... Я стал гораздо самостоятельнее. Я один ходил в библиотеку — вот тут и началась моя долгая, до сих пор не умершая любовь к правому крылу Пушкинского дома. До сих пор я вижу во сне, что меняю книжку, стоя у перил перед столом библиотекарши, за которым высятся ряды книжных полок. Помню и первые две фамилии каталога: Абу Эдмонд. «Нос некоего нотариуса», Амичис Эдмонд. «Экипаж для всех». Меня удивляло, что в каталоге знакомые фамилии писателей переиначивались. Например, Жюль Верн назывался Верн Жюль. Левее стола библиотекарши, у прохода в читальню, стоял другой стол, с журналами. Но в те годы читальный зал я не посещал. Я передавал библиотекарше прочитанную книгу и красную абонементную книжку, она отмечала день, в который я книгу возвращаю, и часто выговаривала мне за то, что читаю слишком быстро. Затем я сообщал ей, какую книжку хочу взять, или она сама уходила в глубь библиотеки, начинала искать подходящую для меня книгу. Это был захватывающий миг. Какую книгу вынесет и даст мне Маргарита Ефимовна? Я ненавидел тоненькие книги и обожал толстые. Но спорить с библиотекаршей не приходилось. Суровая, решительная Маргарита Ефимовна Грум-Гржимайло, сестра известного путешественника, внушала мне уважение и страх. Ее побаивались, но и подсмеивались над ней. Ее знал весь город и как библиотекаршу, но еще более как «тую дамочку чи баришню, что купается зимой». Одна из Валиных нянек рассказывала, что видела, как библиотекарша «сиганула в прорубь и выста-

вила оттуда голову, как та гадюка». Как я теперь понимаю, у Маргариты Ефимовны был выработан строгий порядок жизни, из которого обыватели только и знали, что неприветливость да зимние купания. Она была одинока...

Из книги «Житие сказочника: Евгений Шварц»

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ШМЕЛЕВ (1873—1950)

Судьба этого прекрасного русского писателя сложилась так, что из семидесяти семи лет своей жизни почти тридцать он прожил вдали от родины — в *эмиграции*. И книги его, известные в дореволюционной России, долгое время не были знакомы современным читателям. После революции и до конца пятидесятых годов книги Шмелева в нашей стране не издавали.

Родился **Иван Сергеевич Шмелев** в Москве, в обеспеченной купеческой семье. Книг в родительском доме почти не водилось. Став взрослым, он вспоминал: «С поступлением в гимназию мне стала доступной книга. Жюль Верн, Майн Рид, потом Марриэт и Эмар были любимыми писателями. Они открыли передо мной прекрасный мир недосягаемого. Океан и тропические леса. Льды и пустынные берега, просторы и тишина. Отважные и честные люди. Благородные храбрецы, герои-индейцы и старые охотники...»

Первый свой рассказ Иван Шмелев написал еще гимназистом, а всего до революции он издал восемь томов своих произведений. Сна-

чала это были детские рассказы, а потом он начал писать, как сам говорил, «и в общей литературе».

Во время гражданской войны семья Шмелевых оказалась в Крыму. В те годы многие уезжали на юг страны, где было, как считалось, легче прожить. Туда к родителям приехал демобилизованный из белой армии, больной туберкулезом их единственный сын Сергей. Семья пережила шесть правительств, сменившихся в Крыму за годы войны, но не покинула Россию. Когда в Крым пришли большевики, всем воевавшим за белых была обещана *амнистия* (освобождение от наказания). Но обещания своего советская власть не сдержала — Сергей Шмелев был расстрелян, как и многие поверившие в амнистию.

Шмелевы долго надеялись, что сын не погиб. Искали его, писали письма. Они пережили страшный голод в Крыму, вернулись в Москву. По приглашению знакомых выехали за границу — и там Иван Сергеевич узнал наконец страшную правду о судьбе сына. После этого он решил не возвращаться в Россию никогда.

В романе **«Лето Господне»**, созданном в эмиграции, писатель вспоминает свои детские годы, родных и близких людей. Книга эта состоит из трех частей: «Праздники», «Радости», «Скорби». Она считается вершиной творчества Ивана Сергеевича Шмелева.

Отец маленького Вани устраивал катальные горы. Сейчас такого зимнего развлечения в Москве нет.

Вот как катали с гор на масленицу:

В субботу, после блинов, едем кататься с гор. Зоологический сад, где устроены наши горы — они из дерева и залиты льдом, — завален глубоким снегом, дорожки в сугробах только. Видно пустые клетки с сухими деревцами; ни птиц, ни зверей не видно. Да теперь и не до зверей. Высоченные горы на прудах. Над свежими тесовыми беседками на горах пестро играют флаги. Рухаются с рычаньем высокие «дилижаны» с гор, мчатся по ледяным дорожкам, между валами снега с воткнутыми в них елками. Черно на горах народом. Василь-Василич распоряжается, хрипло кричит с верхушки; видно его высокую фигуру, в котиковой, отцовской, шапке. Степенный плотник Иван помогает Пашке-конторщику резать и выдавать билетики, на которых написано — «с обеих концов по разу». Народ длинным хвостом у кассы. Масленица погожая, сегодня немножко закрепило, а после блинов — катается.

— Милиен народу! — встречает Василь-Василич. — За тыщу выручки, катальщики не успевают, сбились... какой черед!..

— Из кассы чтобы не воровали, — говорит

отец и безнадежно машет. — Кто вас тут усчитает!..

— Ни Бо-же мой!.. — вскрикивает Василь-Василич. — Кажные пять минут деньги отымаю, в мешок ссыпаю, да с народом не сообразишься, швыряют пятаки, без билетов лезут... Эка, купец швырнул! Терпения не хватает ждать... Да Пашка совестливый... ну, грешница проскочит, больше-то не уворует, будь-покойны-с.

По накатанному лотку втаскивают веревками вернувшиеся с другой горы высокие сани с бархатными скамейками — «дилижаны», — на шестерых. Сбившиеся с ног катальщики, статные молодцы, ведущие «дилижаны» с гор, стоя на коньках сзади, весело в меру пьяны. Работа строгая, не моргни: крепко держись за поручни, крепче веди на скате, «на корыте».

— Не изувечили никого, Бог миловал? — спрашивает отец высокого катальщика Сергея, моего любимца.

— Упаси Бог, пьяных не допускаем-с. Да теперь-то покуда мало, еще не разогрелись. С огнями вот покатим, ну, тогда осмелеют, станут шибко одолевать... в шею даем!

И как только не рухнут горы! Верхушки битком набиты, скрипят подпоры. Но стройка крепкая: владимирцы строили, на совесть.

Сергей скатывает нас на «дилижане». Дух захватывает, и падает сердце на раскате. Мелькают елки, стеклянные разноцветные шары, повешенные на проволоках, белые ленты снега. Катальщик тормозит коньками, режет-скрежещет льдом. Василь-Василич уж разогрелся, пахнет от него пробками и мятой. Отец идет считать выручку, а Василь-Василичу го-

ворит — «Поручи надежному покатать!». Василь-Василич хватает меня, как узелок, под мышку и шепчет: «Надежней меня тут нету». Берет низкие саночки — «американки», обитые зеленым бархатом с бахромой, и приглашает меня — скатиться.

— Со мной не бойся, купцов катаю! — говорит он, сажаясь верхом на саночки.

Я приваливаюсь к нему, под бороду, в страхе гляжу вперед... Далеко внизу ледяная дорожка в елках, гора, с черным пятном народа, и вьются флаги. Василь-Василич крякает, трогает меня за нос варежкой, засматривает косящим глазом. Я по мутному глазу знаю, что он «готов». Катальщики мешают, не дают скатывать, говорят — «Убить можешь!». Но он толкает ногой, санки клюют с помоста, и мы летим... ахаемся в корыто спуска и выносимся лихо на прямую.

— Во-как мы-та-а-а!.. — вскрикивает Василь-Василич, — со мной нипочем не опрокинешься!.. — прихватывает меня любовно, и мы врезаемся в снежный вал.

Летит снеговая пыль, падает на нас елка, саночки вверх полозьями, я в сугробе: Василь-Василич мотает валенками в снегу, под елкой.

— Не зашибся?.. Господь сохранил... Маленько не потрафили, ничего! — говорит он тревожным голосом. — Не сказывай папаше только... я тебя скачу лучше на наших саночках, те верней.

К нам подбегают катальщики, а мы смеемся.

Из книги И. Шмелева
«Лето Господне»

ЭКСЛИБРИС

Книголюбы часто метят свои книги специальными этикетками — **экслибрисами.** Экслибрис (от латинского *ex libris* — из книг) указывает на принадлежность книги определенному лицу или библиотеке.

«Отцом» экслибриса считается немецкий художник **Альбрехт Дюрер** — именно он создал гравюры, оттиски с которых стали первыми книжными знаками.

Первый известный ученым русский экслибрис был нарисован от руки и принадлежал игумену Соловецкого монастыря *Досифею*. Печатные русские книжные знаки появились во времена *Петра Великого* и чаще всего изображали гербы своих владельцев. Постепенно на смену гербовым пришли сюжетные экслибрисы. Многие известные художники создавали экслибрисы для библиотек знаменитых людей.

Книжный знак обычно — не просто метка. Он характеризует вкусы владельца книги. Например, на экслибрисе известного исследователя творчества **Пушкина** — **А.Ф. Онегина** — изображена любимая героиня поэта *Татьяна Ларина*. Кстати, литературных героев довольно часто изображают на книжных знаках. Бывают экслибрисы замысловатые, а бывают совсем простые — такие, например, как у **Льва Николаевича Толстого.**

Если вы решите обзавестись экслибрисом — нелишне будет знать, что помещают его на внутренней стороне верхней крышки переплета книги.

ТУВЕ МАРИКА ЯНСОН
(р. 1914)

Вообще-то рисовать на стенах не полагается. Но стена, на которой художница **Туве Марика Янсон** впервые нарисовала *Муми-тролля*, находилась в ее собственной мастерской.

Итак, сначала был «портрет» сказочного героя. А сам герой вместе со своей сказкой появился только через восемь лет.

Родилась Туве Марика Янсон в Финляндии. Мать ее была художницей, отец — скульптором. На лето семья уезжала из Хельсинки на остров. Там, в доме рыбака, мать рисовала, отец ваял скульптуры, а дети играли в свои веселые игры.

Марика была большой фантазеркой. Для каждой вещи она придумывала свою историю, каждое событие в ее воображении превращалось в сказку. Однажды снежной зимой девочка с матерью ночевали в засыпанном снегом, похожем на сугроб сельском доме. Марика вообразила, будто это не дом, а берлога, и они не люди, а медведи...

Юная фантазерка пошла по стопам родителей и стала художницей. Она иллюстрировала чужие книги, но авторам не всегда нравилось, как художница рисует героев их произведений.

Однажды во время разговора с братом Марика нарисовала на стене мастерской сказочное существо, похожее на бегемотика, — это и был Муми-тролль. Но сказки о нем, его родных и друзьях Туве Марика Янсон начала писать позднее.

Первая книга под названием «Маленькие тролли и большое наводнение» вышла в 1938 году с иллюстрациями самой Янсон. Потом было еще десять сказочных книг и девять томов рисунков, которые печатались даже в газетах. Так Туве Марика Янсон прославилась и как писатель, и как художник.

Вот какими нарисовала своих героев сама сказочница.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

Литература

Автор-составитель *Наталья Владимировна Чудакова*
Художники *Е.В. Гальдяева, А.В. Кардашук*
Ведущий редактор *О.Г. Хинн*
Редактор *Н.В. Гусева*
Художественный редактор *А.Е. Волков*
Технический редактор *В.А. Позднякова*
Компьютерный дизайн обложки *С.В. Кострыкин*
Корректоры *Э.Э. Павлович, В.П. Гриднева, В.С. Артамонова*
Младшие редакторы *Т.М. Яковлева, Н.В. Тегипко*

ООО «Издательство АСТ-ЛТД»
366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3.

Изд. лиц. В 175372 02254 от 03.02.97.
Подписано в печать 19.09.97. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура Школьная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 76 000 экз. Зак. 463.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГМП «Первая Образцовая типография» Государственного комитета Российской Федерации по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО